

СВЕН
ОГЕ
КРИСТЕНСЕН

**ИСТОРИЯ
РОССИИ
XVII В.**

SVEND
AAGE
CHRISTENSEN

**RUSLANDS
HISTORIE
I DET 17.
århundrede**
EN FORSKNINGS-
OG
KILDEOVERSIGT

JYSK SELSKAB FOR HISTORIE 1979
UNIVERSITETSFORLAGET I AARHUS

СВЕН
ОГЕ
КРИСТЕНСЕН

**ИСТОРИЯ
РОССИИ
XVII в.**

ОБЗОР
ИССЛЕДОВАНИЙ
И ИСТОЧНИКОВ

Перевод с датского
кандидата исторических наук
В. Е. ВОЗГРИНА

Вступительная статья
и общая редакция
доктора исторических наук
В. И. БУГАНОВА

МОСКВА
ПРОГРЕСС
1989

ББК 63.3(2)46
К 82

Послесловие *В. Е. Возгина*

Комментарии *А. Н. Медушевского*

Кристенсен С. О.

К 82 История России XVII в. Обзор исслед. и источников: Пер. с дат./Вступ. ст. и общ. ред. В. И. Буганова.— М.: Прогресс, 1989.—256 с.

В книге дается аналитический обзор русской дореволюционной, советской и зарубежной литературы по истории России XVII в. и приводится обширный источниковый материал.

К $\frac{0503000000-049}{006(01)-89}$ 35—89

ББК 63.3(2) 46

5—01—00163—2—X

Редакция литературы по международным отношениям и истории

© Svend Aage Christensen 1979

© Перевод на русский язык, вступительная статья, послесловие и комментарии издательство «Прогресс», 1989

О ТРУДЕ С. О. КРИСТЕНСЕНА ПО ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ РОССИИ XVII СТОЛЕТИЯ

Из задуманной датскими историками серии «Проблемы истории России и Советского Союза» советский читатель получил уже возможность познакомиться с книгой Х. Баггера о Петровской эпохе¹. Предлагаемый вниманию специалистов и любителей отечественной истории данный труд посвящен России XVII в., который историки нередко называют «предпетровским», «предреформенным». В этом определении, с одной стороны, верно подчеркивается значение периода, когда в стране правили дед, отец и брат Петра I, периода, сыгравшего большую роль в подготовке петровских преобразований. С другой стороны — налицо определенное принижение «допетровской» эпохи, противопоставление времени «до» и «после» Петра Великого, этого «революционера на троне».

В первой главе книги, а она, как и в работе Х. Баггера, посвящена «постановке ключевых проблем», Кристенсен акцентирует внимание на переломном, переходном характере XVII столетия в русской истории; этот тезис получает у него, и с этим нельзя не согласиться, глобальное звучание: «Любой исторический период является в известном смысле переходной эпохой, на протяжении которой нечто старое постепенно отмирает, а нечто новое нарождается». В целом он считает, что в XVII в. «рождений» и «отмираний» было значительно больше, чем в каком-либо другом столетии, и что в России в это время имел место переход от средневекового общества к обществу нового времени, от феодальной к самодержавной монархии (с. 24). Впрочем, как отмечает

¹ Баггер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985. (Рец. В. А. Артамонова см.: История СССР, 1987, № 4.)

Кристенсен, были представители и «иного направления», которые выступали с критикой теории «переходного общества» и стремились «освободить» ту или иную эпоху от ее переходных комплексов и исследовать только ее собственный облик. Подобный подход при изучении истории России XVII в. обуславливал одностороннее понимание «допетровского века».

В этих теоретических положениях, мне думается, очень хорошо прослеживается мысль о неповторимости каждой исторической эпохи. Столь же интересно наблюдение автора о том, что в XVII столетии с его Английской революцией, положившей начало новому времени в мировой истории (хотя эта точка зрения может показаться слишком европоцентристской), и другими революциями, восстаниями и потрясениями «рождений» и «отмираний» было больше, чем в другие эпохи. Так, француз П. Шевалье писал, что XVII век «замечателен в своем роде теми великими и удивительными революциями, которые в нем произошли... Восстания в этом веке были часты как на Востоке, так и на Западе»². В самом деле, помимо буржуазной революции в Англии,— Фронда во Франции, две крестьянские войны и мощные городские восстания в России, восстания 1647—1648 гг. в Южной Италии и Сицилии, 1648 г. в Австрии, 1648—1651 гг. в Польше, 1650—1653 гг. в Швеции, национально-освободительная война 1648—1654 гг. на Украине и т. д.

Это утверждение, вполне возможно, может встретить возражения со стороны историков, изучающих «другие» столетия, и специалистов по философии истории. Действительно, в эпоху перехода от рабовладельческого строя к феодальному или во времена Французской и Американской революций, отмены крепостного права в России и рабства в Америке, русских революций начала нынешнего столетия тоже было немало «рождений» и «отмираний» и важных, своеобразных и неповторимых событий, оказавших мощное воздействие на мировую историю.

Для нашей страны XVII в. явился, согласно ле-

² Поршневу Б. Ф. К характеристике международной обстановки освободительной войны украинского народа 1648—1654 годов.— Вопросы истории, 1954, № 5, с. 50.

нинскому определению, основанному на суждениях русских историков — В. О. Ключевского и др., — началом «нового периода русской истории»³. Кристенсен в общую формулу о переходном характере века, включает и переход «от феодальной к самодержавной монархии». Вероятно, точнее было бы сказать: от сословно-представительной к абсолютной монархии. В интерпретации автора, правда, не совсем ясна разница между феодальной и самодержавной монархиями. Далее, следует добавить, и это, пожалуй, более существенно, что общая формула о переходе от средневековья к новому времени в России и дополняющий, уточняющий ее тезис о переходе от феодальной к самодержавной монархии в значительной степени совпадают. В связи с этим можно отметить, что в своих научно-исторических построениях, а это относится как к упомянутой книге Баггера, так и к другим работам западных учёных, автор исходит из приоритета государственного фактора перед экономическим и социальным.

С. О. Кристенсен держит в поле своего зрения большое число трудов русских, советских и зарубежных специалистов по истории России XVII в., исходя из своих представлений об их значимости в разработке рассматриваемых им проблем. Конечно, он упоминает не всю литературу, да это и невозможно, и вряд ли необходимо — слишком она обширна и неравноценна. Автор здесь волен выбирать труды, и давать им оценки. Это не должно смущать читателя, несмотря на случайный подчас характер подобного отбора, ибо извинительным обстоятельством может служить то, что не вся наша специальная литература имётся в распоряжении зарубежных учёных.

Конкретный историографический анализ начинается со славянофилов и их антиподов-западников — С. М. Соловьёва и В. О. Ключевского. Приводится точка зрения последнего о том, что «XVII в. был целиком и полностью подготовительным периодом по отношению к эпохе реформ Петра Великого». Это положение, по словам Кристенсена, повлияло на позднейшие работы советских учёных, хотя и основанные на иных предпосылках (с. 26). В связи с этим Крис-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 153—154.

тенсен упоминает об имевших место среди советских историков дискуссиях о генезисе капитализма, об абсолютизме в России. Говорит он и о разном понимании феодализма большинством дореволюционных историков и советскими учеными: первые считали, что феодализм (его главный признак — наличие ленов, феодалов, в качестве каковых выступали удельные княжества) прекратил существование в XVI—XVII вв., т. е. с ликвидацией последних уделов и возникновением централизованного абсолютистского государства; вторые исходили из окончательного оформления в XVII в. крепостного права и тем самым усиления монархии и класса феодалов, из факта существования феодальной формации в России до 1861 г.

Отмечая расхождение между историками по вопросам о роли государства и дворянства, о значении войн (в частности, Тридцатилетней войны) как причины народных восстаний (здесь автор предпочитает точку зрения советских историков, в частности Б. Ф. Поршнева, в противовес мнению Хобсбаума), Кристенсен намечает «основные темы» своего исследования. Это — политическая, социальная, экономическая история; далее — внешняя политика, международные связи и территориальное расширение; и особо автор выделяет Смутное время, т. е. начало XVII в.

В соответствии с намеченной программой он останавливается прежде всего на проблеме государства и его институтов, которой посвящена вторая глава книги. В целом Кристенсен исходит из «общепризнанного» положения, согласно которому в XVII в. продолжалась централизация Русского государства. Выражалось это в усилении власти царя, влиянии дворянства, в административных реформах, подчинении церкви светской власти, образовании регулярной армии, расширении экономических и культурных связей между различными областями обширной страны. Отталкиваясь от идей русских историков-«государственников», он концентрирует внимание на анализе государственной формы, государственных институтов — Боярской думы, Земских соборов и приказов, — на взаимоотношениях государства и церкви и изменениях в связи с расколом — «великой схизмой русской церкви в середине столетия».

Кристенсен отмечает как «основную лакуну в исследованиях» отсутствие работ по общественным потребностям и инвестициям, об участии общественного сектора в экономике страны. Очевидно, он полагает, что, сосредоточившись на изучении роли государства в России XVII в., историки (а речь идет об авторах XIX в. — от Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина до народника П. Н. Ткачева) упускали из виду то, что многие их современники называли «земством» — общество, народ, его потребности, стремления, его долю участия в развитии страны. Этот упрек в значительной степени справедлив, хотя полностью с ним согласиться трудно. В русской историографии, у тех же «государственников» и других представителей буржуазной историографии, начиная с ее пионеров в XVIII в. (М. Д. Чулков и др.), заметное место занимали наблюдения по поводу участия представителей крестьянства, купечества и других слоев населения в экономической жизни страны (земледелие, ремесло, мануфактуры, сбор налогов и т. д.), в работе сословно-представительных учреждений — Земских соборов; вложения средств «капиталистами»-купцами, крестьянами, промышленниками (Строгановы, Никитниковы, Шорин и др.) в торговлю, промышленное предпринимательство, различные промыслы. Особо широкий размах разработка этих сюжетов приобрела в исследованиях советских историков.

Большое внимание уделяет Кристенсен терминологии, понятийному аппарату в связи с обсуждением в советской и западной историографии проблемы абсолютизма. Рассматривая разные точки зрения о соотношении понятий «самодержавие», «сословно-представительная монархия», «абсолютная монархия», об этапах развития монархии, самодержавия в России, он исходит из факта осуществления монархом в XVI—XVII вв. власти «совместно с Боярской думой и боярской аристократией» и существования полностью не ограниченной, абсолютной власти монарха в XVIII—XX вв. (с. 37). Это так, но необходимо при этом уточнить некоторые хронологические моменты: что касается Боярской думы и боярской аристократии, то они существовали и функционировали еще при великих князьях со времен Киевской Руси, и это «совместное» осуществление власти имело место

задолго до XVI в. Первый русский правитель, принявший титул царя, созвал в середине XVI в. первый Земский собор с представителями от сословий. Именно с этого времени и существует в России сословно-представительная монархия; а в первой половине XVII столетия, после окончания Смуты, роль сословий в этом представительном органе становится особо заметной. Впрочем, как давно уже отметили русские историки, среди них В. О. Ключевский, роль эта, в сравнении с тем, что имело место, например, в Англии или Франции, была более чем скромной. Сословия не получили развития, сошли на нет, как только самодержавие после потрясений Смутного времени окрепло и не нуждалось более в их помощи (в первую очередь для мобилизации средств в истощенную казну), не говоря уж о том, что опыт сословного представительства в России не привел и не мог привести к выработке парламентарной традиции с вытекающими отсюда последствиями. Наоборот, уже с середины XVII в. нарастают антисословно-представительные, абсолютистские тенденции, традиции, окончательно утвердившиеся при Петре I и дожившие до начала нынешнего столетия.

Перечисляя разные точки зрения о предпосылках, движущей силе русского абсолютизма, автор подчеркивает его своеобразие и отличие от западноевропейского абсолютизма (большая экономическая мощь монарха, медленное социально-экономическое развитие страны, слабость буржуазии). Далее, столь же верно указывается на автократичность, самовластность форм правления в России и до установления абсолютизма. Кристенсен уточняет: «Положение усугублялось влиянием известных иллюзий, которые крестьянское сословие питало по отношению к царской власти, и, наконец, низким уровнем классовой борьбы вплоть до начала XX в.» (с. 42).

Относительно царистских иллюзий русского крестьянства, его наивного монархизма сказано справедливо, но следует добавить, что они были свойственны и западноевропейскому крестьянству. Во Франции в ходе крестьянских восстаний и войн, в том же XVII в., их участники шли в бой под лозунгами: против габели, тальи (т. е. против высоких налогов), но за короля; впрочем, это не помешало существо-

ванию и развитию парламента. Что же касается классовой борьбы в России XVII в. и последующих столетий, то это далеко не простой вопрос. Так, некоторые авторы пишут о том, что их оппоненты слишком преувеличивают значение классовой борьбы в смысле ее воздействия на формирование российского абсолютизма и что участники крестьянских войн и других народных движений не имели своей классовой идеологии. Если судить об этом, сравнивая размах революционного движения в Западной Европе XVII—XIX вв. (цепь великих революций, сыгравших, без преувеличения, роль «локомотивов истории» не только для европейского, но и для других регионов) и в России XIX в. (три этапа революционного, или освободительного, движения), то, конечно, масштабы классовой борьбы в России XVII в. выглядят менее выразительными и результативными. Но нельзя упускать и другое, весьма существенное, что крестьянские войны и восстания, городские движения в России XVII в., весь «объем» классовой борьбы, охватившей все слои зависимого населения и все районы страны, от западных границ до берегов Тихого океана, от Поморья до Северного Кавказа, свидетельствовали о мощном, невиданном доселе подъеме социального протеста народных масс. Этот исторический феномен вполне сравним с тем, что происходило в странах Западной, Центральной и Северной Европы в эпоху крестьянских войн. Правда, на Западе это началось еще в XIV—XV вв., а в XVII в. эпоха крестьянских войн там уже заканчивалась. В России она в это время только начиналась, а продолжилась в следующем столетии. Причины запоздания известны — отставание страны в развитии хозяйства и культуры, не говоря уже о государственно-политических структурах, от передовых стран Европы, тормозящее влияние двух с половиной векового ордынского ига, крепостнического, полурабского по существу режима, отсутствие оппозиционной по отношению к власти общественно-политической мысли и вытекающие отсюда последствия: угнетенность, приниженность общества, «земства», всесилие и бесконтрольность высшей власти и, наоборот, бесправие, раболепие подавляющей массы населения.

Образование централизованного государства в

России сопровождалось резким усилением мощи царской власти, бюрократического аппарата, других карательных органов, их совокупного и централизованного нажима на зависимые, трудящиеся сословия; это стало национальным бедствием, проклятием для народов России. Но в силу известного закона — всякое действие рождает противодействие — гораздо более мощным и централизованным становится и отпор народных низов. Народные восстания XVII в., особенно две крестьянские войны И. И. Болотникова и С. Т. Разина, мощные восстания в Москве (а их за столетие произошло более полудюжины) обозначили новый важнейший рубеж в развитии классовой борьбы в России, ее высший этап в сравнении с XI—XVI вв. Это — и огромные масштабы самих движений с десятками тысяч участников, и повстанческие армии, и военно-политические центры руководства борьбой, и осада, штурмы, взятие десятков городов (в том числе осада столицы России), освобождение части территории страны от власти царской администрации, установление на ней повстанческой власти и существенное ее влияние на развитие страны (отсрочка окончательного оформления крепостного права, временное снижение налогов и повинностей, удовлетворение требований восставших по части суда и расправы, жалования и др., падение и смена центрального правительства и местных властей). До XVII в. Россия ничего подобного не знала. Тем самым, если подходить с позиций историзма, т. е. сравнивать уровень классовой борьбы в России XVII в. с тем, что было ранее, то характеризовать его как «низкий» будет по меньшей мере несправедливо. То же самое можно сказать и о последствиях народной борьбы: эпоха крестьянских войн и других движений XVII—XVIII вв. оказала несомненное воздействие и на эволюцию российского абсолютизма, который, помимо прочего, стал формой ужесточения классового господства феодалов, их противостояния социальному протесту угнетенного народа, и на вызревание новых, собственно революционных этапов освободительного движения, на появление оппозиционной общественно-политической мысли (Радищев и радищевцы, декабристы и революционеры-демократы), в конечном счете, на переход от феодального строя к капиталистическому.

При всем том специфика исторического развития России в течение этих столетий, хотя в целом страна шла тем же путем, что и другие страны Европы, выражалась в замедленных темпах роста экономики, недостаточной силе воздействия классовой борьбы, революционного движения на позиции всесильного самодержавия, российского абсолютизма. Отечественный абсолютизм только в начале нынешнего века вынужден был пойти на существенные уступки — в форме конституционной монархии. Появились политические партии, в том числе и оппозиционные, революционные, в парламенте (Государственной думе) и вне его имела место политическая борьба, звучала критика недостатков правящего режима, всей системы. Но длилось это, как известно, недолго, в отличие от абсолютистского режима, проявившего в России живучесть и мощь необычайные. Только в этом смысле можно, мне кажется, отметить известный резон в положении А. Я. Авреха и его сторонников, о котором упоминает Кристенсен, — невысокий уровень классовых столкновений как обстоятельство, способствовавшее возникновению абсолютизма; впрочем, как справедливо замечает автор, приводя мнения других ученых, любое государство, в том числе и абсолютистское, является продуктом классовой борьбы (с. 45).

Далее в книге излагаются взгляды историков на роль и эволюцию Боярской думы (упоминается неожиданный, даже экстравагантный тезис Р. Хелли о неправомерности употребления этого термина), Земских соборов. Роль и того, и другого учреждения во второй половине столетия падает. Земские же соборы, будучи органом сословного представительства, не имели той силы, которой обладали западноевропейские парламенты. Кристенсен по этому поводу приводит разные, порой противоположные точки зрения русских и зарубежных историков. Одни из них прямо сближали русские и западноевропейские представительные учреждения; другие отмечали существенную или кардинальную разницу между ними. По-видимому, Кристенсен примыкает ко второй группе авторов, точнее, к сторонникам «синтезирующей» точки зрения — Г. Штёклю и Х.-Й. Торке. Первый из них видел в Земских соборах «синтез византийской формы

и самостоятельного социального содержания... которое тем не менее не было свободным от влияния польско-литовского прототипа или образца»; этот последний «вполне допустимо сравнивать с их (сословные собрания Речи Посполитой.— В. Б.) западноевропейским вариантом»; в целом соборы — «синтез восточной формы и западного содержания». Второй автор «сословные собрания» в России осторожно называет «Московскими собраниями», поскольку общество здесь не играло крупной роли в управлении государством, как это было в Западной Европе; русское государство с его автократической формой правления — это «нечто среднее между азиатской деспотией и западноевропейским абсолютизмом», и Земские соборы «заняли свое место» в этой системе (с. 56). Близок к такому пониманию и В. О. Ключевский, который писал в «Курсе русской истории», задолго до многих цитируемых Кристенсеном авторов, что сословные собрания в России появились по воле центральной власти для удовлетворения ее административных нужд, в то время как в Западной Европе они возникли в результате политической борьбы.

Рассматривая историографический материал о приказном строе, Кристенсен, со ссылкой на специалистов, отмечает его громоздкость, отсутствие четкого разделения функций, службы внутреннего контроля (исключение — существование при царе Алексее Михайловиче секретного Приказа тайных дел, который давал царю возможность наблюдать за деятельностью сильно раздробленных приказов), разобщенность органов управления, их местническую позицию, широко распространенную коррупцию. Эти недостатки были свойственны и центральному, и местному управлению. Говоря о местных администраторах — воеводах, — автор делает вывод, что их пост «предназначался для лиц, впавших в царскую немилость, и его нередко занимали люди без особого административного опыта» (с. 65). Это не совсем точно. Во многих городах, особенно важных центрах (Казань, Ярославль, Тобольск и др.), пограничных городах (Новгород Великий, Псков, Киев, Белгород, Астрахань и др.), делами управляли нередко опытные, умные, энергичные администраторы. В одном из трудов, на которые в данном случае ссылается Кристенсен, на-

званы некоторые из таких выдающихся деятелей — кн. Ю. Я. Сулешев (1620-е гг.) и П. И. Годунов (60-е гг.) в Тобольске, кн. И. С. Прозоровский в Астрахани (70-е гг.), кн. Г. Г. Ромодановский в Белгороде (60—70-е гг.) и др.⁴

Меры по преодолению бессистемности и громоздкости управления состояли, как отмечают дореволюционные, советские и зарубежные авторы, в сосредоточении управления многими приказами в руках одного лица, в организации трех военно-административных округов (на самом деле во второй половине века их появилось больше, но не все они получили развитие) — предшественников петровских губерний («В этой акции Милюков,— пишет Кристенсен,— видит зародыш будущей территориально-административной реформы Петра Великого», с. 65).

Подробно рассматривает Кристенсен взгляды историков на церковную реформу, конфликт между царем Алексеем и патриархом Никоном, возникновение раскола в русской православной церкви (с. 65). В начале раздела он отмечает: «Тезис о том, что XVII в. означал переориентацию в отношениях между церковью и государством, имеет много сторонников»,— это так, но нельзя, вероятно, упускать из виду немаловажное обстоятельство, что эта переориентация в XVII в. завершила длительный процесс борьбы между светской и церковной властью, отмеченный драматическими столкновениями при Иване III (конец XV — начало XVI в.) и его внуке Иване IV Грозном в эпоху опричнины. Да и ранее великие князья не всегда ладили с митрополитами, как это было и при Дмитрии Донском в конце XIV в., и при Ярославле Мудром в XI в.

Разбирая причины раскола (сопротивление централизации, усилению гнета, социальный протест и т. д.), Кристенсен говорит о неприятии русскими украинской церкви, сотрудничество с которой завязали реформисты. В такой общей форме этот тезис вызывает сомнения. Вероятно, здесь можно говорить о неприязни русских, сторонников православия, к тем украинцам, которые приняли унию с католической

⁴ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955, с. 385.

церковью с ее догмами. Но ведь большинство украинцев были единоверцами с русскими, и недаром многие из украинских церковных иерархов, не говоря уже об основной массе верующих, в конце XVI в. (Брестская уния была принята в 1596 г.) и первой половине XVII в. неоднократно заявляли о своем желании объединиться с православной Россией. Многие украинцы еще до начала национально-освободительной войны 1648—1654 гг. переходили в пределы России; Богдан Хмельницкий при большом стечении народа от имени всей Украины провозгласил на Переяславской раде со ступенек не униатского, а православного храма: «Чтобы вси заедино были!» Так что значение этого, по выражению автора, «чрезвычайно раздражающего фактора» сильно преувеличено (с. 75).

В третьей, небольшой по объему главе речь идет о «городских восстаниях и крестьянских войнах»; в последующем изложении эти виды классовой борьбы поменялись у автора местами, и главное внимание уделяется крестьянским войнам. Отмечу, что последние автор иногда называет восстаниями (восстания И. Болотникова, С. Разина, К. Булавина и Е. Пугачева). В главе изложены точки зрения ряда историков, споры по некоторым вопросам (причины, движущие силы, взгляды участников народных движений, результативность последних и др.). Некоторые положения Кристенсена требуют пояснений и дополнений. Так, не совсем ясно, спорно именованье русских на национальных окраинах «колонизаторами» (с. 78). Роль русских в Башкирии, Калмыкии и других местах, по крайней мере в феодальные времена, существенно отличалась от той, которую играли, скажем, англичане в своих колониях; то же можно сказать об испанцах, португальцах и пр. Русские крестьяне, проживавшие среди башкир и других народностей, платили налогов в несколько раз больше, чем местное население, хотя это отнюдь не снимает факт угнетения нерусских народов не только «своими», но и русскими феодалами и чиновниками.

Суждение автора: «Те ученые, которые рассматривали государство как движущую, позитивную силу истории, безусловно должны были оценивать восстания негативно» применимо к историкам государственной школы и их сторонникам и продолжателям (с. 79).

Историки-марксисты, и не только они, исходя из диалектического метода, признавая положительную роль государства в истории той или иной страны, в то же время позитивно оценивают социальный протест против гнета со стороны феодалов и государства — органа их господства. В изучении такого исторического феномена, каким является государство, необходим всесторонний подход, учет как позитивных, так и негативных явлений в их взаимосвязи и переплетениях.

Одной из причин восстаний автор считает «напряжение... между отстававшими феодальными социальными отношениями и идущими в авангарде капиталистическими производительными силами» (с. 86). Это выглядит, пожалуй, недоразумением: никто, кажется, из историков, даже тех, кто утверждает, что генезис капиталистических отношений в России начинается именно с XVII столетия, не говорит об их авангардной роли. Господствующими как раз оставались феодальные отношения, и не только в XVII в., но и в следующем столетии; в рассматриваемое же время появляются лишь первые ростки, зачатки новых, буржуазных отношений, которые, постепенно набирая силу при Петре Великом, позднее, ко второй половине XVIII в., сложились в самостоятельный капиталистический уклад. Что же касается предпосылок, причин классовой борьбы, то, очевидно, для каждой эпохи, каждого движения нужно выявлять комплекс таких причин, общих, глубинных, с одной стороны, специфичных, менее значительных — с другой.

В связи с оценкой народной освободительной войны на Украине К. И. Стецюк, один из современных украинских историков, пишет, что феодализм, хоть и в несколько ослабленном виде, продолжал существовать на Украине и после победы Б. Хмельницкого. Действительно, по окончании национально-освободительной войны 1648—1654 гг. социальные низы почувствовали некоторое облегчение от уз крепостничества — из Левобережной Украины прогнали польских панов, работы на украинских феодалов уменьшились или же просто не исполнялись. Но феодальные отношения не могли исчезнуть, и украинские «хлопы» не раз поднимались на борьбу во второй половине XVII в. и еще более активно выступали в следующем столе-

тии. Это общеизвестно, и тем более неожидан вывод автора: «...этот историк (К. И. Стецюк.— В. Б.) в известной мере принимает тезис о «демократической» структуре украинского общества по сравнению с великорусским» (с. 90). Вряд ли в этом плане правомерно сближение К. И. Стецюка с Н. И. Костомаровым и другими представителями либерально-буржуазной, в том числе украинско-националистической, историографии, которые неправомерно противопоставляли «демократическую» Украину «самодержавию» Великобритании, Москве.

В четвертой главе рассматриваются проблемы экономической истории. Кристенсен приводит различные точки зрения на общее состояние хозяйства России, развитие всероссийского рынка, городов и городских сословий, внешнюю торговлю, на ряд проблем аграрной истории, наконец, на российскую мануфактуру. Он отмечает также, какое большое внимание уделяли исследователи, прежде всего советские, изучению экономической истории, вопросам классовой борьбы, правда, как отмечает автор, в ущерб изучению государственной структуры.

Кристенсен пишет о главенствующем значении «производственной сферы» в разработке проблемы генезиса капиталистических отношений (эта точка зрения завоевывает постепенно все больше сторонников). Но преимущественное внимание он уделяет теме образования всероссийского рынка. При изучении и феодального, и капиталистического общества сфера обращения, по мнению автора,— существеннейший объективный критерий, поскольку «рынок был отражением как общественного разделения труда, так и производимой товарной продукции» (с. 96). В этих рассуждениях немало верного; но, по-видимому, следует иметь в виду, что развитие всероссийского рынка и «производственной сферы», в том числе на капиталистических началах, находилось в России XVII в. лишь на начальном этапе; к тому же в исследовании проблемы необходимо тесно увязывать, очевидно, обе сферы — производство и обмен. Кристенсен отдает должное такому подходу. В книге А. Ц. Мерзона и Ю. А. Тихонова о рынке Устюга Великого, которую он называет «классической», им выделяется в качестве положительного момента методика, предусматри-

вающая включение в исследование рынка проблем не только сферы обращения, но и сферы производства.

Нельзя не согласиться с тезисом о тормозящем влиянии на развитие хозяйства страны таких факторов, как крепостничество, слабость купеческого сословия, его раболепие перед дворянством, недостаток наемной рабочей силы (об ее «отсутствии» (см. с. 98) вряд ли можно говорить так безоговорочно; для XVII в. современные исследователи выявили наличие более 200 тысяч наемных рабочих на мануфактурах, транспорте, промыслах), слабость городов и др., не говоря уже об отсутствии банков и кредита, получивших в это время такое большое развитие в странах Западной Европы.

Автор излагает разные, зачастую противоположные позиции участников дискуссий по проблемам аграрной истории — о феодальной ренте, брошенных дворах (имеются в виду побег крестьян), социальной дифференциации крестьянства и т. д. Одни связывают процесс обезземеливания крестьян с зарождением капиталистических отношений в деревне; другие, наоборот, полагают, что это обезземеливание ничего общего не имеет «с капиталистическими феноменами» (с. 122). Весьма важен вывод, основывающийся на новейших исследованиях советских ученых о том, что рост нажима помещиков на крестьян неизбежно соотносился с состоянием хозяйства, не мог быть безудержным и бесконтрольным, ибо и сами феодалы, и государство должны были поддерживать «крестьянскую экономику», не истощать ее без предела, беречь курицу, несущую золотые яйца. И посему крестьяне не стояли на грани физического исчезновения, как считали, подчас весьма прямолинейно, некоторые советские историки в недалеком прошлом.

Относительно мало внимания уделяет Кристенсен исследованиям по истории русской мануфактуры, совсем не говорит о развитии промышленности в целом. Между тем в России XVII в. получили развитие такие формы промышленного производства, как домашняя промышленность, мелкое товарное производство, простая капиталистическая кооперация, наконец, мануфактура. Эта важнейшая проблема истории России, по существу, осталась вне поля зрения автора.

Из проблем внешней политики и международных связей (см. гл. V) Кристенсен прежде всего останавливается на «включении в состав России» Левобережной Украины и Сибири. В связи с изучением этих вопросов он отмечает, что теперь советские историки пишут о «воссоединении Украины», «присоединении Сибири». И то и другое он относит к двум «формам экспансии»: в одном случае она носила характер колонизации (Сибирь), в другом, по его мнению, «приходилось следовать правилам игры и условиям, диктуемым всей системой большой политики». В данном случае автор упускает из виду некоторые моменты русской истории принципиального значения. Во-первых, вхождение Левобережной Украины и Киева с Правобережья было результатом длительного процесса возвращения в состав России исконных древнерусских земель, утерянных в лихую пору ордынского ига и польско-литовских захватов; этот процесс продолжался и позднее — к концу XVIII в. с Россией воссоединились Правобережная Украина и Белоруссия (бывшие древнерусские княжества Галицко-Волинское, Турово-Пинское, Минское, Полоцкое и др.). Во-вторых, оно отразило стремление к объединению трех братских славянских народов, происходивших от одного древнерусского корня, — русских, украинцев и белорусов. В-третьих, начальное продвижение русских в Сибирь, точнее, в западную ее часть, было продолжением борьбы Руси с преемниками Золотой Орды, столетиями угнетавшей русский народ. В данном случае речь шла о Сибирском ханстве, разгром которого и открыл русским землепроходцам пути в Восточную Сибирь, населенную многочисленными слабо развитыми народами и племенами, раздираемыми внутренними усобицами и разоряемыми нападениями извне. Их присоединение к России, несмотря на грабежи и насилия со стороны русских кондотьеров и чиновников, сыграло, несомненно, «цивилизаторскую роль» (высказывание Ф. Энгельса о роли России по отношению к народам Востока) в их развитии и дальнейшей судьбе.

Эти «вхождения», «присоединения» многие поколения историков оценивали и положительно и отрицательно. Обращает на себя внимание тот факт, что колонизация новоприобретенных земель русскими

была умеренной, мягкой (поскольку «жизненное пространство» было уж очень большим, необозримым) и сопровождалось столь же «мягким отношением к местным народностям» (с. 143). В этой связи интересны приведенные автором соображения А. А. Преображенского, взятые из его книги «Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в.», где он говорит, что «в его задачи ни в коем случае не входит идеализировать отношения между переселенцами и коренным населением Сибири». Но с другой стороны, он называет парадоксальным тот факт, что «„цивилизованные“ западноевропейские колониальные державы вели войны, нацеленные на уничтожение аборигенов в своих колониях, в то время как жестокая, азиатски-варварская власть в отсталой России стремилась избегать по возможности применения колониальных методов, основанных на насилии».

Рассмотрение собственно внешней политики России, ее международного положения фокусируется в книге на проблеме изолированности страны или, наоборот, ее укоренении в системе европейских государств. Статус великой державы, и с этим нельзя не согласиться, Россия приобрела в XVIII в., после Северной войны со Швецией. Говоря о целях внешней политики, автор упоминает три: выход к Балтийскому и Черному морям, возврат захваченных Польшей старых русских территорий (ср. выше — спорное утверждение автора о русской экспансии в связи с воссоединением Левобережной Украины). К этому можно добавить еще одну цель — продолжение борьбы с извечными врагами в лице правопреемников, осколков Золотой Орды, особенно с Крымским ханством — вассалом Османской Турции. Это ханство не только нападало на южнорусские уезды, опустошало их, но и контролировало большие массивы причерноморских и приазовских земель, некогда входивших в состав владений Древней, или Киевской, Руси. Что касается других древнерусских земель, которые следовало «вернуть», то речь шла не только о Польше, точнее, Речи Посполитой (Польско-Литовском двуедином государстве), но и о Швеции (земли в Восточной Прибалтике) и Венгрии (Закарпатская Русь).

Внешнеполитический раздел особо насыщен библиографическими отсылками — здесь много имен ав-

торов и названий их трудов о связях России со странами Европы и Азии. Особо автор останавливается на роли иностранцев, живших и работавших в России; им посвящена обширная литература.

Материал о Смуте (гл. VI) тоже дает большое разнообразие мнений, концепций, дискуссий между историками разных направлений. Автор перечисляет суждения историков о событиях в России начала XVII в., причем, как это в целом характерно для его работы, объективно излагает основные, характерные моменты, уклоняясь в спорных случаях от полемики, внесения коррективов и т. д. Так, без объяснений и возражений оставлены высказывания Н. А. Рожкова, видевшего в Смуте «дворянскую революцию», и Н. Н. Фирсова, для которого народная борьба в годы Смуты — «крестьянская революция» как «реакция на развитие торгового капитала». Подобные концепции в духе «школы Покровского» справедливо были подвергнуты критике.

Заключительная седьмая глава книги представляет собой хороший обзор-справочник изданий исторических источников по XVII в. Здесь тоже можно отметить неполноту списка печатных изданий источников, их обзоров, описаний, учебных пособий, и выборочный характер ряда упоминаний. Но главное в том, что названы основные виды, комплексы источников и их публикации.

Не всегда точны характеристики некоторых источников, публикаций, отнесение их к той или иной разновидности. Так, в разделе «Законы, трактаты», помимо источников этих видов, речь идет и о «длинном ряде писем», опубликованных в изданиях типа «Акты исторические», «Акты Археографической экспедиции» и др. Между тем эти широко известные издания включают прежде всего актов, делопроизводственный материал — различные грамоты (купчие, жалованные, несудимые и т. д.) и пр.; имеются среди них и отписки воевод, т. е. донесения центральным властям, которые с известной натяжкой можно назвать письмами. Последние все-таки — особый источник, принадлежащий к эпистолярному жанру; в России XVII в., к сожалению, частных писем сохранилось не так уж много, скорее очень мало.

Помимо первоисточников, автор называет и источ-

ники вторичные, сводные — писцовые, переписные, таможенные, разрядные, родословные, посольские и другие книги. Но перечень этот далеко не полон. Еще более кратки указания на специальные исследования источниковедческого профиля. Отдельно автор останавливается на материалах Сибирского приказа, и особенно подробно — на документах, говоря словами Н. Н. Бантыш-Каменского, «о связях России с державами иностранными». Не всегда точно, несколько сумбурно говорится о летописях и хронографах, причем материал о них не собран в одном месте, а помещен в трех разных разделах. То же — с описаниями иностранцев, о которых говорится в двух разделах; материал о них, что можно только приветствовать, довольно обширен.

В заключение нельзя не сказать как об отрадном факте о появлении в нашей стране второй книги датского ученого по истории России. Она, как и книга Х. Баггера, обобщает большой историографический материал (начиная с XVIII в., в основном с середины XIX в., и до 70-х гг. XX в.), в ней излагаются различные точки зрения, концепции по важнейшим проблемам русской истории XVII в. Для автора характерен объективный подход к предмету своего изучения, стремление учесть по возможности все достойные внимания моменты в ученых построениях историков, русских и зарубежных, уважительное к ним отношение. Несмотря на неполноту обзора исследований и публикаций источников, особенно за последние десятилетия, наиболее существенное в имеющейся литературе вопроса Кристенсен представил на суд читателя. Его книга — результат большого и полезного труда, важный вклад в познание народами друг друга.

В. И. Буганов

ПОСТАНОВКА КЛЮЧЕВЫХ ПРОБЛЕМ

Любой исторический период является в известном смысле переходной эпохой, на протяжении которой нечто старое постепенно отмирает, а нечто новое нарождается. Поэтому для обобщающего обзора историографии истории России XVII в. наиболее иллюстративным было бы рассмотрение ее с точки зрения Л. Ранке, утверждавшего, что любой период ценен сам по себе, вне зависимости от того, к чему он привел, а также в свете критических замечаний его ученика П. Гейла, обращенных против тех ученых, которые стремятся рассматривать прошлое лишь как подготовительную стадию по отношению к настоящему, или использовать прошлое лишь как иллюстративный материал для подтверждения своих философских или теологических систем¹⁾.

Вряд ли можно сомневаться в том, что ныне большинство исследователей в известной степени осознают, что в XVII в. «рождений» и «отмираний» было значительно больше, чем в каком-либо другом столетии, а это, естественно, обуславливает четко обозначившуюся тенденцию рассматривать Россию XVII в. как страну с переходным обществом: от средневекового общества к новому времени, от феодальной к самодержавной монархии²⁾.

Однако в действительности теории «переходного общества» почти всегда встречают энергичную критику иного научного направления, адепты которого стремятся «освободить» ту или иную эпоху от переходных комплексов и исследовать только ее собственный облик.

Упомянутые здесь тенденции были характерны и для части исследований истории России XVII в. В ос-

* Цифра со скобкой обозначает номер комментария, приведенного в конце книги.— *Прим. ред.*

нове самого использования старой наукой термина «допетровский век» содержалось уже априорное положение, согласно которому петровская эпоха представляла собой настолько значительный исторический период, что предыдущее столетие должно было рассматриваться, лишь исходя из этой цезуры в процессе развития¹.

Другими словами, наблюдалась тенденция ко всемерному акцентированию значения XVII в. прежде всего как некой подготовительной стадии, в ущерб его собственной значимости². Подобный угол зрения обуславливал интерес лишь к тем процессам и тенденциям развития, которые вели вперед, имели продолжение в будущем, в то время как проблемы непосредственного бытия, жизни именно той эпохи оставались на заднем плане.

Избрав в качестве отправной точки исследований свое собственное неприятие петровских реформ, отвлечение к ним, славянофилы XIX в. рассматривали XVII столетие как период российской истории, который наилучшим образом отразил неповторимую русскую цивилизацию. В то же время их ориентированные на европейский мир противники, западники, видели в том же столетии эпоху полной и всесторонней стагнации³. Таким образом, представители обоих течений полагали, что реформы Петра означали капитальный переворот в российской истории³.

Четкая граница между двумя названными точками зрения несколько размывается положениями, выдвинутыми в другой дискуссии, в которой речь шла об основах процесса развития в России XVII в., среди прочего в таких областях, как военное дело, культурная жизнь, мануфактурная промышленность, сословно-представительные собрания. С одной стороны,

¹ Ср.: Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974, с. 200—201; Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1901, с. 369—370.

² Ср.: Torgke H.-J. Die Staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich. Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung 1613—1689. Leiden, 1974 (Studien zur Geschichte Osteuropas, Bd. XVII), S. 5; Икономов В. Ф. Накануне реформ Петра Великого. Очерки государственного, общественного и частного быта Московской Руси XVII века. М., 1903.

³ Платонов С. Ф. Лекции..., с. 367.

утверждалось, что это развитие было обусловлено влиянием Западной Европы, с другой — что имело место органичное развитие уже сложившихся национальных предпосылок прогресса⁴.

Как можно заметить, первая из названных точек зрения лишь с трудом укладывается в русло положений дискуссии между славянофилами и западниками. С тем, что для России XVII в. решающим было западное влияние, не могут согласиться ни славянофилы, ни западники; первые из них утверждают даже, что об этой эпохе может идти речь лишь как о вершине национального развития.

Истоки воззрений старых историков на данный период как на переходную эпоху можно проследить до С. М. Соловьева, который посвятил XVII в. 7 томов из своей 29-томной «Истории России». Впрочем, его позиция двойственна: он считал, что в XVII столетии имелись как содействовавшие, положительные, так и отрицательные, противодействовавшие проведению петровских реформ предпосылки⁵.

Более бескомпромиссно положение о континуитете, сформулированное В. О. Ключевским, который утверждал, что XVII в. был целиком и полностью подготовительным периодом по отношению к эпохе реформ Петра Великого⁶.

В известной мере эта точка зрения отразилась в позднейших работах советских ученых, хотя и основанных на иных предпосылках. Наиболее четко она была выражена в ходе дискуссий между советскими историками, показавших, что научно-теоретические установки, касающиеся периодизации, бесспорно, характеризуются значительными расхождениями, но где столетие сыграло тем не менее значительную роль в дебатах о фазах, подготовивших перемены капиталистического характера.

Весь комплекс проблем, концентрирующихся вокруг генезиса капитализма и связанных с ним феноменов⁷,

⁴ Ср.: Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954, с. 5.

⁵ Баггер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985, с. 27—28, прим. 11.

⁶ Ключевский В. О. Сочинения, т. 3. М., 1957, с. 363.

⁷ Rosenfeldt N. E. Kapitalismens genesis. Et periodiseringsproblem i sovjetisk historieskrivning. København, 1971 (Køben-

например проблема абсолютизма, решающим образом повлиял на содержание задач, которые ставила перед собой в данный период советская историческая наука⁸. В этой связи некоторые исследователи полагали себя вправе утверждать, что наблюдается тенденция к преувеличению значения «новых» феноменов в русской истории⁹.

В то время как в советской науке Россия XVII в. рассматривается в качестве феодального государства, большинство дореволюционных историков оперировало иными определениями самого понятия «феодализм»⁴⁾. Для них определяющим элементом феодализма было наличие лена, *феода*. Но поскольку в виде феодалов выступали удельные княжества, то отсюда следовало, что феодализм вполне можно рассматривать как прекративший свое существование одновременно с ликвидацией последних удельных княжеств и возникновением централизованного абсолютистского государства, т. е. в XVI—XVII в.¹⁰

Между тем, согласно точке зрения советских историков, в России XVII в. наблюдалась феодальная формация, которая продолжала существовать до 1861 г., и именно в XVII в. завершилось окончательное формирование крепостного права, тогда же наряду с монархией произошло усиление господствующего класса феодальных землевладельцев.

Это был путь развития, чреватый в социальном плане сменой сословно-представительной монархии неограниченной диктатурой дворянства, а также утратой духовенством (которое еще в первой половине

havns Universitet. Institut for økonomisk historie. Publikation № 3), s. 158.

⁸ Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. Материалы научной сессии, состоявшейся в Москве 11—13 мая 1966 г. М., 1969; Вагон С. Н. The Transition from Feudalism to Capitalism in Russia: A Major Soviet Historical Controversy (The American Historical Review, 77, 1972, 3), p. 715—729; Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии. /Отв. ред. Шунков В. И. М., 1969, с. 7—8.

⁹ Переход от феодализма к капитализму..., с. 14—15.

¹⁰ Пичета В. И. Смутное время в Московском государстве. Причины, ход и следствие Смуты. Исторический очерк. М., 1913, с. 3—5.

столетия играло значительную роль) его политических позиций¹¹.

Такая точка зрения на роль дворянства в централизованном государстве иллюстрирует в известной перспективе некоторые расхождения между датской и советской историографиями⁵⁾. В датской научной традиции именно победа в 1660 г. самодержавия характеризуется как падение власти дворянства.

Далее, согласно общепринятому в советской науке положению развитие феодального общества нашло выражение и в повсеместной централизации, явлении, которое связывается, среди прочего, и с сильно увеличившимся давлением на Россию со стороны внешнего мира. Многие исследователи считают это одной из существеннейших причин той перестройки экономической жизни страны и ее государственного аппарата, которая произошла в XVII в.

Иногда утверждается, что упомянутая структурная перестройка наступила раньше своего времени в том смысле, что экономический базис для ее проведения, по мнению ряда авторов, пока отсутствовал. Сторонники этой точки зрения полагают, что, напротив, важную роль в общем развитии страны играло само государство¹².

Между тем в определении, насколько значительной была такая роль государства, имеются существенные расхождения. Дореволюционные историки весьма энергично подчеркивали, что значение государства было огромным, в то время как современные советские историки в большей или меньшей мере этот аспект затушевывают, обращая взамен внимание на то, что упомянутая структурная перестройка являлась естественным, органичным осуществлением уже имевшихся тенденций развития, шедшего согласно объективным закономерностям.

Вне зависимости от воззрений на роль государства в ходе структурных перемен исследователи обращают внимание на увеличение тягот для низших слоев насе-

¹¹ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977, с. 7—8.

¹² Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. СПб., 1904, с. 133—134.

ления, причиной чему был рост государственного сектора.

Чаще всего именно эти все более увеличивавшиеся тяготы рассматриваются в качестве причины возникновения другой проблемы эпохи, привлекающей особое внимание ученых: проблемы широко распространенного в народной массе социального недовольства, следствием которого становились городские восстания и крестьянские войны¹³.

Что касается проблем периодизации, то здесь часто можно констатировать более или менее четкую постановку научной работы над конкретными историческими сюжетами и их взаимосвязями, обусловленными делением столетия на первую и вторую половины. Имеется в виду точка зрения, согласно которой после страшного разорения Смутного времени должны были начаться процессы восстановления и укрепления страны¹⁴.

К середине столетия эта фаза была пройдена и лишь после этого смогли проявиться в полной мере характерные черты периода. Тем не менее Московское государство по-прежнему отставало в своем развитии от ряда передовых держав Западной Европы¹⁵.

В связи с темой государственного развития, возможно, прозвучит весьма неожиданно тот поразительный факт, что большая общеевропейская научная дискуссия о «кризисе XVII в.», тема, впервые четко сформулированная в 1954 г., оставила в исследовании русской истории лишь слабый след¹⁶.

¹³ Сахаров А. М. Очерки истории СССР. XVII век. М., 1958, с. 7—8. Mousnier R. Fureurs paysannes. Les paysans dans les révoltes du XVIIe siècle (France, Russie, Chine). Paris, 1967, p. 308—309.

¹⁴ Сахаров А. М. Очерки..., с. 10—11, 146; Neubauer H. Car und Selbstherrscher. Beiträge zur Geschichte der Autokratie. Wiesbaden, 1964 (Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes. München, Bd. 22), S. 80; ср.: Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937, с. 112—156.

¹⁵ Сахаров А. М. Очерки..., с. 146; Blackwell W. L. The Beginnings of Russian Industrialization, 1800—1860. Princeton, 1968, p. 15.

¹⁶ В качестве введения в дискуссию см.: Steensgaard N. Det sylvtende århundredes krise (Historisk tidsskrift, 12. r., IV, h. 3, 1970), s. 475—504.

Дело в том, что советские историки, в общем, не приняли теорию «кризиса XVII в.». В частности, они подвергли аргументированной критике идею Хобсбаума (Hobsbawm) о том, что войны не являлись причиной кризиса и, следовательно, народных восстаний. Так, большая часть аргументации Б. Ф. Поршнева основана на демонстрации общеевропейского характера Тридцатилетней войны и того, что эта война — а никак не какой-то общеевропейский кризис — стала одной из причин социальных бурь эпохи¹⁷.

Упомянутые здесь постановки вопросов и точки зрения возникли в рамках ряда основных тем: в области политической истории интерес исследователей привлекли развитие государства и его институтов, например история взаимоотношений между государством и церковью в эпоху великого раскола. В области социальной истории доминирующими исследовательскими темами оказались вопросы развития и менявшегося значения в обществе различных сословий или классов, дифференциация среди представителей того или иного класса, а также борьба между классами.

Экономическая история изучалась как сама по себе, так и в ее связи с политической и социальной историей. В соответствии с их относительным весом в экономической жизни весьма значительную часть исследователей привлекли мануфактуры.

В XVII столетии, на протяжении которого Московское государство территориально расширялось, присоединив к себе огромные площади как на востоке, так и на западе, а его связи с окружающим миром стали гораздо более оживленными, возникли новые проблемы,— проблемы внешней политики, международных связей и территориального расширения, ко-

¹⁷ Поршнев Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970, с. 34—35; Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века (30—40-е годы). Воронеж, 1975, с. 8—9; Lublinska ja A. D. French Absolutism: the Crucial Phase, 1620—1629. Cambridge, 1968, p. 42ff.; Барг М. А. Об одной несостоятельной концепции западной историографии.— Новая и новейшая история, 1973, № 5, с. 69. Здесь подчеркивается, что речь идет о кризисе феодальной формации, а не о кризисе конъюнктуры.

торые, естественно, включают в себя неисчерпаемое богатство исследовательских тем.

Наконец, следует назвать комплекс исследовательских вопросов, касающихся хронологически четко очерченной темы,— им посвящена литература о периоде междуцарствия в начале столетия, который обычно называют «Смутное время».

Историографический анализ может привести к выводу, что вышеназванные темы на протяжении длительного периода исследований по-разному привлекали интерес ученых. Историки прошлого века в известной степени концентрировали свое внимание в той тематической области, которая в марксистской терминологии обычно связывается с надстройкой. Такое положение содействовало возникновению у советских историков особого интереса к базисным явлениям как области, где наблюдались большие исследовательские лакуны¹⁸.

Подобную же тенденцию можно проследить и в современных западных исследованиях истории России, однако в последние годы многие западноевропейские историки склоняются к необходимости снова уделить надстроечным явлениям то внимание, которого они заслуживают¹⁹.

¹⁸ Neubauer H. Op. cit., S. 13.

¹⁹ Павленко Н. И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России.— История СССР, 1970, № 4, с. 54; Переход от феодализма к капитализму..., с. 389.

ГОСУДАРСТВО И ЕГО ИНСТИТУТЫ

Положение, согласно которому в XVII в. продолжалась централизация русского государства, является общепризнанным. Процесс этот, судя по научным выводам, выражался в увеличивавшейся полноте власти царя, в возраставшем за счет старой боярской аристократии влиянии дворянства, в административных реформах, в утверждении примата светского правления по отношению к духовному, в образовании регулярной армии, а также в интенсификации экономических и культурных связей между различными областями страны. Предельно четко сформулировал суть этого процесса С. Ф. Платонов: XVII в. представляет собой эпоху перехода от частного быта к государственному¹.

Б. Н. Чичерин и К. Д. Кавелин, представители так называемой «государственной школы» в историографии России, особенно настойчиво подчеркивали роль, которую в вышеупомянутом процессе играло государство, и даже П. Н. Милюков, в общем-то настроенный критически к некоторым идеям историков государственной школы, утверждал, что в то время, как в Западной Европе историческое развитие шло «снизу», в России оно стимулировалось «сверху», а государство оказывало огромное влияние на всю организацию общества.

Милюков пытался объединить эту точку зрения с «весьма распространенной теорией», согласно которой государство представляет собой «надстройку» над экономическим «базисом». Именно «элементарное» развитие базиса было, по мнению Милюкова, причиной гипертрофии государственной власти, что со

¹ Платонов С. Ф. Лекции..., с. 366.

своей стороны обусловило воздействие «надстройки» на «базис»².

У Н. П. Павлова-Сильванского заметна та же самая концентрация внимания вокруг прежде всего государства. В его трехчастной системе периодизации истории России первые два периода характеризуются соответственно русской сельской общиной или миром и боярами, в то время как XVI—XIX вв. определяются государством³.

Такая точка зрения по отношению к государству остро критиковалась в 1870-х гг. революционерами-народниками — и в наиболее радикальной форме П. Н. Ткачевым, который полностью отрицал роль государства в процессе исторического развития. Он утверждал, что оно не имело никаких корней в экономической жизни, что оно «висело в воздухе»⁴.

На фоне этого имевшего немалое значение разногласия исследователи и занимались анализом государственной формы и ее развития. Различные государственные институты, в особенности Боярская дума и Земские соборы, а также приказы были исследованы наряду с отношениями государства и церкви и переменами в этих отношениях в связи с великой схизмой русской церкви в середине столетия — расколом.

Если требуется указать на основную лагуну в исследованиях, то это скорее всего отсутствие работ по общественным потребностям и инвестициям. Большой интерес представила бы собой и общая картина участия общественного сектора в экономике страны⁵.

ДЕФИНИЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФОРМЫ

Конечно, банальным было бы повторять, что государственная форма рассматриваемого периода воспринимается историками как самодержавие, но, лишь только они задают себе более конкретный вопрос

² Милюков П. Н. Очерки..., с. 133—134; ср.: Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941, с. 311.

³ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907, с. 156—158.

⁴ Ср.: Сахаров А. М. Историография истории СССР, досоветский период. М., 1978, с. 203.

⁵ Steensgaard N. Op. cit., s. 501f.

о характере и пути развития самодержавной власти, в разработке темы сразу же возникают расхождения.

Столкновение различных мнений происходит уже в плоскости хронологии и терминологии, а также в не меньшей степени, когда речь заходит о предпосылках и стимуляторах такого государственного развития.

Терминологические проблемы группируются вокруг понятий, которые используются при характеристике государственной формы и организации государственной власти. Здесь имеются в виду такие термины, как «абсолютизм», «самодержавие», «сословно-представительная монархия», «монархия с боярской думой и боярской аристократией».

Если трудности терминологического плана выступают в столь резких противоречиях, которые мы наблюдаем в литературе вопроса, то это потому, что еще не выработано общего мнения по отношению к главной проблеме, касающейся характера государственной власти и критериев, которые могут служить для ее более точного определения.

Затруднения встречаются отчасти уже в проведении границ между внешне идентичными понятиями, отчасти — в чисто логических, отчасти — в реальных, практических противоречиях при определении понятий, употребляемых по отношению к одному и тому же событию или явлению⁶⁾.

АБСОЛЮТИЗМ ИЛИ САМОДЕРЖАВИЕ?

Итак, одной из проблем является определение различия между «абсолютизмом» и «самодержавием», понятиями, которые чисто лингвистически означают одно и то же, а именно «единовластие». Между тем при употреблении им придается различный смысл: «самодержавие» характеризует длительный период в российской истории, в то время как «абсолютизм» — лишь эпоху внутри этого периода.

А. Я. Аврех решает этот вопрос, прибегая к использованию данного понятия в двух планах. Он утверждает, что в формально-юридическом плане проблемы не существует вообще. Здесь самодержавный абсолютизм и неограниченная монархия означают одно и то же. Напротив, в социально-политическом плане

они совпадают лишь частично⁶. На практике же советской исторической наукой используется лишь значение термина в последнем плане⁷.

КАКИМИ МОГУТ БЫТЬ ХАРАКТЕРИСТИКИ АБСОЛЮТИЗМА?

Таким образом «абсолютизм» выступает в данном случае в качестве более точного определения термина «самодержавие», но дефиниции выводятся историками по-разному и, очевидно, в зависимости от их взглядов на характер самовластия до абсолютизма или по крайней мере в зависимости от того, на каких именно чертах доабсолютистской монархии фокусируется их внимание.

Монарх как источник власти

Первая дефиниция, которую здесь следует назвать, имеет, судя по всему, исходную точку в классическом разграничении сословного и абсолютистского государств, поскольку это определение предусматривает существование более раннего положения, при котором монаршая власть была ограниченной. Сторонники данного определения абсолютизма исходят из того, что монарх являлся единственным и неограниченным источником законодательной и исполнительной власти, а также что он пользовался исключительно от него зависящим централизованным аппаратом власти. Далее предусматриваются известные четкие взаимоотношения между монархом и классами общества, и наконец, если речь идет о периодизации, то указывается, что абсолютизм складывается в завершающей фазе феодальной формации⁷.

⁶ Аврех А. Я. Утраченное равновесие.— История СССР, 1971, № 4, с. 63—64.

⁷ Юшков С. В. Развитие русского государства в связи с его борьбой за независимость.— Ученые труды Всесоюзного института юридических наук Министерства юстиции СССР, вып. III. М., 1946, с. 148. Эта формулировка частично заимствована из текста «Наказа» Екатерины II. Ср.: Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России.— История СССР, 1968, № 2, с. 92—93; Советская историческая энциклопедия, т. 1, М., 1961, стб. 46.

Зарождающееся правовое государство

Другая дефиниция основывалась на более или менее четко сформулированной теории противоборства между (азиатской) деспотией и абсолютизмом. Согласно этому определению, для абсолютистского государства наиболее характерно то, что оно является зарождающимся правовым государством. Довольно четко это мнение высказано А. Я. Аврехом; он полагает, что главное различие между абсолютистским государством и державой московских царей состоит в том, что абсолютизм сознательно выступал против такого порядка, когда воля деспота являлась единственным законом, господствовал полный произвол и никакие законы и правовые принципы не принимались во внимание. Абсолютизм же — не деспотия; во всяком случае — не исключительно деспотия⁸.

САМОДЕРЖАВНОЕ ИЛИ СОСЛОВНОЕ ГОСУДАРСТВО?

Понятия «самодержавие» и «сословно-представительная монархия» также характеризуются в плоскости их взаимного положения таким образом, что последняя хронологически является частью первого.

Проблема здесь не в том, что оба понятия очевидно идентичны, но в том, что между ними существует логическое противоречие. Вместе с тем противоречие это вполне реально для тех исследователей, которые рассматривают сословное представительство как ограничение полномочий или прав монарха.

Чисто терминологически это появилось, когда К. В. Базилович подверг критике введенный в научный оборот С. В. Юшковым термин «сословно-представительная монархия»⁹.

И абсолютизм и сословная монархия

К. В. Базилович предложил вместо этого определения применявшийся еще Н. П. Павловым-Сильванским термин «сословная монархия». Тем самым Бази-

⁸ Аврех А. Я. Русский абсолютизм..., с. 92.

⁹ Ср.: Toriyama S. On the Muscovite Autocracy. A Comparative Review (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 18, 1973), S. 109.

левич хотел подчеркнуть, что сословия не ограничивали царскую власть, но служили средством для ее укрепления, для централизации государственной системы.

Сначала самодержавие и сословная монархия, затем абсолютизм

Между тем против него были выдвинуты аргументы, суть которых сводилась к тому, что еще в XV в. в монархии отмечались отдельные сословия, которые сохранились и на протяжении XVIII в. Таким образом, полагали его оппоненты, становится неясным, в чем собственно состоит разница между сословной монархией и монархией абсолютной¹⁰.

Тем не менее в конечном счете победил подход к сути вопроса Базилевича — имеется в виду вывод о том, что сословия не ограничивали царской власти, — в то время как С. В. Юшков одержал верх в дискуссии о терминах¹¹.

Совершенно аналогичная проблема возникла в отношении различий между понятиями «самодержавие» и «монархия с боярской думой и боярской аристократией».

ФАЗЫ САМОДЕРЖАВИЯ

Хронологически самодержавие подразделяется на два периода, первый из которых датируется XVI—XVII вв., когда монарх пользовался своими правами совместно с Боярской думой и боярской аристократией, второй же период, эра абсолютной монархии, относится к XVIII—XX вв.¹²

¹⁰ Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. О периодизации истории России эпохи феодализма. — Вопросы истории, 1951, № 2, с. 73 и далее; Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси, с. 124, 140, 147. Ср.: Торке Н.-Ж. *Op. cit.*, S. 290—293; *idem*. *Die neuere Sowjethistoriographie zum Problem des russischen Absolutismus* (Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte, Bd. 20, 1973), S. 113; Штеппа К. F. *Russian Historians and the Soviet State*. New Brunswick, 1962, p. 257—258; Черепнин Л. В. *Sobory ziemskie w historiografii radzieckiej* (Czasopismo prawnohistoryczne, 27, 1975, 2), s. 124—125.

¹¹ Toriyama S. *Op. cit.*, S. 109.

¹² Советская историческая энциклопедия, т. 1, с. 48.

Между тем полного единогласия относительно правомерности такого членения пока не достигнуто. Целиком в соответствии со своими точками зрения, высказанными в ходе дискуссии о генезисе капитализма, А. А. Зимин, Н. И. Павленко, С. В. Юшков и другие полагают, что генезис абсолютизма имел место в середине XVII в., другие исследователи относят его к 1680-м гг., и наконец, третьи считают, что его нужно поместить в начало XVIII в.¹³

ЧТО ПОСЛУЖИЛО ПРЕДПОСЫЛКОЙ И ДВИЖУЩЕЙ СИЛОЙ АБСОЛЮТИЗМА?

Научный поиск предпосылок и причин возникновения абсолютизма и зарождения процесса централизации ведется на ряде основных направлений исторической науки.

Некоторые исследователи полагали, что самой существенной из движущих сил этого процесса являлось само государство с его возможностями и потребностями, т. е. внутренняя динамика государственного организма, его автономность, имманентность (нем. *Eigengesetzlichkeit*). Другие авторы видели эту предпосылку во влиянии со стороны зарубежных стран, третьи выводят ее из факта усиления дворянства, роста купеческого сословия, обострения классовой борьбы и развития производственных отношений.

В целом же советские историки рассматривают становление абсолютизма как выражение стремления господствующего класса упрочить свою власть по отношению к угнетенным массам¹⁴.

¹³ Юшков С. В. История государства и права СССР, ч. 1, М., 1961, с. 278 и далее; Павлова-Сильванская М. П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России.— История СССР, 1968, № 4, с. 83, 85; ср.: Тогке Н.-J. Die neuere Sowjethistoriographie, S. 113, 115; Советская историческая энциклопедия, т. 1, с. 48.

¹⁴ См., напр.: Зимин А. А. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма.— В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). [Сборник статей к семидесятилетию со дня рождения и сорокапятилетию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза]. /Под ред. Дружинина Н. М. и др. М., 1964, с. 49.

Рост капиталистических отношений

Что же касается более частного вопроса относительно причины победы абсолютизма именно в данный исторический период, то ученые долгое время исходили из того, что она была вызвана развитием базиса в капиталистическом направлении, результатом чего в социально-классовом плане явилось возросшее влияние купеческого сословия.

Равновесие между дворянством и буржуазией

В основе точки зрения, с которой советская историческая наука рассматривала российский абсолютизм, почти всегда было марксистское положение (хотя на него и редко ссылались)¹⁵ относительно того, что предпосылкой возникновения абсолютизма являлось состояние известного равновесия в соотношении сил дворянства и буржуазии¹⁶.

Таким образом, согласно внутренней логике данного взгляда, для того, чтобы абсолютизм оказался в нужных для его успешного развития условиях, капитализм должен был бы находиться в стадии подъема, а феодализм, соответственно, упадка. Но поскольку хронологическая локализация абсолютизма поэтому тесно связывалась со сложной проблемой периодизации генезиса капитализма, некоторые исследователи видели выход из этой дилеммы в том, чтобы вместо определения капитализма по типу формы правления уделять больше внимания состоянию базиса¹⁷.

Равновесие между мелким и крупным дворянством

В качестве варианта теории равновесия дореволюционный историк В. В. Воровский предложил гипотезу о балансе, установившемся между мелким дворянством и аристократией, о положении, которое

¹⁵ Torke H.-J. Die neuere Sovjethistoriographie, S. 114—115; Gerschenkron A. Soviet Marxism and Absolutism (Slavic Review 30, 1971, 4), p. 854ff.

¹⁶ Torke H.-J. Die neuere Sovjethistoriographie, S. 114—115; idem. Die staatsbedingte Gesellschaft, S. 210; Переход от феодализма к капитализму в России, с. 113.

¹⁷ Torke H.-J. Die neuere Sovjethistoriographie, S. 114—115.

предоставляло российским монархам свободу маневрирования¹⁸.

Весь этот комплекс идей был в конце 1960-х гг. подвергнут научной критике в ходе дискуссии, начало которой положила статья А. Я. Авреха¹⁹. О детальном разборе этой дискуссии здесь по понятным причинам не может быть и речи²⁰, но некоторые из главных черт ее полезно вспомнить в ходе нижеследующего рассмотрения отдельных точек зрения на причины и предпосылки возникновения капитализма в России.

Государственные нужды в области финансов

Однако перед этим нужно напомнить, что ряд старых русских историков, среди которых были и представители государственной школы, а позднее В. О. Ключевский и П. Н. Милюков, видели причины централизации и установления абсолютизма в финансовых потребностях государства, которые вызывались прежде всего насущной необходимостью обороны государства от внешних врагов.

Стремление ко «всеобщему благоденствию»

Итак, финансовые потребности отражали всеобщую потребность, и государство выступало поэтому как представитель всего общества, народа. Более конкретно высказывался Ключевский, который видел причину централизации прежде всего в том, что она открыла новые, чисто технические возможности для

¹⁸ См.: Esper Th. Recent Soviet Views of Russian Absolutism (Canadian-American Slavic Studies, 6, 1972), p. 624.

¹⁹ Аврех А. Я. Русский абсолютизм...

²⁰ Дискуссия была рассмотрена среди прочего в следующих работах: Gerschenkron A. Op. cit.; Torke H.-J. Die neuere Sovjethistoriographie...; Esper Th. Op. cit.; Keep J. The Current Scene in Soviet Historiography (Survey. A Journal of East and West Studies, 19, 1, 1973); Torke H.-J. Die Entwicklung des Absolutismus-Problems in der sowjetischen Historiographie seit 1917 (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Bd. 21, 1973, Hf. 4); Serczyk W. Radziecka dyskusja o absolutyzmie w Rosji (Kwartalnik historyczny, 80, 1973, 3); Fišer R. Sovetští historikové o vzniku a podstate ruského absolutismu (Sborník prací Filosofické fakulty Brněnské university, XXII, 1973, rada historická (C), č. 20).

проведения эффективной государственной экономической и фискальной политики²¹.

Это положение критиковалось советскими историками как характеризующее государство в виде органа, стоящего над обществом и отражающего интересы всех социальных слоев²². Так, М. Н. Покровский четко указывал, что государство, управляемое дворянством, не могло бы содействовать развитию страны в капиталистическом направлении²³.

Не только и не столько развитие капитализма

Упомянутая дискуссия о генезисе абсолютизма характеризовалась, в известном смысле слова, некоторым сближением со старыми точками зрения, поскольку самостоятельная роль государства по отношению к базису оценивалась как достаточно заметная, чем полагали в своих более ранних исследованиях современные советские историки.

Соответственно была подвергнута пересмотру степень важности, научной значимости тех факторов, которым ранее придавалось большое внимание. Появились утверждения о неправомочности положения, согласно которому считалось, что абсолютизм был вызван к жизни развитием по капиталистическому пути. Скорее дело обстоит наоборот — именно абсолютизм ускорил развитие капитализма, именно надстройка оказала решающее влияние на развитие базиса.

Подобного мнения придерживается А. М. Панкратова, которая полагает, что одной из причин замедленного темпа процесса модернизации России являлось «запоздавшее» становление централизованного государства, которое только и смогло преодолеть пороки феодальной раздробленности и создать свой стабильный рынок²⁴.

²¹ Ключевский В. О. Сочинения, т. 3, с. 213, 216—236; Очерки истории исторической науки в СССР./ Гл. ред. Нечкина М. В. М., 1960, т. II, с. 104 и далее.

²² Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV—XVII вв. М., 1969, с. 141.

²³ Pokrovsky M. N. Brief History of Russia, vol. 1. Orono, Maine, 1968, p. 283.

²⁴ Панкратова А. М. Формирование пролетариата в России XVII—XVIII вв.). М., 1963, с. 33.

В ЧЕМ ПРИЧИНЫ СТОЛЬ СВОЕОБРАЗНОГО ХАРАКТЕРА РУССКОГО АБСОЛЮТИЗМА? ⁸⁾

Историками было отмечено, что приблизительно одновременно с генезисом абсолютизма произошло дальнейшее укрепление феодальной социально-экономической формации и что абсолютизм бурно развивался на протяжении полутора столетий, не нуждаясь в упомянутом ранее равновесии и не сопровождаясь крушением феодальной формации.

Это был дополнительный аргумент в пользу положения о иных, чем в Западной Европе, предпосылках абсолютизма в России. При этом подчеркивалось, что российский абсолютизм был гораздо более полным и завершенным, чем западноевропейский.

Прочное экономическое положение монарха

Специфика российского пути исторического развития объясняется среди прочего тем, что правящий режим располагал большой экономической мощностью, так как ему принадлежало свыше 50% крестьян; в то же время социально-экономическое развитие шло в России необычайно медленно, чем и объясняется слабость буржуазии.

Медленное развитие общества

Слабым, прогрессивным социальным силам в России противостояла к тому же государственная власть, опиравшаяся на непрерывно возрастающую бюрократию и усиливавшуюся армию. В связи с этим указывалось, что формы правления и до установления абсолютизма были автократическими, самовластными и функционально менее ограниченными, чем те, которые были известны в Западной Европе. Положение усугублялось влиянием известных иллюзий, которые крестьянское сословие питало по отношению к царской власти, и, наконец, низким уровнем классовой борьбы вплоть до начала XX в. ²⁵

²⁵ Аврех А. Я. Русский абсолютизм, с. 88—104; Белявский М. Т., ссыл. по: Рахматулин М. А. К дискуссии об абсолютизме в России.— История СССР, 1972, № 4, с. 71; Торке Н.-J. Die staatsbedingte Gesellschaft..., S. 295—296.

Из других специфически российских черт, представлявших государству широкие возможности свободы маневрировать и тем самым создававших благоприятную среду для развития абсолютизма, указывалось на особенности русского города, который не был капиталистическим, где не было установлено четкого разделения на сословия и где церковь играла иную, чем на Западе, роль ²⁶.

Потребности, присущие государственной власти

Один из западных критиков высказался по отношению к приведенным здесь точкам зрения в том смысле, что идея об опережении развития базиса, начавшемся со становлением абсолютизма в России, является ни много ни мало как попыткой пересмотреть материалистический подход к историческому процессу, поскольку, согласно положениям марксистской историографии, надстройка является производной от базиса, представляет собой его отражение.

Этот же критик (практически став при этом на позицию дореволюционных российских историков) более четко подчеркнул, что в определенные эпохи интересы государства становятся бесконечно важнее классовых, что на первое место здесь выступает такая ценность, как государственная самостоятельность.

Он утверждал далее, что централизация в странах, которыми правили абсолютные монархи, являлась важнейшей целью и одновременно результатом установления абсолютизма, а не его предпосылкой. В этом выводе он опирался на положения труда Э. Ф. Хекшера о меркантилизме, в котором уделяется, в частности, внимание акциям политики концентрации средств, накопления ²⁷.

Производство и рыночные отношения

Другие участники дискуссии об абсолютизме, большинство из которых было согласно с тем, что

²⁶ Белявский М. Т., ссыл. по: Рахматулин М. А. К дискуссии об абсолютизме..., с. 71.

²⁷ Gerschenkron A. Op. cit., p. 862, 865, 868; Rosenfeldt N. E. Op. cit., S. 53; Heckscher E. F. Öresundstullräkenskaperna och deras behandling (Historisk tidskrift, 62, 1942), s. 174f.

теория равновесия для России указанного периода не подходит, по-прежнему придавали большое значение проблеме развития базиса как процесса, создающего предпосылки к абсолютизму — хотя и нельзя утверждать, что процесс этот является примером собственно капиталистического развития. Особое внимание участники дискуссии уделяли росту товарного производства и развитию рыночных отношений, т. е. процессам, которые способствовали проявлению тенденций к централизации²⁸.

Переход к денежной экономике

При этом произошло сближение точек зрения ряда ученых с идеями Н. А. Рожкова относительно перехода от натуральной экономики к денежной как скрытой причине становления самодержавия.

Согласно Рожкову, этот переход привел к экономическому кризису, особенно в центральной части страны, за чем последовали введение крепостного права, ослабление высшего дворянства и укрепление позиций дворянства мелкого. В выстроенной Рожковым цепи причинной последовательности помещена таким образом и его собственная теория равновесия, в некоторых местах напоминающая теорию Воровского²⁹.

Классовая борьба

Некоторые ученые пытались объяснить своеобразный характер российского абсолютизма классовой борьбой, причем подходы здесь были весьма различными. Согласно традиционному положению, абсолютизм с его более эффективным механизмом подавления, угнетения масс был вызван накалом классовой

²⁸ Павлова-Сильванская М. П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России, с. 71, 73; Павленко Н. И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России, с. 54—74; Преображенский А. А. О некоторых спорных вопросах начального этапа генезиса абсолютизма в России.— История СССР, 1971, № 2, с. 109.

²⁹ Рожков Н. А. Происхождение самодержавия в России. М., 1906, с. 40—60; ср.: Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке, с. 145, 148.

борьбы³⁰. Согласно же версии А. Я. Авреха, решающим обстоятельством для того, чтобы абсолютизм смог возникнуть в определенный период и достичь столь значительной мощи, был, напротив, невысокий уровень классовых столкновений.

Тем не менее такое непосредственное влияние классовой борьбы было признано учеными, которые в ходе упомянутой дискуссии в целом сближались с положениями Авреха. Впрочем, кроме того, они утверждали, что исключительно классовой борьбой объяснить причину возникновения абсолютизма невозможно: это все равно, что не объяснить ничего вообще, поскольку известно, что любое государство, а значит и абсолютистское, есть продукт классовой борьбы³¹.

Влияние извне

Сторонники другого подхода к исследованию данной проблемы поддерживают различные варианты теории, согласно которой основную роль в рассмотренном процессе сыграло международное положение России, которое не могло не повлиять на развитие ее государственной формы. Из выводов этой группы исследователей назовем прежде всего те, что касаются не исключительно предпосылок российского абсолютизма, но проблем российской автократии в целом.

В этих гипотезах под различными углами зрения трактуется значение «наследия Византии» или, соответственно, ордынского ига³², или же в них на первый

³⁰ Индова Е. И. и др. Народные движения в России XVII—XVIII вв. и абсолютизм.— В кн.: Абсолютизм в России XVII—XVIII вв., с. 82—85.

³¹ Переход от феодализма к капитализму..., с. 103.

³² Medlin W. K. Moscow and East Rome. Geneve, 1952 (Études d'histoire économique, politique et sociale, vol. 1), p. XIV, 145; Neubaueг H. Op. cit., S. 26—27, 220; Костомаров Н. И. Начало единодержавия в древней Руси.— В: его же. Исторические монографии и исследования, т. 12, 1872, с. 1—153; Wittfogel K. H. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957, p. 148—149; Cherniavsky M. Khan or Basileus: An Aspect of Russian Medieval Political Theory (Journal of the History of Ideas, 20, 1959, 4), p. 459; Spuler B. Die Goldene Horde und Rus-

план выдвигается геополитический фактор. Последний был сформулирован С. М. Соловьевым в том смысле, что централизация государства восполняла отсутствие внутренней консолидации, что явилось следствием огромной территориальной протяженности России и слабости ее естественных границ; таким образом, централизация играла роль как бы стягивающей повязки на пораженном органе³³.

В других вариантах гипотез этого типа, когда речь идет *исключительно* об абсолютизме, доказывається:

— что Россия, чтобы выжить среди других держав в данной исторической ситуации, была вынуждена приспособляться к доминировавшей на Западе государственной форме с ее атрибутами власти, хотя соответствовавшая социально-экономическая основа для этого отсутствовала³⁴;

— что процессу централизации содействовало наличие внешней опасности, необходимость обороны границ;

— что большое значение имели войны, в особенности победоносные, как укреплявшие престиж монарха³⁵.

Здесь же можно дополнительно упомянуть о другой, в научном плане менее значимой дискуссии относительно вопроса, имел ли российский абсолютизм больше общих черт с (вариант: был ли инспирирован по преимуществу?) азиатской деспотией или же западноевропейским абсолютизмом³⁶.

slands Schicksal (Saeculum, 6, 1955), S. 397—406; Савва С. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901; для ознакомления с другими точками зрения ср.: Alef G. The Crisis of the Muscovite Aristocracy: A Factor in the Growth of Monarchical Power (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 15, 1970), S. 15—18.

³³ См.: Рубинштейн Н. Л. Русская историография, с. 323.

³⁴ Сахаров А. Н. Исторические факторы образования русского абсолютизма.— История СССР, 1971, № 1, с. 110 и далее. Ср.: Миллюков П. Н. Очерки..., ч. 1, с. 144—145.

³⁵ Павленко Н. И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России, с. 74; Юшков С. В. История государства и права СССР, с. 280.

³⁶ Torke H.-J. Die neuere Sowjethistoriographie, S. 125—126, 129.

РОЛЬ БОЯРСКОЙ ДУМЫ

Сам термин «боярская дума» сравнительно недавнего происхождения; он применялся среди прочих В. О. Ключевским. Впрочем употребление его время от времени объявляется неправомерным³⁷.

Имеется ряд работ, в которых проводятся как *статичные*, формально-юридические, так и *динамичные*, сравнительно-исторические, анализы думы. Исследование думы под первым из названных углов зрения порождает вопрос, являлась ли она институтом, обладающим своими собственными правами³⁸, или же это было лишь собрание необходимых царю доверенных лиц без институционального статуса³⁹. Вторая проблема — обладала ли дума теми же прерогативами, что и царская власть? Или — возлагалась ли юридическая ответственность за принятые решения исключительно на царя?⁴⁰

КАКИЕ ПЕРЕМЕНЫ ПРОИЗОШЛИ В ДУМЕ ЗА РАССМАТРИВАЕМЫЙ ПЕРИОД?

Наиболее значительной была исследовательская работа, которая велась в области истории развития думы⁹⁾. Многих историков привлекали прежде всего вопросы изменений в структуре и функциях думы. Эти вопросы представляют интерес в особенности потому, что участие в думе означало принадлежность к правящей элите Московского государства. Сам состав этой элиты, средства, которые использовались

³⁷ Nellie R. (рец. на): Колычева Е. И. Холопство и крепостничество (конец XV—XVI в.); Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. (Slavic Review, 1972, vol. 3, p. 661.)

³⁸ Ключевский О. В. Боярская дума древней Руси. М., 1909; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб.— Киев, 1909, с. 158.

³⁹ Сергеевич В. И. Русские юридические древности, т. 2, СПб., 1900, с. 347, 349; Пресняков А. Е. Московское царство. Пгд., 1918, с. 111—112.

⁴⁰ Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XVI—XVII вв., с. 170; Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960, с. 48; Maugach R. Der russische Reichsrat. Berlin, 1939, S. 40.

для того, чтобы войти в нее, а также методы, какими осуществлялась власть,— ценная информация о сущности и развитии тогдашней политической системы⁴¹.

Наблюдающиеся разногласия относительно содержания изменений в составе думы группируются большей частью вокруг двух вопросов, а именно: в чем состояли эти изменения и с какого времени они стали по-настоящему заметны?¹⁰⁾

Укрепление позиций мелкого дворянства

Наибольшее внимание исследователей привлекает одна из основных точек зрения, согласно которой боярская аристократия после Смуты по большей части утратила влияние, в то время как рядовое дворянство и лица, находившиеся на царской службе («служилые люди»), напротив, выиграли в этом отношении⁴².

Сохранение боярской монополии в думе

Другие исследователи придерживаются противоположной точки зрения. Они приходят к выводу, что боярская аристократия в целом сохраняла свою монополию в думе по крайней мере до середины XVII в.⁴³

Рост влияния бюрократии

Помимо исследований, проведенных в рамках упомянутых двух главных направлений, учеными уделялось также внимание возросшему на протяжении XVII в. влиянию бюрократического элемента, явле-

⁴¹ Ср.: Grummeу R. O. The Reconstitution of the Boiar Aristocracy, 1613—1645 (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 18, 1973), S. 187.

⁴² Платонов С. Ф. Московское правительство при первых Романовых; он же. Статьи по русской истории (1883—1912).— Сочинения, т. I. СПб., 1912, с. 342.

⁴³ Ключевский В. О. Боярская дума..., с. 388—389; Grummeу R. O. Op. cit., p. 194—195, 209f. Результаты исследований Водарского свидетельствуют о еще большем континуитете, см.: Водарский Я. Е. Правящая группа светских феодалов в России в XVII в.— В кн.: Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв./Отв. ред. Павленко Н. И. М., 1975, с. 82 и далее.

нию, которое шло за счет и в ущерб думе, а также роли, которую играли возникавшие фракции влиятельных групп и практика протекций⁴⁴.

ЧТО СТИМУЛИРОВАЛО ПЕРЕМНЫ В ДУМЕ?

Проблемы периодизации вышеуказанных изменений и их научной характеристики неразрывно связаны с вопросом о причинах перемен в думе. На поставленный вопрос можно выделить четыре ответа.

Опричнина

Согласно первому из них, власть бояр была подорвана, а новый, измененный состав думы обусловлен террором и структурными перестройками аппарата власти в период действия исключительных законов Ивана Грозного (опричнины)⁴⁵.

Смута

Второй ответ основан в целом на том, что бояре были сметены с исторической сцены эпохой Смуты⁴⁶. В. Н. Сторожев утверждал, что Смута была раздута боярами в последней отчаянной, но провалившейся попытке утвердить свои позиции по отношению к усиливающемуся дворянству⁴⁷.

Военная реформа

Третий вариант ответа — реформы в армии и администрации, которые были проведены приблизительно в середине века, серьезно подорвали мощь боярства, поскольку в результате их образовались

⁴⁴ Сташевский Е. Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича, ч. 1, Киев, 1913, с. 77 и далее.

⁴⁵ Пресняков А. Е. Московское царство..., с. 112.

⁴⁶ Платонов С. Ф. Московское правительство..., с. 342; Платонов С. Ф. Боярская дума — предшественница Сената.— Сочинения, т. I. СПб., 1912, с. 452 и далее.

⁴⁷ Сторожев В. Н. Боярство и дворянство в XVII веке.— В кн.: Три века. Россия от Смуты до нашего времени, т. II. М., 1912, с. 196; Пичета В. И. Смута и ее отражение в трудах историков.— Голос минувшего, 1913, № 2, с. 27.

новые социальные группы, доказавшие свою безусловную необходимость режиму⁴⁸.

Социальные сдвиги

Четвертый ответ — перемены в составе думы явились результатом социально-экономических изменений, среди прочего возросшим влиянием купеческого сословия и хорошо разработанным в науке процессом нивелирования боярской и мелкодворянской социальных прослоек⁴⁹.

В КАКОМ НАПРАВЛЕНИИ ИЗМЕНЯЛАСЬ РЕАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ ДУМЫ?

Проблема перемен в области функций думы, естественно, также связана с имевшими место структурными изменениями. Мнения исследователей расходились прежде всего в отношении вопроса о том, насколько бóльшим или мёньшим стало значение думы в XVII в.

Более всего в глаза бросается расхождение во взглядах А. Е. Преснякова и М. Ф. Владимирского-Буданова. Совершенно очевидно, что они сохраняют единство мнений, когда подчеркивают, что между функциями думы в XVI и XVII вв. имелись различия, но на этом их единомыслие и заканчивается.

Уменьшение власти думы

Пресняков утверждал, что дума в XVII в. представляла собой послушное орудие в руках царской власти. Она утратила возможность оказывать какое-либо реальное политическое влияние и превратилась в церемониальную, формальную «приправу» к окрепшему авторитету царской власти. Практически решения вырабатывались лишь теми боярами, которые принадлежали к самому интимному окружению царя (ближние, тайные комнатные бояре государева «верха») или руководили приказами⁵⁰.

⁴⁸ Смиттеу R. O. Op. cit., s. 209—210.

⁴⁹ Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV—XVII вв., с. 171; Неубауег Н. Op. cit., S. 71.

⁵⁰ Пресняков А. Е. Московское царство..., с. 112.

Здесь мы можем засомневаться в справедливости точки зрения, согласно которой бюрократизация означала сдвиг центра тяжести власти в сторону людей, обладавших в силу своего двойственного положения (они занимали посты и в думе и в приказах) возможностями реального контроля над исполнительными органами и потоком информации⁵¹.

Неизменность власти думы

Напротив, Владимирский-Буданов полагал, что Общая дума сохранила свое влияние на протяжении XVII в., что объем ее компетенций в важных государственных делах ни в коей мере не был ущемлен с появлением всевозможных более узких кругов, возникновение которых сопровождало рост думы⁵².

ХАРАКТЕРИСТИКА ЗЕМСКИХ СОБОРОВ¹¹⁾

Некоторые из упомянутых проблем встречаются и в исследовании истории сословных представительств, так называемых Земских соборов. Славянофилы видели в соборах существенную черту облика XVII столетия. Земские соборы были для них продолжением старинного русского народного собрания, веча — этого уникального русского феномена, — которое в противоположность западноевропейским сословным собраниям находилось с царем в отношениях гармоничной взаимопомощи, поддержки ради общего блага⁵³.

Наиболее острая критика этих положений была выдвинута историками государственной школы, которые считали, что Земские соборы с их несовершенной представительской системой и едва ли не рабской лояльностью по отношению к царской власти

⁵¹ Устюгов Н. В. Эволюция приказного строя Русского государства в XVII в. — В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв), с. 166—167; Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906, с. 12.

⁵² Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права, с. 162—163, прим. 1.

⁵³ Аксаков К. С. Полное собрание сочинений, т. 1. М., 1861, с. 296.

не играли в российской истории какой-либо самостоятельной роли⁵⁴.

Используя эти старые позиции в качестве отправной точки, наука в исследовании проблем, касающихся сословных представительств, ушла затем далеко вперед. Особое внимание при этом уделялось исследованию функций Земских соборов, конкретнее — их взаимоотношений с царской властью, а также вопроса относительно их схожести с соответствующими институтами в других странах.

Нередко оспаривается право Земских соборов вообще называться сословными собраниями. Так Х.-Й. Торке предпочитает употреблять совершенно нейтральный термин «Московские собрания».

КАКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМЕЛИ ЗЕМСКИЕ СОБОРЫ?

Научные точки зрения на сословные собрания как имеющие ограниченные или неограниченные функции по отношению к царской власти играют, как ранее было сказано, решающую роль в оценке характера государственной власти и при ее периодизации.

Укрепление и легитимация царской власти

Безусловно, преобладающей является точка зрения на сословные собрания как не означавшие какого-либо ущемления царской власти, а, напротив, являвшиеся необходимым условием ее укрепления⁵⁵.

Так, С. Ф. Платонов категорически отвергает мнение о Земских соборах как оказывавших влияние на процесс управления. По утверждению этого ученого, соборы вступали на сцену лишь тогда, когда их со-

⁵⁴ Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866, с. 355—382.

⁵⁵ Рожков Н. Л. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. IV. Л., 1928, с. 267; Базилевич К. В. Опыт периодизации истории СССР феодального периода.— Вопросы истории, 1949, № 11, с. 85—86; Пресняков А. Е. Московское царство..., с. 115 и далее; Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России, с. 29; Аврех А. Я. Русский абсолютизм..., с. 92; Тогиуага S. Op. cit., p. 109.

звали, и отвечали лишь на те вопросы, которые ставил царь ⁵⁶.

Земские соборы являлись, таким образом, полезным орудием царя и выполняли различные узаконивающие и исполнительские функции. Используя этот канал, царь мог быть осведомлен как о потенциальных возможностях, так и о настроениях любой части населения, игравшей роль, важную в конкретной политической ситуации ⁵⁷.

Переменное влияние

Другие авторы избегают столь смелых обобщений. Они утверждают, что значение Земских соборов зависело от конкретных соотношений сил, в особенности же от позиции царя в данный момент ⁵⁸. Эта идея получает дальнейшее развитие в положении о классовой борьбе как факторе, который в значительной степени содействовал выбору направления политической деятельности соборов и регулированию их взаимоотношений с царской властью ⁵⁹.

Некоторые историки придерживаются того мнения, что при новой романовской династии первые Земские соборы имели прерогативу принятия решений, в то время как все остальные собрания были лишь совещательными ⁶⁰. Земские соборы 1648—1649 гг. также представляют собой пример того, что сословные представительства могли с известным успехом проводить некоторые из своих проектов в жизнь через голову временно ослабевшей царской власти ⁶¹.

⁵⁶ Платонов С. Ф. Московское правительство..., с. 340, 389, 406.

⁵⁷ Платонов С. Ф. К истории Московских Земских соборов.— Сочинения, т. I, с. 337—338; Ключевский В. О. Состав представительств на соборах древней Руси.— Сочинения, т. 8. М., 1959, с. 106—107; Тихомиров М. Н. Псковское восстание 1650 г. Из истории классовой борьбы в Русском городе XVII в.— В кн.: его же. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969, с. 23—26.

⁵⁸ Неубауер Н. Op. cit., S. 75; Очерки истории исторической науки в СССР, т. II с. 126.

⁵⁹ Черепнин Л. В. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России.— В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв), с. 132.

⁶⁰ Сахаров А. М. Образование и развитие..., с. 172.

⁶¹ Кеер J. L. H. The Decline of the Zemsky Sobor (The Slavonic Review, 36, 1958), p. 119; Смирнов П. П. Посадские

Х.-Й. Торке характеризует подобное положение следующим образом: формально Земские соборы вообще автократию не ограничивали, но в реальной жизни это им иногда удавалось. И когда такие случаи имели место, то, по мнению исследователя, происходило это все же не по причине влияния классовой борьбы, но на основе групповых интересов. Форма же правления, как выражение классовых интересов, никогда не подвергалась опасности ликвидации или критике⁶².

Ограничение царской власти

В советской исторической науке ограничительная функция сословных собраний по отношению к государственной власти подчеркивалась, безусловно, сильнее всего С. В. Юшковым. Тем не менее даже он прибегал при этом к довольно умеренной форме⁶³.

БЫЛИ ЛИ ЗЕМСКИЕ СОБОРЫ АНАЛОГИЧНЫ СООТВЕТСТВУЮЩИМ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИМ ИНСТИТУТАМ?

Что касается вопроса о подобии московских соборов западноевропейским сословным собраниям или его отсутствию, то историк права В. И. Сергеевич, а также В. Н. Латкин делают в своих основанных на богатом материале обзорах истории русских Земских соборов вывод о их глубинном сходстве с соответствующими институтами Западной Европы⁶⁴.

люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. 2. М.-Л., 1948, с. 215 и далее. Данная точка зрения отмечена впервые у А. П. Щапова в 1862 г., ср.: Torke H.-J. Die staatsbedingte Gesellschaft, S. 122, 197; Szeftel M. La participation des assemblées populaires dans le gouvernement central de la Russie depuis l'époque kiévienne jusqu'à la fin du XVIIIe siècle (Recueils de la société Jean Bodin pour l'histoire comparative des institutions, XXV, Gouvernés et gouvernants, quatrième partie. Bruxelles, 1965), p. 360 ff.

⁶² Torke H.-J. Die staatsbedingte Gesellschaft..., S. 297—298.

⁶³ Юшков С. В. К вопросу о сословно-представительной монархии в России.— Советское государство и право, 1950, № 10, с. 46; он же. Развитие русского государства в связи с его борьбой за независимость, с. 148. Ср.: Shterra K. F. Op. cit., p. 257f.

⁶⁴ Сергеевич В. И. Земские соборы в Московском государстве.— В кн.: Сборник государственных знаний, т. II. СПб., 1876,

Тем не менее Латкин указывал в том же своем обзоре, что между сословными собраниями на Западе и на Востоке имелись различия, заключавшиеся в их социальной основе⁶⁵.

Глубинное сходство

Упомянутая исследовательская линия прослеживается в общих чертах вплоть до нашего времени; и ныне делаются выводы относительно этого основополагающего сходства. Однако одновременно подчеркивается, что сословное представительство в России не получило того же развития, как это случилось в западноевропейских странах; самодержавие не было ограничено Земскими соборами, напротив, чаще всего дело обстояло так, что соборы узаконивали правительственные акции⁶⁶.

Г. В. Гальперин по этому поводу утверждал, что в Западной Европе сословные представительства играли ту же самую роль; С. Торияма его поддерживает⁶⁷.

В большинстве своем ученые считают, что глубинное сходство, о котором шла речь, отмечено правильно; но одновременно они отмечают, что Московские соборы находились на более примитивном уровне, чем соответствующие западноевропейские институты⁶⁸.

Различные истоки сословных собраний

В. О. Ключевский акцентировал внимание на различии между российской и западноевропейской формами сословных представительств, избрав для этого решающий, по его мнению, признак. Он полагал, что основа этого различия заключается в том, что если сословные

с. 1—60; Латкин В. Н. Земские соборы древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. СПб., 1885, см. в разл. главах книги.

⁶⁵ Латкин В. Н. Там же, с. 403—407.

⁶⁶ Сахаров А. М. Образование и развитие..., с. 172.

⁶⁷ Гальперин Г. В. Форма правления Русского централизованного государства XV—XVI веков. Л., 1964.

⁶⁸ Ср., напр.: Кеер J. L. H. The Decline..., p. 122; Юшков С. В. История государства и права, с. 281.

собрания в Западной Европе возникли как результат политической борьбы, то в России они являлись следствием чисто административных нужд центральной власти⁶⁹.

Синтез между Западом и Востоком

«Синтезирующая» точка зрения была представлена в дебатах Г. Штёкля и Х.-Й. Торке. Так, Штёкль очень осторожно предложил рассматривать Земские соборы XVII в. в качестве синтеза византийской формы и самостоятельного социального содержания соборов, содержания, которое тем не менее не было свободным от влияния польско-литовского прототипа или образца. А между тем именно польско-литовскую форму сословных собраний, как полагает Штёкль, вполне допустимо сравнивать с их западноевропейским вариантом.

Правда, Штёкль характеризует таким образом соборы как синтез восточной формы и западного содержания, но все же в меньшей степени, чем он допускает это, касаясь княжеств Сербии и Подунавья⁷⁰.

Торке полагает, что Земские соборы заняли свое место в государстве с автократической системой правления, форма которой представляла собой нечто среднее между азиатской деспотией и западноевропейским абсолютизмом. При этом общество не играло в управлении русским государством столь важной роли, как в Западной Европе. Используя выражение Торке, можно сказать, что общество здесь было обусловлено государством, но при этом оно представляло собой постоянную величину в государственной политическо-правовой практике⁷¹.

⁶⁹ Ключевский В. О. Сочинения, т. 2, с. 390.

⁷⁰ Stöckl G. Der Moskauer Zemskij Sobor. Forschungsproblem und politisches Leitbild (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Bd. 8, 1960), S. 170.

⁷¹ Torke H.-J. Die staatsbedingte Gesellschaft..., S. 295—298; Л. В. Черепнин в 1978 г. подготовил к изданию крупную работу под названием «Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв.»; см.: Черепнин Л. В. Курмачева М. Д. Основные направления изучения феодальной эпохи.— История СССР, 1976, № 3, с. 215.

ХАРАКТЕР ФУНКЦИЙ И СТРУКТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

История администрации Московского государства представляет собой одну из сравнительно слабо разработанных наукой областей, особенно в новой историографии¹²⁾, — и это несмотря на бесспорное значение ее хотя бы для правильного и всестороннего использования тех актовых материалов и документов, которые оставил после себя тогдашний правящий аппарат⁷².

Возможно, одну из причин скромной притягательной силы этой темы можно увидеть в ее чрезвычайной сложности; возьмем хотя бы тот факт, что все классификации органов центрального управления можно рассматривать как экспериментальные и незавершенные⁷³. Главными объектами исследования были история *развития* администрации, ее *структура* и *функции*.

В старой историографии история администрации включала в себя как светское, так и церковное управление⁷⁴. Позднее интересы исследователей складывались таким образом, что церковная администрация целиком выпала из их внимания.

В КАКИХ УСЛОВИЯХ И С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ СОЗДАВАЛСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ?

Самый общий вопрос, который ставили перед собой исследователи темы: какого рода связь существовала между развитием общества и развитием системы управления? Или, если сформулировать его в

⁷² Чтобы составить себе представление о пособиях по данной теме см.: Справочники по истории дореволюционной России./Ред. Зайончковский П. А. М., 1971, с. 159—162. Ср.: Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества, с. 199—210;.

⁷³ Чернов А. В. О классификации центральных государственных учреждений в XVI—XVII вв.— Исторический архив, 1958, № 1, с. 195, 201; Устюгов Н. В. Эволюция приказного строя..., с. 134—135.

⁷⁴ Неволин К. А. Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого.— Журнал Министерства Народного Просвещения (далее ЖМНП). 1844, № 1—3.

виде причинно-следственной проблемы, в чем состояли причины создания этой системы?

Развитие общества в целом

К. А. Неволин и В. О. Ключевский ограничиваются следующим ответом на поставленный вопрос: одновременно с превращением Московского княжества в Московское государство, а также в связи с естественным развитием общества экономическая жизнь в значительной степени усложнилась, а задачи администрации стали более дифференцированными; увеличилось в объеме и письменное делопроизводство. Это вело к росту центрального управления в двух направлениях.

Во-первых, он шел за счет того, что дела, с которыми царь и его ближайшие помощники ранее могли разобраться самостоятельно, теперь по необходимости передавались в приказы. Во-вторых, возникла необходимость решать в центральном порядке те дела, что ранее улаживались на местах, без обращения к центральным властям ⁷⁵.

Реформы военного дела и финансов

П. Н. Милюков идет дальше этого чрезмерно общего объяснения, утверждая, что в судьбах центрального управления решающую роль сыграли военные и финансовые реформы.

Объясняется это просто — деньги и армия были главным объектом деятельности администрации и стали поэтому решающим фактором в становлении ее формы и содержания ⁷⁶.

Укрепление царской власти

С точки зрения некоторых советских ученых, царская власть и государственный аппарат следовали

⁷⁵ Там же, с. 33—34; Ключевский В. О. Сочинения, т. 2, с. 338—341; Epstein F. T. Die Hof- und Zentralverwaltung im Moskauer Staat und die Bedeutung von G. K. Kotošichins zeitgenössischem Werk „Über Russland unter der Herrschaft des Zaren Aleksej Michajlovič“ für die russische Verwaltungsgeschichte. Hamburg, 1978 (Hamburger historische Studien, 7), S. 96.

⁷⁶ Милюков П. Н. Очерки..., ч. I с. 185—186.

в своем росте друг за другом. В более конкретном плане говорится о том, что лишь при помощи сильного государственного аппарата можно было провести в жизнь то увеличение феодальной эксплуатации, которое стимулировалось среди прочего изменившимися в XVII в. рыночными отношениями⁷⁷.

Классовая борьба

Развитие государственного аппарата становится, с точки зрения этих историков, показателем или результатом обострения классовой борьбы, отражением того факта, что колесо гнета феодальной эксплуатации совершило еще один оборот⁷⁸.

Стремление к ослаблению позиции бояр

В целом А. Е. Пресняков разделял научные точки зрения своих современников, однако он смог сверх того понять, что в создании системы приказной администрации царская власть видела средство, способное ослабить позицию думы⁷⁹.

ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЛА СОБОЙ СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ В ЦЕЛОМ?

В высшей степени усложненный и калейдоскопичный характер государственной администрации сделал для исследователей первоочередной задачей наведения в этом пестром многообразии какого-то «порядка», выявления официально установленных сторон функций управления. Серьезные научные разработки этого типа были начаты историками государственной школы.

Центральной проблемой стала прежде всего история развития государственной власти и ее отношение к народным массам⁸⁰. В качестве иллюстрации к степени разработанности этой проблемы можно

⁷⁷ Ерошкин Н. П. Очерки..., с. 51—52; Индова Е. И. Народные движения в России..., с. 83.

⁷⁸ Там же, с. 84, 90; Ерошкин Н. П. Очерки..., с. 51—52.

⁷⁹ Пресняков А. Е. Московское царство, с. 125—126.

⁸⁰ Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, с. 123.

привести монографии, которые единственно могут претендовать на решение задачи самого общего освещения всей сферы местного управления; написаны они основателем этой школы и одним из его учеников⁸¹.

В общей характеристике исследований следует упомянуть, кроме работ, анализирующих ситуацию, сложившуюся в XVII в. в масштабе всей страны, ряд локально-исторических трудов, на основе которых можно сделать вывод о довольно заметных местных вариациях в области как структуры, так и функций администрации⁸².

Стремление внести ясность в проблемы, связанные с управлением, вылилось в конечном счете в ранее упоминавшиеся попытки классифицировать административный аппарат, но еще до этого было необходимо идентифицировать отдельные органы управления, установить хронологические рамки их деятельности⁸³, а также определить границы их компетенции. Кроме того, были исследованы формальные стороны делопроизвод-

⁸¹ Чичерин Б. Н. Областные учреждения в России в XVII веке. М., 1856; Градовский А. Д. История местного управления в России, т. I. СПб., 1868; см. также: Epstein F. T. *Op. cit.*

⁸² Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., т. I—II. М., 1909, 1912; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня, т. I Иркутск, 1949 с главой «Управление в Илимском воеводстве», с. 120—171; Рязановский Ф. А. Крестьяне Галичской вотчины Мещериновых в XVII и первой половине XVIII в.— Галичское отделение Костромского научного общества по изучению местного края. Труды, вып. V, 1927, с. 15—32; Дядиченко В. А. Нариси суспільно-політичного устрою лівобережної України кінця XVII — початку XVIII ст. Київ, 1959; Крипьякевич І. П. Адміністративний поділ України 1648—1654-х рр.— Історичні джерела та їх використання, II, 1966, с. 123—148; Якутия в XVII веке. Очерки./Под ред. Бахрушина С. В. и Токарева С. А. Якутск, 1953, с. 220—303; Lantzeff G. V. *Siberia in the Seventeenth Century, a Study of Colonial Administration*. Berkeley, Los Angeles, 1943.

⁸³ Зимин А. А. О сложении приказной системы на Руси.— Доклады и сообщения Института истории АН СССР, вып. 3, 1954, с. 164—176; Неволин К. А. Образование управления..., с. 49—52.

ства⁸⁴ и состав служащего персонала отдельных административных органов⁸⁵.

СОЗДАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ИНСТИТУТОВ

Научная работа в рамках поставленных таким образом проблем на практике велась по большей части в форме отдельных исследований, посвященных какому-либо определенному административному органу или сфере управления. Однако анализу такого рода до настоящего времени подверглись далеко не все органы управления⁸⁶.

⁸⁴ Тихомиров М. Н. Приказное делопроизводство в XVII веке.— В кн.: его же. Российское государство, XV—XVII вв. М., 1973, с. 348—383; Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768), ч. 1—4. М., 1895—1902.

⁸⁵ Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. М.—Л., 1946; Белокуров С. А. О Посольском приказе. (В особенности см. приложения); Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975; Богоявленский С. К. Приказные дьяки XVII в.— Исторические записки, т. 1, 1937; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня, т. 1, с. 126—147; Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902; Шумаков С. А. Из розысканий о составе Поместного приказа. М., 1910.

⁸⁶ Софроненко К. А. Малороссийский приказ Русского государства второй половины XVII в. и начала XVIII в. М., 1960; Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900; он же. Приказ великого государя тайных дел. Ярославль, 1902; Чернов А. В. К истории Поместного приказа (Внутреннее устройство приказа в XVII в.).— Труды МГИАИ, т. 9, 1957, с. 194—250; Шумаков С. А. Экскурсы по истории Поместного приказа. М., 1910; Сперанский А. Н. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930; Горчаков М. И. Монастырский приказ (1649—1725 гг.). СПб., 1868; Яковлев А. И. Приказ сбора ратных людей. М., 1917; Белокуров С. А. О Посольском приказе; Заозерский А. И. Царская вотчина XVII века. М., 1937; среди прочих здесь исследуется Приказ тайных дел и содержатся значительные коррективы к работе И. Я. Гурлянда; Смирнов П. П. Посадские люди..., т. II, на с. 251—273 — данные о Приказе сыскных дел; Голикова Н. Б. Органы политического сыска и их развитие в XVII—XVIII вв.— В кн.: Абсолютизм в России..., с. 243—280; Гурлянд И. Я. Приказ сыскных дел.— В кн.: Сбор-

Особая ветвь системы управления, таможенная администрация, исследована в последнее время основательнее других в связи с тем, что таможенные книги представляют собой чрезвычайно ценный источник для проведения исследований по истории развития рыночных отношений в XVII в.⁸⁷

В результате проведения вышеперечисленных исследований становится возможным рассмотреть также проблемы функций администрации.

ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

В этом смысле особый интерес представляет вопрос о процессе принятия решений. Частные проблемы в рамках исследований по этой теме: уровень обеспеченности администрации необходимой информацией⁸⁸, степень влияния, которое оказывали на разработку решений различные органы в иерархии системы, в чью компетенцию данная задача входила⁸⁹, уровень лояльности и классовые позиции лиц, участвовавших в принятии решений⁹⁰, значение их политической и социальной платформы для содержания принятых решений.

Между прочим исследователи не ограничивали свои изыскания задачей выяснения вопроса, как функ-

ник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904; Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890; Очерки русской культуры XVII в. / Ред. Арциховский А. В. и др. Ч. I. М., 1979; Lantzeff G. V. Op. cit., p. 1—18.

⁸⁷ Мерзон А. Ц. Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М., 1960; Lantzeff G. V. Op. cit., p. 132—140.

⁸⁸ Алпатов М. А. Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в.— В кн.: История и историки. Историография всеобщей истории. [Сб. статей.] / Отв. ред. Алпатов М. А. М., 1966.

⁸⁹ Белокуров С. А. О Посольском приказе..., с. 9 и далее.

⁹⁰ Оглоблин Н. Н. Происхождение провинциальных подьячих XVII века.— ЖМНП, 1894, № 9; Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв.— В кн.: Абсолютизм в России..., с. 208—211; Чернов А. В. К истории Поместного приказа, с. 226—237.

ционировала эта система, но выясняли также, функционировала ли она *удовлетворительно*, выполняла ли она требования, которые ставились перед ней самим развитием общества.

НЕДОСТАТКИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

С. Б. Веселовский, а также и более поздние исследователи указывали на то, что система приказов страдала рядом недостатков, которые со временем становились все более значительными и уже во второй половине XVII в. явились причиной немаловажных реформ. В трудах этих ученых упоминаются среди прочих минусов ее такие, как нечеткое членение приказов по вертикали и горизонтали. Далее говорится о столь же нечетко определенных каналах для подачи кассаций и апелляций, что вело к случаям, когда даже самые незначительные апелляционные дела могли загрузить всю административную систему доверху. Наконец, упоминалось об отсутствии службы внутреннего контроля⁹¹.

В качестве показателя того, что этот недостаток действительно был чувствительным, приводится факт учреждения в середине XVII в. секретного приказа — Приказа великого государя тайных дел. Далее, сделан вывод о том, что приказы добились такого уровня самостоятельности, что она не могла не ущемлять прав царя, и задача новоучрежденного приказа заключалась в том, чтобы он в качестве тесно связанного с государем контрольного и исполнительного органа обеспечивал выполнение царских указов в соответствии с поставленными целями. Приказ тайных дел должен был одновременно обеспечивать царю известную возможность общего наблюдения за деятельностью сильно раздробленных приказов. Так, например, этот орган ведал отправкой вместе с дипломатами лиц, назначавшихся Посольским приказом и в свою очередь контролировавших деятельность послов.

⁹¹ Веселовский С. Б. Приказный строй..., с. 9—10, 31—32 и далее; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в./ Под ред. Новосельского А. А., Устюгова Н. В. М., 1955, с. 382—383; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права, с. 186—187.

Учреждение Приказа тайных дел, а также ряд иных мероприятий рассматриваются исследователями как концентрация управления многими приказами в руках одного лица, как показатель борьбы за реализацию централизаторских устремлений.

Тем не менее борьба эта привела в конечном результате к разобщенности органов управления, размыву административных границ, к самодовлеющей, местнической позиции, которую заняли некоторые органы, а также к широко распространившейся коррупции⁹².

НЕДОСТАТКИ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Реформы, направленные на централизацию административного аппарата, не достигли, таким образом, своей цели. Это же можно сказать и об органах местного управления. Усовершенствования администрации провинции (земская реформа), начатые Иваном Грозным и продолженные при Борисе Годунове, предусматривавшие учреждение постов для новых, избираемых на местах администраторов (губных старост, городских приказчиков), были при Василии Шуйском без оговорок прерваны. На смену им пришла практика назначения воевод, руководствовавшихся в своей деятельности правительственными указаниями.

Эта тенденция к централизации наблюдается и при последующих царях. Учреждение института воевод оценивается исследователями как совершенствование возможностей центрального аппарата в осуществлении управления. Однако, с другой стороны, указывается, что имелись некоторые факторы, ограничивающие эти возможности⁹³.

Воеводы обладали, безусловно, весьма широкими полномочиями, но они всецело зависели в своей деятельности от центральной власти. Впрочем, они располагали лишь весьма незначительными по масштабу исполнительными органами, связь с центром оставляла желать лучшего, а сам пост воеводы предназначался для лиц, впавших в царскую немилость,

⁹² Сахаров А. М. Очерки истории СССР, XVII век, с. 52, 54—55; Пресняков А. Е. Московское царство..., с. 126.

⁹³ Сахаров А. М. Очерки истории СССР, с. 56—57.

и его нередко занимали люди без особого административного опыта⁹⁴.

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕДОСТАТКОВ УПРАВЛЕНИЯ

П. Н. Милюков считал, что к концу XVII в. подобное положение вело к изменению отношений между центральным и местным управлением. Что касается двух важнейших административных сфер, армии и финансового дела, то процесс этот выразился, соответственно, в стремлении к децентрализации и централизации.

Шла централизация пошлинного и налогового дела, так что теперь государственные доходы поступали в центральный приказ, Большую казну, в то время как ранее они отправлялись в различные четверти. В целом эта реформа характеризуется как переход от территориального к системному принципу.

Напротив, в военной администрации развивался принцип полицентризма, поскольку расстояние от центрального Разрядного приказа до все больше удалявшихся по периферии российских форпостов не всегда позволяло решать задачи военного плана. Поэтому в эпоху правления Алексея Михайловича три крупных военно-административных округа, по одному на каждого из основных потенциальных противников, были выделены из Разрядного приказа и переведены на автономное снабжение войсковой казной и личным составом. В этой акции Милюков видит зародыш будущей территориально-административной реформы Петра Великого⁹⁵.

ПРЕДПОСЫЛКА К ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЕ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

Тезис о том, что XVII в. означал переориентацию в отношениях между церковью и государством, имеет много сторонников⁹⁶. Между прочим в постановлении

⁹⁴ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в., с. 386 и далее. Пресняков А. Е. Московское царство..., с. 127—128; Lantzeff G. V. Op cit., p. 12—46, 51—61.

⁹⁵ Милюков П. Н. Очерки..., ч. I с. 190—192; ср.: Очерки истории СССР. Период феодализма, XVII в., с. 304 и: Epstein F. T. Op cit., S. 86—92.

⁹⁶ Устюгов П. В., Чаев П. С. Русская церковь в XVII в.— В кн.: Русское государство в XVII веке. М., 1961, с. 312.

Московского собора 1667 г. было записано:

«У царя власть править превыше патриаршей и всех иерархов, так как не может быть двух голов в одном самодержавном государстве, но монаршая власть должна быть превыше всего»⁹⁷. А митрополит Паисий Лигаридес заявлял, что две головы российского орла символизируют высшую светскую и духовную власти, которые равно и нераздельно принадлежат царю⁹⁸.

Эти установления стали преградой для инициатив, которые некоторыми авторами расцениваются как попытки патриарха Никона поставить духовную власть выше светской⁹⁹, ими же было закреплено традиционное для России преобладание государя над церковью¹⁰⁰.

Исходя из сказанного, можно понять, почему доминирующими темами в исследованиях по российской церковной истории XVII в. были отношения между светской и духовной властями, а среди прочего — история реформы Никона и последовавшей за ней великой схизмы, раскола. Почему вокруг драматичной фигуры патриарха Никона, как единого центра притяжения, собираются и сталкиваются эти проблемы. Как ни парадоксально это выглядит, но реформы патриарха остались в силе, несмотря на то что сам он был смещен, и даже после его ухода со сцены раскол в России разгорелся с еще большей силой.

Этот очевидный научный парадокс был впервые всерьез разрешен Н. Ф. Каптеревым, выдвинувшим гипотезу, согласно которой истинным автором церковных реформ был вовсе не Никон. Патриарх являлся лишь орудием, избранным настоящими инициаторами, царем Алексеем Михайловичем и его духовником Стефаном Вонифатьевичем.

Поэтому для Каптерева и не было ничего странного в том, что после падения Никона его реформы сохранили свое значение. Напротив, ученый еще бо-

⁹⁷ Цит. по: Soloviev A. V. Holy Russia: The History of a Religious-Social Idea (Musagetes, XII, 1959), p. 36.

⁹⁸ Ibidem.

⁹⁹ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. 2, Сергиев Посад, 1912, с. 122–208.

¹⁰⁰ Там же, с. 50–121.

лее укрепился в своем убеждении, придя к выводу об угасании интереса патриарха к реформам церкви, как только он утратил свое высокое положение, в то время как вопрос об отношении между духовным и светским «мечами» по-прежнему занимал его¹⁰¹.

Источниковый материал о церковных реформах и расколе чрезвычайно обширен. На эту тему, с одной стороны, издано множество собраний документов, с другой — накопилась необозримая масса публицистических и научных произведений. Ее библиография еще в начале века насчитывала свыше 10 тысяч наименований.

Эта грандиозная публикаторская и исследовательская работа преследует, по-видимому, две цели: во-первых, решить основной, изначальный вопрос — кто был «прав», реформаторы или староверы; во-вторых, попытаться излечить раны русской церкви¹⁰². Тем не менее мы оставим эту проблему для того, чтобы сконцентрировать внимание вокруг иных, имеющих большее значение при выяснении отношений между государством и церковью.

Речь пойдет о причинах раскола, о мотивах, которыми руководствовались реформаторы и раскольники, о предпосылках к широкому распространению старообрядчества и о причине падения патриарха. Ответы на подобные вопросы варьируются между двумя крайними линиями многоцветного спектра исследований — от исключительно историко-религиозных толкований до чисто социально-политических. При рассмотрении социальных и политических аргументов мы сталкиваемся с принципиально различными подходами.

Согласно первому из них, основным содержанием событий была конфессиональная борьба, а социально-политическими аргументами можно лишь разъяснить,

¹⁰¹ Там же, с. 1—49; там же, т. 1, Сергиев Посад, 1909, с. IV—V, 128 и далее, 267—269; Cherniavsky M. Old Believers and the New Religion (Slavic Review, vol. 25, 1966), p. 6; Зызыкин М. В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи, ч. I. Варшава, 1931, с. 8.

¹⁰² Зеньковский С. Русское старообрядчество. Мюнхен, 1970 (Forum Slavicum, t. 21), с. 19—20; Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон..., т. 2, с. 524.

почему к расколу пришли столь многие. Сторонники второго подхода утверждали, что религиозные коллизии — чисто внешние причины, не более чем повод для разжигания волнений, которые в действительности имели социальные и политические корни.

Выбор между двумя упомянутыми попытками разъяснения сути событий во многих случаях сводился к дилемме «или—или». И даже П. Паскаль, авторитет которого был достаточно высок, не оценил по достоинству научные перспективы, которые могли бы раскрыться при установлении сравнительной значимости этих гипотез¹⁰³.

Напротив, они вполне осознанно использовались Ф. К. Конибиром, который проводил весьма резкую границу между причиной и поводом, точнее, между «великими причинами» и «мелкими обстоятельствами» (*great causes* и *petty circumstances*)¹⁰⁴. Социальные и политические отношения для Конибира — «великие причины», но, целиком сосредоточиваясь на их исследовании, он избегал дискуссии о тех более глубоко лежащих конфессиональных предпосылках событий, которым было посвящено все внимание Паскаля¹⁰⁵.

В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЛИСЬ ПРИЧИНЫ И МОТИВЫ ПРОВЕДЕНИЯ ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЫ?

Группировки, которые позже превратились в реформистские (никонианские) и староверческие и к середине XVII в. уже относились друг к другу с полной непримиримостью, имели в предшествовавшие десятилетия настолько обширные плоскости соприкосновения, что смогли даже объединиться в общем круге «ревнителей благочестия».

Духовный кризис

Как указывают некоторые историки, фактором, сближавшим в те годы первых и вторых в составе

¹⁰³ Pascal P. Avvakum et les débuts du Raskol. La crise religieuse au XVIIe siècle en Russie. Ligugé (Vienne), 1938 (Bibliothèque de l'Institut français de Leningrad, vol. 18), p. XIV f.

¹⁰⁴ Conybeare F. C. Russian Dissenters. Cambridge, Mass., 1921 (Harvard Theological Studies, X), p. 14—15, 27, 67.

¹⁰⁵ Pascal P. Op. cit., p. XVf., Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон..., т. 1, с. 1—30.

одной группировки, было стремление к проведению реформы, необходимой ввиду наступившего в результате Смуты кризиса морали и религии, равнодушия по отношению к церкви вообще¹⁰⁶.

Стремление к повышению международного престижа

Другим мотивом того же плана было, как считает ряд исследователей, амбициозное желание укрепить международный авторитет русской церкви, прежде всего в глазах православных единоверцев в соседних державах — Польше, придунайских странах и в различных частях Османской империи¹⁰⁷.

«Государственный резон»

Между тем уже эти программные пункты несли в себе скрытый раскол в движении сторонников реформ, ибо оба приведенных пункта имели и вполне мирское значение. Первый из них можно было использовать для укрепления политической роли церкви как института, стоявшего на охране феодального государства от внутреннего врага; в свою очередь государство могло использовать международный авторитет церкви как одно из средств внешней политики. По утверждению Паскаля, такая двойственность была чревата рядом проблем идейного плана, поскольку отражала два направления в восприятии христианской догмы среди участников движения¹⁰⁸.

Таким образом, у государства были вполне обоснованные причины для поддержки реформистского движения: цели реформ соответствовали централизаторским устремлениям, результаты преобразований могли оказать пользу в проведении как внутренней, так и

¹⁰⁶ Там же; Cherniavsky M. Old Believers..., p. 6—7; История СССР с древнейших времен до наших дней в двух сериях, в двенадцати томах./ Пред. ред. кол. Пономарев Б. Н. Т. 3. М., 1967, с. 99—107.

¹⁰⁷ Там же; Сопубеаге F. C. Op. cit., p. 149; Зеньковский С. Русское старообрядчество, с. 197—202.

¹⁰⁸ Pascal P. Op. cit., p. 15—16; Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон..., т. 1, с. 26—30.

внешней политики¹⁰⁹. Н. Ф. Каптерев подчеркивал также, что Алексей Михайлович, невзирая на свои грекофильские симпатии, никогда не забывал о политических перспективах, которые сулило всему православному христианству приобретение им авторитета византийского императора путем гармонизации русской и греческой церковной жизни¹¹⁰.

Н. К. Гудзий в этой связи акцентировал внимание на стремлении царя укрепить свое положение; в особенности по отношению к католическим державам; впрочем, Х. Фляйшхакер убежден в совершенно противоположном¹¹¹.

Стремление ограничить влияние церкви

Внешняя гармония между церковными и светскими целевыми установками тем не менее распадается, если принять еще во внимание некоторые толкования мотиваций действующих лиц; в свою очередь гипотеза об отсутствии упомянутой гармонии разъясняет причину падения Никона. Так Н. М. Никольский говорит, что дворянское государство было совершенно очевидно заинтересовано в реформе, но не в той, которую предлагал Никон. Государству подошла бы реформа, которая ликвидировала бы вековые феодальные права церкви, стоявшие на пути к централизации страны. Дворянству была нужна церковь, которая могла бы служить государству послушным инструментом¹¹².

Такая установка, безусловно, должна была прийти в столкновение с идеями Никона в том толковании, которое дают им Каптерев и Зызыкин. Если Паскаль, как и столь многие историки до него, видит причину падения Никона в его попытках эллинизировать русскую церковь, то Зызыкин считает, что причины эти коренятся прежде всего в стремлении патриарха дей-

¹⁰⁹ Сопубеаге F. C. Op. cit., p. 149; Зеньковский С. Русское старообрядчество, с. 197—202; История СССР с древнейших времен..., т. 3, с. 99.

¹¹⁰ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон..., т. 1, с. 35—47.

¹¹¹ Ср.: Неубауег Н. Op. cit., S. 141.

¹¹² Никольский Н. М. Реформа Никона и происхождение раскола.— В кн.: Три века, с. 7—8.

ствовать согласно византийской эпанагогической * теории относительно церкви и государства.

Стремление к «симфонии» между церковью и государством

Согласно Зызыкину, Никон отстаивал идею «симфонии», предполагавшей взаимное соподчинение светской и церковной властей, что в конечном счете служило бы спасению «человеков в мире ином». И напротив, что касается собственно светской политической власти, то Никон, по мнению автора, остался к ней равнодушен. В противоположность общепринятой точке зрения Зызыкин утверждает также, что византийская идея гармонии государства и церкви оказалась побежденной западноевропейской эрастианской теорией с ее подчеркнутым приматом государства над церковью¹¹³.

Стремление к исполнению библейских пророчеств

Совершенно противоположное толкование мотивам, которыми руководствовался Никон в своей реформаторской деятельности, дает американец Дж. Х. Биллингтон. Он считает, что стремления патриарха были направлены прежде всего к превращению Москвы в новый Иерусалим — в буквальном смысле слова — и что Никон при этом пытался усилить влияние идей библейских пророчеств на царя¹¹⁴.

* Эпанагога — памятник византийского права, очевидно переработка известного Прохирона, содержащий среди прочего систематическое изложение учения о государственной и церковной организации. Была хорошо известна в России и послужила одним из главных источников при создании того воззрения на царскую власть, что укрепилось здесь к концу XVII в. — *Прим. перев.*

¹¹³ Зызыкин М. В. Патриарх Никон, т. II, с. 3, 17; т. I, с. 10—15; ср.: Spinka M. Patriarch Nikon and the Subjection of the Russian Church to the State (Church History, vol. X, 1941), p. 355, 366; в приложении кратко изложены взгляды М. В. Зызыкина.

¹¹⁴ Billington J. H. Neglected Figures and Features in the Rise of the Raskol (Blane A. (ed.). The Religious World of Russian Culture (Russia and Orthodoxy, vol. II). Essays in Honor of Georges Florovsky. The Hague — Paris, 1975), p. 202—206.

Идеи просвещения

Кроме уже названных здесь мотивов, Каптерев указывает, что в идейный мир сторонников реформ были введены и просветительские мысли. Грекофилы порывали, говорит он, с насчитывающей века самодовлеющей, изоляционистской традицией русской церкви. Они признавали необходимость распространения просвещения и развития науки, которые должны были преобразовать не только церковь, но и общество.

Впрочем, свои упования «греки» так никогда и не осуществили, и Каптерев видит в этом одну из причин того, что русские отвергли греческую культуру в качестве вдохновляющего примера и обратились вместо этого к западноевропейской культуре в том ее виде, в каком она проникала в Россию через посредничество Киева. Эта борьба между восточным (греческим) и западным типами культуры окончательно завершилась только при Петре Великом¹¹⁵.

Но если бы в эпоху церковных реформ XVII столетия не было бы покончено с традиционной, старомосковской жизнью, то, вполне очевидно, что Петру было бы гораздо труднее, а может быть, и вовсе невозможно осуществить все свои преобразования¹¹⁶.

И в этом пункте, полагает между тем Каптерев, Никон был весьма далек от исходных, глубинных сил движения за реформирование церкви. Исследователь находит доказательства даже в отношении Никона к учреждению школ. Вся просветительская сторона движения не была поддержана патриархом, чем он решительно отличался от своего коллеги в Киеве, Петра Могилы, перед которым стояли те же задачи, но который провел свои более радикальные реформы таким образом, что Украина избежала раскола¹¹⁷.

¹¹⁵ Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914, с. 477—516; он же. Патриарх Никон..., т. 2, с. 538—540; ср.: Medlin W. K. Cultural Crisis in Orthodox Rus" in the Late 16th and Early 17th Centuries as a Problem of Socio-Cultural Change (Blane (ed.). The Religious World of Russian Culture), passim.

¹¹⁶ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон..., т. 2, с. 539—540.

¹¹⁷ Там же, т. 1, с. 219—226.

Отсутствие какой-либо направленной поддержки со стороны государства

Что касается вопроса о позиции государства по отношению к борьбе между обновителями и традиционалистами, то Никольский считает, что оно не проявляло чрезмерно явных склонностей ни за, ни против формальных изменений, на которых были основаны реформы Никона. Лишь когда начался мятеж против реформ, позиция эта прояснилась. Мятежники были приравнены к бунтовщикам против государства, после чего и не осталось сомнений в том, чью сторону должно занять правительство¹¹⁸.

В ЧЕМ СОСТОЯЛИ ПРИЧИНЫ РАСКОЛА?

В вопросе о причинах раскола исследователи также стоят перед выбором пути научного поиска — вести ли его в конфессиональной или в социально-политической сферах.

Сопrotивление централизации

Так, утверждается, что раскол являлся выражением нежелания староверов отказаться от той самостоятельности, которой до того пользовались общины на местах. Это был «земской» протест против централизации, против объединения светской и духовной администрации, против отказа принимать во внимание местные особенности¹¹⁹.

Социальный протест

Судя по всему, первым, кто обратил внимание на социальные элементы в раскольническом движении, кто выделил из множества причин раскола крайнее увеличение тяжести государственных налогов и усиление произвола дворян, был А. П. Шапов¹²⁰. В наше

¹¹⁸ Никольский Н. М. Реформа Никона..., с. 17—18.

¹¹⁹ Андреев В. В. Раскол и его значение в народной русской истории. СПб., 1870, с. V, 10—11; так же у Н. Я. Аристова, Я. В. Абрамова и А. П. Шапова, см.: Pascal P. Op. cit., p. XIV.

¹²⁰ Шапов А. П. Земство и раскол.— Собр. соч. т. I. СПб., 1906, с. 452, 456, 460; ср.: Cherniavsky M. Old Believers..., p. 2.

время это движение социального протеста рассматривается как выражение классовой борьбы, поскольку принято считать, что классовые интересы староверов были в высшей степени гетерогенны, что речь могла идти о протесте против самодержавия как со стороны эксплуататоров, так и эксплуатируемых масс ¹²¹.

Делались также выводы о принадлежности раскольников в основном к низшим социальным слоям населения ¹²². Но их форма классовой борьбы редко тем не менее рассматривалась в позитивном плане. Характерна такая оценка: раскол, уводивший массы в сторону от активной классовой борьбы, реакционен, он представлял собой искусственную изоляцию от жизни, уход в мистицизм, фанатизм, религиозную экзальтацию, а это подрывало силы народа в борьбе с угнетателями ¹²³.

Для одних историков упомянутый протест представляет собой истинную подоплеку возникновения раскола, для других — причину того огромного размаха, который приняло движение, в то время как третьи выстраивают некие комбинации из первых двух точек зрения ¹²⁴.

Сопrotивление попыткам эллинизации и украинизации

В качестве других причин возникновения раскола часто называют греческую и украинскую духовную ин-

¹²¹ История СССР с древнейших времен..., т. 3, с. 105; Церковь в истории России (IX в.— 1917 г.). Критические очерки./Отв. ред. Смирнов Н. А. М., 1967, с. 147; Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967, с. 17; см. кроме того: Анкундинова Л. Е. Социальный состав первых раскольников.— Вестник ЛГУ, № XIV. Серия истории, языка и литературы, вып. 3, 1956, с. 51—68; она же. Общественно-политические взгляды первых раскольников и народные массы.— Ученые записки ЛГУ, № 270. Серия исторических наук, вып. 32, 1959, с. 60—82.

¹²² См. историографический обзор в: Nolte H.-H. Sozialgeschichtliche Zusammenhänge der russischen Kirchenspaltung. Materialien zu einer vergleichenden Erklärung (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Bd. 23, 1975, Hf. 3), S. 321.

¹²³ Сахаров А. М. Очерки..., с. 151.

¹²⁴ Ср., напр.: Андреев В. В. Раскол и его значение..., и

фильтрацию, а также такие факторы, как жесткий, властный характер Никона, непримиримость его противников и нерешительность царя¹²⁵. В особенности подчеркивается неприятие русскими украинской церкви, с которой завязали сотрудничество реформисты¹³⁾.

Украина, так же как и Константинополь, приняла постановления Флорентийского собора, поэтому великороссы начиная с этого момента рассматривали украинцев как предавших православную веру. Таким образом, связи группы реформистов с украинцами выступали в качестве чрезвычайно раздражающего фактора¹²⁶.

Конфликты в рядах реформистов

Еще один метод поисков корня раскола — вернуться назад, к истокам времен появления первых трещин в группе «ревнителей благочестия» (между столичными и провинциальными кругами). В Москве «ревнители благочестия» были грекофилами, в то время как провинциалы оставались традиционалистами. Цель у тех и других была общей, а именно покончить со злоупотреблениями в церковной жизни, но этим мотивы реформ, во-первых, не исчерпывались, а, во-вторых, возникли разногласия в выборе средств борьбы за эти цели. Для провинциалов Москва по-прежнему оставалась «третьим Римом», который не нуждался ни в каком заимствованном извне учении и сам был экспонентом единственно истинного православия. Если и был кто-нибудь, кто нуждался в поучениях, то это, по их мнению, греки, обосновавшиеся в Москве¹²⁷.

Паскаль идет дальше, выделяя в склонявшихся к реформам кругах сторонников двух различных направлений в исповедании христианской веры. Первые стояли за внешний порядок в церкви и государстве, за отделение от священного всего профанирующего,

Сопубеаре F. C. Op. cit. с: История СССР с древнейших времен..., т. 3.

¹²⁵ Pascal P. Op. cit., p. XV—XVI.

¹²⁶ Spinka M. Op. cit., p. 354—355.

¹²⁷ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон..., т. 1, с. 26—30, 113, 434—445, 480 и далее.

за христианство, не презирающее «мир». Другие же, призывавшие к совершенствованию внутреннего мира человека, были склонны к аскезе и миссии. Сторонники внешних контактов шли, согласно Паскалю, в грекофильском направлении и становились никонианами, в то время как сторонники второго толка уходили в раскол¹²⁸.

В сложившейся обстановке Никон весьма скоро своей в высшей степени бестактной реформаторской инициативой приобрел себе врагов среди «ревнителей благочестия» провинции, а когда он с помощью различных средств убрал с пути бывших друзей, то великий раскол, по сути, уже начался¹²⁹.

Реакция на образование как социальный процесс

Наконец Х. Х. Нольте выдвинул идею о возможности рассматривать раскол в качестве реакции на просветительские акции как социальный процесс. Согласно его выводам, против реформ выступали прежде всего те социальные группы, чья позиция по отношению к широкому образованию была чрезвычайно сомнительной — к этим группам относились монахи, бояре, старомосковские купцы и казаки. Этого нельзя было сказать о группах населения, чье социальное положение было узаконено — имеются в виду офицерство, чиновничество, предпринимательские круги¹³⁰.

Исключительно идейная основа раскола

На другой половине спектра, как было сказано, располагаются гипотезы, согласно которым объяснение причин возникновения раскола следует искать в религиозной атмосфере эпохи и апокалиптических идейных течениях. Радикальный апологет этой точки зрения П. Смирнов (1898 г.) видит лишь религиозные истоки раскола¹³¹. В этом его поддерживает Паскаль, хотя последний и считает, что Смирнов преувеличи-

¹²⁸ Pascal P. Op. cit., p. 15—16.

¹²⁹ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон..., т. 1, с. 119—123.

¹³⁰ Nolte H. - H Op. cit., S. 339—340, 342.

¹³¹ Pascal P. Op. cit., p. XV—XVI; ср.: Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон..., т. 1, с. 432—518.

вает значение эсхатологического мотива в истории развития раскола¹³².

Советские исследователи также придают конфессиональным причинам раскола доминирующее значение, во всяком случае в начальных фазах движения. При этом они опираются прежде всего на материалы ожесточенных дебатов XVII в. относительно того, на основе каких рукописей должно править Святое писание — греческих или славянских, а также относительно спорных вопросов церковного ритуала¹³³.

Выражение обскурантизма

Согласно господствовавшей теории, переходившей в XIX в. из работы в работу профессоров Императорской богословской академии, раскол попросту отражал невежество и обскурантизм раскольников, их внимание исключительно к ритуальной стороне, а не к субстанции веры.

Эта точка зрения занимает видное место и в западных трудах обзорного характера¹³⁴. Однако не столь давно Биллингтон покончил с этой теорией в своей критике сложившихся стереотипных положений относительно ксенофобского сопротивления старообрядцев всем попыткам изменить церковные традиции. Он указывает, что все значительные идейные течения эпохи были равным образом представлены как среди староверов, так и среди реформистов¹³⁵.

¹³² Pascal P. Op. cit., p. XV—XVI.

¹³³ История СССР с древнейших времен..., т. 3, с. 105.

¹³⁴ Ср.: Cherniavsky M. Old Believers..., p. 1—3.

¹³⁵ Billington J. H. Neglected Figures..., p. 190.

ГОРОДСКИЕ ВОССТАНИЯ И КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ

Социальные бури, столь характерные для XVII и XVIII вв., с такими вехами, как восстания И. Болотникова, С. Разина, К. Булавина и Е. Пугачева, занимают в российской политической и социальной истории главенствующее положение.¹⁴⁾ События эти со всей присущей им сложностью и неоднозначностью имеют немало истолкований. Степные казаки боролись с московским правительством, бедные казаки — с богатыми казаками¹, мелкое дворянство — с аристократией, национальные меньшинства — с русскими колонизаторами, старообрядцы — с новой верой, крепостные крестьяне — с помещиками, наконец, периферия — с центром. Историки, принадлежавшие к сменявшимся поколениям, уделяли различное внимание всем этим элементам. Одновременно, естественно, менялись их оценки исторических явлений и выводы, к которым они приходили в своих исследованиях².

Вопросы, с которыми чаще всего сталкиваются историки, касаются мотивов восстаний, социального состава восставших и причин, побудивших их принять участие в борьбе, а также против кого или против чего конкретно поднимались восставшие.

В поисках ответов на эти вопросы исследователи

¹ Лазаревский А. М. Малороссийские Посполитые крестьяне (1648—1783 гг.). Историко-юридический очерк. Киев, 1908, с. II—III и др.; Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. Киев, 1957; Стецюк К. I. Народні рухи на Лівобережній і Слобідській Україні в 50-х — 70-х роках XVII ст. Київ, 1960.

² Avrich P. Russian Rebels 1600—1800. New York, 1972, p. 2—7; новейшая специальная библиография по теме имеется в: Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения./Под ред. Черепнина Л. В. и др. М., 1974, с. 400—444.

пытаются прежде всего составить более точную характеристику восстаний, прийти к единому мнению в их периодизации и определении их места в историческом процессе.

КАКИМ БЫЛ ХАРАКТЕР ВОССТАНИЙ

Для того чтобы понять причину столь заметно менявшихся оценок восстаний, необходимо добиться ясности во взаимоотношениях, связи между взглядом на государство и взглядом на восстания. Дихотомия между государством и народом выступает здесь со всей четкостью как одна из главных разделительных линий в русской историографии³.

Консервативные, реакционные, анархические движения

Те ученые, которые рассматривали государство как движущую, позитивную силу в русской истории, безусловно должны были оценивать восстания негативно. Если государство являлось для них носителем динамичного принципа и представляло собой единственное главное направление исторического развития России, то восстания относились к другому направлению, тому, что неизбежно стремилось сохранить старое, в том числе принципы, привлекавшие массу сторонников, господствовавших над умами в периоды междуцарствий и борьбы претендентов⁴.

В качестве варианта подобного подхода можно привести оценку восстаний как выражения средневекового корпоративного принципа, т. е. представлявших старую Россию, но одновременно — и как преступного деяния, направленного против закона и порядка. Исследователи, исходившие из подобной точки зрения, используют в своих характеристиках восстаний такие определения, как мятеж, бунт, анархия⁵.

³ Ср.: Рубинштейн Н. Л. Русская историография, с. 338—339 и в др. местах.

⁴ Попов А. Н. История возмущения Стеньки Разина. М., 1857, с. 21; Смирнов И. И. Восстание Болотникова, 1606—1607. М., 1951, с. 504—505.

⁵ Костомаров Н. И. Бунт Стеньки Разина.— В кн.: его же. Исторические монографии и исследования, т. II. СПб., 1872, с. 200, 204.

Подобные точки зрения не исключают, впрочем, возможности для того же историка выдвигать — может быть, лишь в немного более приглушенных тонах — тезисы, связанные с социальным аспектом восстаний, говорить о том, что волнения отражали недовольство народа и что именно такие настроения придавали восстаниям столь необычайную силу⁶.

Прогрессивные, всенародные движения

Корни подхода советских ученых к исследованию истории восстаний можно обнаружить в далеком прошлом, в русской традиции — еще во времена А. Н. Радищева, декабристов или революционных демократов. Общей здесь была следующая основная мысль: восстания имели глубокое народно-революционное содержание, были направлены против крепостного права и были прогрессивны⁷. Они являлись, согласно приведенной оценке, выражением классовой борьбы между эксплуататором-феодалом и эксплуатируемыми крестьянами.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ВОССТАНИЙ

XVII—XVIII столетия — принципиально новая фаза в истории восстаний

Вышеупомянутой точки зрения на крестьянские войны и классовую борьбу в XVII—XVIII вв. придерживается М. В. Нечкина, которая утверждает, что классовые бои, безусловно, имели место на протяжении всего периода феодальной формации, но лишь в «нисходящей» стадии феодализма. возрастает их «массивность» и «плотность», увеличивается их число, они сливаются друг с другом, достигая масштаба крупных движений. По ее мнению, все крестьянские войны и восстания в России, начиная с восстания

⁶ Там же, с. 205—227.

⁷ Степанов И. В. Крестьянская война в России в 1670—71, т. I. Л., 1966, с. 156; Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.—Л., 1936, с. 113—114; ср. обзор, помещенный без подписи автора: О крестьянской войне в русском государстве в начале XVII века (Обзор дискуссии).— Вопросы истории, 1961, № 5, с. 106.

И. Болотникова на заре XVII в., представляют собой примеры интенсивности классовой борьбы на «нисходящей» стадии феодализма, и она не видит никаких параллелей в смысле накала этой борьбы в «восходящей» стадии феодальной формации. Таким образом, крестьянские восстания знаменуют собой новую фазу в истории классовой борьбы в России⁸.

XVII—XVIII вв. — фаза, принципиально не новая

Другие историки характеризуют эту систему периодизации как метафизическую. Они отрицают при этом как возможность, так и целесообразность проведения границы между историей классовой борьбы в более ранние времена и крестьянскими войнами в период XVII—XVIII вв. В последних они не отмечают ничего принципиально нового и подчеркивают, что развитие базиса не может служить подтверждением факта влияния на классовую борьбу зарождавшихся классовых отношений⁹.

Наступление новой фазы — лишь в XVIII в.

Наконец, третьи исследователи утверждают, что водораздел, о котором идет речь, проходит не по XVII в., а где-то лишь в середине XVIII в.; таким образом, восстания Разина и Пугачева можно рассматривать как принципиально друг от друга не отличавшиеся¹⁰.

⁸ Нечкина М. В. К итогам дискуссии о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма.— Вопросы истории, 1963, № 12, с. 34. Эта статья отмечает завершение дискуссии, начавшейся на страницах «Вопросов истории» в № 7 за 1958 г. См. также: Переход от феодализма к капитализму в России, с. 157; Смирнов И. И. Крестьянские войны и их место в истории России.— В кн.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков, с. 30—31; Мавродин В. В. Советская историография крестьянских войн в России.— В кн.: Советская историография классовой борьбы..., ч. 1. Л., 1967, с. 67, 71.

⁹ Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964, с. 292—293; Переход от феодализма к капитализму в России, с. 33, 333—334.

¹⁰ Нечкина М. В. К итогам дискуссии..., с. 50; Переход от феодализма к капитализму в России, с. 408 и далее.

КТО УЧАСТВОВАЛ В ВОССТАНИЯХ?

Центральное место в литературе вопроса принадлежит, естественно, определению социальной принадлежности участников восстаний, задаче, которая особенно осложняется, когда во внимание принимаются и городские восстания. В то время как один ученый отмечает процесс все более увеличивающейся гомогенности в составе восставших¹¹, другой полагает, что параллельно с развитием капиталистического элемента в стране росла и степень гетерогенности восставших¹².

Казаки

Многие историки прошлых лет оценивали крупные восстания в России как прежде всего результат традиционно свободной формы жизни казаков и ее коллизии с развивавшейся и крепшей центральной властью, проводившей политику колонизации окраин государства. Еще в 1928 г. один советский историк увидел разницу между восстаниями Разина и Пугачева в том, что первому была присуща идеология казацкой свободы, а второму — мелкобуржуазная идеология¹³.

Но и в наше время многие советские историки уделяют большое внимание участию в восстании казаков. При этом утверждается, что в крестьянских войнах XVII—XVIII вв. казаки представляли собой основной элемент и что изменения в положении казаков, наступившие в XIX в., послужили сопутствующей причиной появления новых форм классовой борьбы. Согласно этой концепции, именно казаки являлись организаторами и главной силой крестьянских войн¹⁴.

¹¹ Мавродин В. В. Советская историография..., с. 77.

¹² Черепнин Л. В. Об изучении крестьянских войн в России XVII—XVIII вв. (к теории проблемы).— В кн.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв., с. 13.

¹³ Ладоха Г. Разинщина и Пугачевщина. М., 1928, с. 67 (см.: Волков Л. В. Проблемы истории крестьянских войн в России в советской исторической науке 1917—1934.— Труды МГИАИ, т. 22, 1965, с. 156). Из других историков подобной точки зрения придерживались С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров и М. Н. Покровский.

¹⁴ Ср.: Фирсов Н. Н. Крестьянская революция на Руси

Крестьяне

Развивая эту тему, Р. Мунье категорически утверждает, что крестьяне никогда не могли овладеть *инициативой* в восстаниях¹⁵. Но несмотря на то, что стало уже традицией приписывать казакам ту или иную роль в крестьянских восстаниях — инициаторов, главной ударной силы и т. д. — все-таки в качестве собственно движущей силы чаще всего выводились крестьяне, что четко отразилось и в терминологии литературы о крестьянских войнах. Наряду с этим ученые признают, что социальный состав участников восстаний (особенно ранних) был в высшей степени гетерогенным.

Дворяне и холопы

Многие авторы подчеркивают, что в восстании Болотникова, как и в других локальных движениях такого рода, происходивших в средние века, принимали участие как дворяне, так и холопы. Полного единства здесь не достигнуто лишь относительно выводов о роли, которую играло в различных городских восстаниях дворянство.

К. В. Базилиевич делал акцент на заметном значении провинциального дворянства в Московском восстании 1648 г., в то время как Е. В. Чистякова полагает, что говорить о вооруженном дворянском мятеже в июне 1648 г., когда восстание достигло своей кульминационной точки, нет никаких оснований¹⁶. Зато она считает, что в сибирском восстании 1648 г. инициативу взяли в свои руки так называемые боярские дети¹⁷.

Разинскому восстанию дается также совершенно отдельная характеристика. Делается вывод о том, что

в XVII в. М.—Л., 1927, с. 122—123; Переход от феодализма к капитализму в России, с. 92; Мавродин В. В. Советская историография..., с. 78.

¹⁵ Mousnier R. Op. cit., p. 323—329.

¹⁶ Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века (30—40-е годы), ссыл. по: Реферативный журнал. История, 1976, № 1, с. 123; Базилиевич К. В. Денежная реформа..., с. 115.

¹⁷ Чистякова Е. В. Указ. соч. по указ. реферату, с. 126.

в нем принимало участие множество беглых крестьян, мятежных казаков и бродяг¹⁸.

Городская беднота и среднее сословие

Наконец, нужно упомянуть представителей низшей и средней прослоек населения городов, которые представлены у ряда авторов в качестве центральных действующих лиц городских восстаний. Разногласия, касающиеся определения их роли в движениях, относятся не столько к их фактическому участию в мятежах, сколько к характеристике направленности их борьбы — был ли это городской мятеж внутреннего плана, т. е. борьба между богатыми и бедными горожанами, или же это было движение с более далекими целями и перспективами, антифеодалная борьба как таковая¹⁹.

СОСТАВ УЧАСТНИКОВ «ХОВАНЩИНЫ»

В дискуссии о восстании стрельцов 1682 г., о знаменитой «Хованщине», разногласия между исследователями даже наших дней принимают особенно острый полемический характер. На одном полюсе сложившегося комплекса гипотез слышны утверждения относительно того, что «Хованщина», как и восстание 1698 г., представляла собой не что иное, как борьбу нескольких сплетавших взаимные интриги дворцовых партий, стремившихся к власти, что это была борьба консервативных элементов против реформ Петра I, что ее участники были послушным орудием в руках боярства и духовенства²⁰.

¹⁸ Там же, с. 125—126; Мавродин В. В. Советская историография..., с. 76—77; Черепнин Л. В. Об изучении крестьянских войн..., с. 14; Фирсов Н. Н. Крестьянская революция..., с. 121—122; Смирнов И. И. Восстание Болотникова..., с. 495; О крестьянской войне..., с. 116.

¹⁹ Бахрушин С. В. Московское восстание 1648 г.— В кн.: Научные труды, т. II. Статьи по экономической, социальной и политической истории русского централизованного государства XV—XVII вв. М., 1954, с. 46, 90—91; Базилевич К. В. Денежная реформа..., с. 113—114; Буганов В. И. Московское восстание 1662 г. М., 1964, с. 3—4; Torke H.—J. Die staatsbedingte Gesellschaft..., S. 251.

²⁰ Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969, с. 6—9, 415.

Само же восстание характеризовалось как антинародное и направленное на завоевание лишь особых привилегий для группы стрельцов, которые стремились получить статус, сравнимый с тем, что имелся, например, у корпуса янычаров²¹. Дополнительно указывалось, что в восстаниях принимали участие староверческие круги²².

На другом полюсе оказались сторонники тезиса о том, что стрелецкое восстание было по своему характеру и целевым установкам народным, что оно пользовалось поддержкой городского населения. Согласно этой точке зрения восстания 1682 и 1698 гг. являлись органичной частью классовой борьбы XVII и XVIII столетий²³.

ЧТО ПОСЛУЖИЛО ПРИЧИНОЙ ВОССТАНИЙ, ИХ МОТИВЫ?

Если смотреть на восстания как на разбой или обычные уличные беспорядки («площадные случайности»), то поиск ответа на вопрос об их причинах вряд ли вызовет большие затруднения; возможно, вопрос этот будет воспринят как вообще к делу не относящийся. Но так беспроblemно этот вопрос воспринимался лишь некоторыми историками. Большинство же их сочло его достойным более глубокого исследования, и они предложили свои конкретно-исторические и нацеленные на дальнейшие исследования перспективные решения. В ходе этой научной работы постепенно обрисовались различные грани этого комплекса проблем; основной задачей стало выяснение природы социальных предпосылок, которые содействовали назреванию восстаний, по каким мотивам действовали восставшие, как они оценивали действитель-

²¹ Павленко Н. И. Об оценке стрелецкого восстания 1682 г. (по поводу монографии В. И. Буганова «Московские восстания конца XVII века. М., 1969).— История СССР, 1971, № 3, с. 94.

²² На участие в восстании староверов неоднократно обращалось внимание; см., напр.: O'Brien C. B. *Russia under two Tsars (1682—1689). The Regency of Sophia Alekseevna.* Berkeley and Los Angeles, 1952 (University of California Publications in History, vol. XLII), p. 21—37; Torke H.—J. *Die staatsbedingte Gesellschaft...*, S. 257.

²³ Буганов В. И. *Московские восстания конца XVII в.*, с. 417—421.

ность, являлись ли восстания лишь протестом *против* чего-то или также (а может быть, и прежде всего) борьбой *за* что-то?

Поскольку природа самого вопроса такова, что относительно различных особых обстоятельств, сопровождавших отдельные восстания, накопилась масса самых различных истолкований и объяснений, то проще всего перечислить здесь наиболее общие, ключевые из них.

Столкновение феодального и капиталистического укладов

Чрезвычайно распространенным является тезис, согласно которому в рассматриваемую эпоху имело место несоответствие между уровнем развития производительных сил и производственных отношений, что и служило причиной классовой борьбы. Феодализм находился в своей нисходящей стадии, когда напряжение между отстававшими феодальными социальными отношениями и идущими в авангарде капиталистическими производительными силами разразилось социальным взрывом.

Осознанная борьба за новые экономические структуры

Рассмотренная в подобной перспективе классовая борьба выступает таким образом не только в качестве народного протеста против угнетения. Она является также выражением усиливающихся требований новых экономических структур. Крестьянское сельское хозяйство стремится раздвинуть феодальные рамки, стремится к освобождению, но одновременно растет в своих наиболее одиозных формах угнетения, ибо феодалы-помещики, чувствуя угрозу своему положению, прибегают к самым крайним средствам, чтобы спасти феодальное государство²⁴.

²⁴ Нечкина М. В. К итогам дискуссии..., с. 34; Переход от феодализма к капитализму..., с. 99; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972, с. 367; Смирнов И. И. и др. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.—Л., 1966, с. 176—177.

Неуклонный прогресс феодальной формации: конфликты и противодействие

Те историки, которые оценивают капиталистический «прогресс» не столь оптимистично, стремятся рассматривать классовую борьбу как выражение протеста против непрерывно развивавшейся феодальной формации, конкретно против роста феодальной эксплуатации; вне зависимости от того, являлось ли угнетателем государство или помещик²⁵. Общим для обоих положений, безусловно, является тезис относительно того, что основной целью классовой борьбы была ликвидация класса феодальных эксплуататоров и создание класса свободных крестьян.²⁶

В целом же можно прийти к выводу, что первое из приведенных истолкований значительнее всего представлено в современной советской историографии. Термин «крестьянская война» используется ныне почти повсеместно, его значение раскрывается как борьба общегосударственного масштаба против крепостной системы как таковой, а не как борьба за отдельные уступки²⁷.

Протест против конкретных злоупотреблений, а не против системы в целом

С этим решительно не согласен Х.-Й. Торке. Несмотря на то что он рассматривает, безусловно, лишь городские восстания, он приходит к выводу, что все они были направлены прежде всего против администрации, ее злоупотреблений и «предательства». И если восстания были направлены также и против «богатых», то это явление остается не более чем «побочным продуктом» движений. Процесс классовой борьбы не был, таким образом, направлен против

²⁵ Сахаров А. М. Очерки..., с. 243 и далее; Смирнов И. И. Восстание Болотникова..., с. 494.

²⁶ Смирнов И. И. Крестьянские войны и их место в истории России, с. 33.

²⁷ Мавродин В. В. По поводу характера и исторического значения крестьянских войн в России.— В кн.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв., с. 36—37; О крестьянской войне..., с. 103—104. Ср.: Mousnier R. Op. cit., p. 345—346.

существующей системы или против автократии в целом²⁸.

Рациональные мотивы

Своего рода альтернативой одному из приведенных положений (т. е. тому, где упоминается о борьбе за что-то) выглядит тезис о характерных для восстаний рациональных мотивах, рассчитанных на перспективное развитие (прежде всего речь идет о перестройке владельческих отношений), а также о том, что организационный уровень этих движений не был столь высок, чтобы их можно было именовать «крестьянскими войнами».

Спонтанность и утопичность¹⁵⁾

Для сторонников второго подхода к теме, напротив, характерно подчеркивать те спонтанные и анархические черты волнений, которые в конечном счете обрекли борьбу на поражение; кроме того, эти ученые обращают особое внимание на утопические элементы в мотивационных комплексах участников восстаний. На практике же указанные исследователи часто пытались показать, каким образом «объективное содержание» движений, т. е. борьба за землю, находилось, так сказать, в одной упряжке с распространенными среди бунтовщиков представлениями о «добром царе»²⁹.

К. В. Чистов, который разобрался в этом вопросе более детально, пытался показать, каким образом различные формы классовой борьбы отразились в соответствующих народных, фольклорных утопиях. Так, например, восстаниям должны были, по мнению исследователя, соответствовать легенды о «добром царе», который «освобождает» крепостных крестьян, а бегство крестьян от помещиков явилось основой различных преданий или повествований о «дальних странах»³⁰.

²⁸ Тогке Н.-J. Die staatsbedingte Gesellschaft..., S. 267—268.

²⁹ Смирнов И. И. Восстание Болотникова..., с. 497—512; ср.: О крестьянской войне..., с. 113—114.

³⁰ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв., с. 327 и далее; см. также: Cherniavsk-

Реакция на косность социальной структуры

Р. Мунье, исследователь, сравнивший крестьянские восстания во Франции, России и Китае, излагает идею третьего из основных подходов к рассматриваемой теме. Крестьянские восстания, считает он, были скорее реакцией на политику государства с его централизацией, регламентацией, унификацией (т. е. ликвидацией традиционных прав), чем протестом против возросших налогов и отработок. Государство закрепило каждого члена общества на его месте в жесткой социальной системе, не оставлявшей места для достаточно свободной социальной мобильности.

Таким образом, Мунье полагает, судя по его работам, что борьба была направлена скорее против структуры данной социальной системы, чем против ее функций³¹. Другими словами, причиной восстаний была в гораздо большей степени социальная иммобильность, чем классовый антагонизм в собственном смысле этого понятия.

Результат государственного вмешательства в традиционный уклад

Итак, в том объеме, в котором классовый антагонизм послужил причиной волнений, он был спровоцирован политическими акциями государства³². И если Мунье может при этом утверждать, что главной причиной распространения революционного духа среди крестьянской части населения было крепостное право, то данный вывод должен, вероятно, означать, что ученый видит в крепостном праве результат деятельности государства, стоявшего над классовыми интересами — но не результат столкновений классовых противоречий и классовых интересов общества³³.

ky M. Tsar and People. Studies in Russian Myths. New Haven — London, 1961.

³¹ Mousnier R. Op. cit., p. 333, 348, 350; ср.: Avrigh P. Op. cit., p. 116, 118.

³² Mousnier R. Op. cit., p. 334, 348; Avrigh P. Op. cit., p. 256—257; кроме того, ср. материалы полемики Поршнева с Мунье в: Поршнева Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в., с. 364—377.

³³ Mousnier R. Op. cit., p. 347.

Разногласия между историками, для которых социальное напряжение является результатом государственной политики, и теми из них, кто воспринимает народные волнения в качестве клапана для выхода избыточной динамики, присущей обществу, оказываются особенно явными, когда темой исследований становится история Украины.

Одни ученые утверждают, что для украинского общества была характерна основополагающая «демократическая» структура — в противоположность «аристократизму» поляков и «централизму» русских. Крепостное право было здесь чем-то совершенно чуждым, а социальные коллизии являлись феноменом, который российское централизованное государство принудительно экспортировало на Украину³⁴.

Промежуточную позицию занимает К. И. Стецюк, отстаивающий точку зрения, согласно которой феодализм, хоть и в несколько ослабленном виде, продолжал существовать на Украине и после «освободительной войны». Таким образом, можно сделать вывод, что этот историк в известной мере принимает тезис о «демократической» структуре украинского общества по сравнению с великорусским³⁵.

Конфликт, но без вмешательства государства

В группе историков, придерживающихся полярно противоположных взглядов по отношению к вышеизложенным, самым заметным является А. М. Лазаревский. В длинном списке его работ были исследованы взаимоотношения между старшиной и прослойками рядовых крестьян и казаков. В конечном счете Лазаревский отверг идею о демократической и бесклассовой природе украинского общества. Его основным выводом стало заключение о том, что феодализация и социальные напряжения являлись органичным элементом внутренней жизни гетманской Украины, что

³⁴ Антонович В. Віклади про козацькі часи на Україні, вид. II. Чернівці, 1912, с. 3—4. Как и многие другие ученые, Н. И. Костомаров и М. С. Хрущевский также стояли на точке зрения о крепостном праве как импортированном из России.

³⁵ Стецюк К. І. Народні рухи на Лівобережній і Слобідській Україні..., с. 68—69.

они не имели, таким образом, ничего общего с государственной властью России ³⁶.

Реакция на военные тяготы

В качестве одной из причин восстаний выдвигались также бесконечные войны, в которых участвовала Россия. Войны эти налагали на крестьян все возрастающие тяготы налогов и рекрутчины, становились причиной миграции крупных масс населения и служили, таким образом, как причиной подрыва социальных корней народа, так и основой для созревания взрывчатой ситуации. Отмечается и то, что все большие восстания шли в кильватере военных действий ³⁷.

Некоторые исследователи выдвигают против этого тезиса контрдовод, утверждая, что войны вовсе не являлись необходимым условием для возникновения восстаний, хотя, конечно, вполне возможно, что военные действия содействовали созданию условий, при которых скрытые классовые конфликты могли привести к катастрофе ³⁸.

³⁶ Лазаревский А. М. Малороссийские Посполитые крестьяне (1648—1783), с. II—III, 2; мнения Лазаревского по этому вопросу целиком придерживался В. А. Мякотин.

³⁷ Avrićh P. Op. cit., p. 1, 46.

³⁸ Ср., напр.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова..., с. 494; он же. Крестьянские войны в России..., с. 102—103.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Большая часть историко-экономического исследования России XVII в. может быть, вероятно, охарактеризована как сконцентрированная вокруг тем роста и развития в целом; что же касается идеологических установок различных ученых, принимавших участие в этом исследовании, то они, естественно, широко варьировались.

Для советской науки основной идеологический мотив при исследовании этих тем и сюжетов заключался в стремлении разместить экономические процессы в рамках системы исторического материализма. В поставленных советскими историками вопросах речь идет о том, когда было положено начало генезису капитализма и как этот процесс проявлялся внутри границ феодального общества¹⁶⁾. Советское историко-экономическое исследование периода может быть в целом, если смотреть на него под тем или иным углом зрения, помещено в рамках вышеупомянутой постановки проблемы. Что же касается тех интенсивных дискуссий, которые велись вокруг проблемы генезиса капитализма, то они в конечном счете явились мощным толчком к исследовательской деятельности в различных, более частных разделах экономической истории.

Из числа более или менее сквозных, переходящих от поколения к поколению научных вопросов, которые могут рассматриваться как ответвления от основного ствола дебатов относительно генезиса капитализма, выделим здесь лишь один — проблему выявления причин сравнительно медленной модернизации российской экономики.

Исследование истории экономики России велось многими зарубежными авторами с весьма узкой целью. Вначале они посвящали свои труды роли, которую в

российской экономике сыграли иностранцы (в особенности в мануфактурной промышленности), а также внешнеторговым связям России. Вообще вполне закономерно утверждение, что эта часть исследователей высоко оценивала аспект инноваций, в то время как все «старое», т. е. изучение истории сельского хозяйства в целом и различных феодальных феноменов, было оттеснено на задний план, хотя и ни в коем случае не забыто¹.

КРИТЕРИИ ПЕРИОДИЗАЦИИ

Несмотря на ту огромную роль, которую сыграла в исследовании экономической истории разработка проблемы генезиса капитализма, дело далеко не обстоит таким образом, что экономическая история стала монопольным «поставщиком» критериев периодизации. Важнейшие критерии в этой области созданы вне данной дисциплины — они взяты из истории классовой борьбы и развития государственной структуры.

Что же касается общего объема исследований, то вне всякого сомнения и экономическая история, и исследование классовой борьбы явно обгоняют изучение государственной структуры. Таким образом, если способ производства и не является единственным источником критериев, то он, с другой стороны, все же, бесспорно, играет в исторической науке центральную роль.

Способ производства в качестве научной проблемы не представляет собой какого-то единства; это — длинный ряд взаимосвязанных вопросов, которые, естественно, входят в тщательно установленной и описанной последовательности в теорию исторического материализма. В соответствии с нашими задачами было бы, вероятно, полезным представить здесь некоторые из этих вопросов, но не в строго теоретической иерархии, а в конкретно-исторической последовательности, основанной на степени их важности.

ПРОЦЕСС СКЛАДЫВАНИЯ РЫНКА В КАЧЕСТВЕ НАУЧНОГО КРИТЕРИЯ

Для такого рода конкретных исследовательских характеристик дискуссионная тема «Образование всерос-

¹ Переход от феодализма к капитализму в России, с. 334, 393.

сийского рынка» представляет собой основной теоретический комплекс, отразивший или вобравший в себя все исследования по экономической истории с их многочисленными подтемами и богатыми россыпями еще более мелких сюжетов.

С первого взгляда неизбежно складывается мнение о том, что в рамках этой главной темы должны были разрабатываться лишь вопросы, связанные со сферой обращения. Некоторое время дело так и обстояло, но постепенно все больше сторонников завоевывала та точка зрения, что гораздо более важным аспектом темы рынка является история развития производственной сферы. Таким образом, вряд ли будет ошибочным утверждение, что в послереволюционный период темы, относящиеся к проблематике сферы обращения, занимали исследователей в первую очередь, причем на протяжении довольно значительного времени. И лишь в результате борьбы, направленной против теории «торгового капитализма» времен М. Н. Покровского, на первое место в качестве предмета исследования выходит сфера производства.

Таким образом, вполне можно сказать, что в рамках темы рынка изучались не только торговля, товарооборот и территориальное разделение труда, но также и все темы, которые относятся к собственно производственной сфере — прежде всего из области развития производительных сил в различных секторах экономики, а также вопрос о первоначальном накоплении капитала.

В качестве примера, иллюстрирующего тесное сочетание этих двух сфер в научных исследованиях, можно привести тезис К. В. Базилевича относительно того, что денежная и отработочная ренты являются двумя составными частями личного крепостного права, но, с другой стороны, развитие этих форм ренты было обусловлено образованием внутреннего рынка².

² Базилевич К. В. Опыт периодизации истории СССР феодального периода, с. 67, 81—82; ср.: Петрикеев Д. И. Крупное крепостное хозяйство XVII в. (По материалам вотчины боярина Б. И. Морозова). Л., 1967, с. 88.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ КРИТЕРИЯ РЫНКА

Начало складывания всероссийского рынка относили чаще всего к началу XVII в. Так по крайней мере обстояло дело до того, как развернулась и усложнилась проблематику дискуссия о генезисе капитализма. В последовавший период можно с одинаковой степенью неожиданности встретить «ростки» образования всероссийского рынка, отнесенные и к XVI и к XVIII столетиям³. Это вызвано прежде всего отсутствием согласия между специалистами относительно вопроса о том, что понимать под термином «всероссийский рынок», а ведь это — ядро проблемы. К тому же не было достигнуто согласия и касательно дилеммы, развивались ли процессы образования всероссийского рынка и становления буржуазных отношений синхронно или нет.

Затем к этим двум теоретическим проблемам добавился ряд проблем чисто практических, не обладавших столь обширным диапазоном, что ввело в проблемные системы конкретные результаты исследований и позволило оценить их значение для продолжавшейся дискуссии.

В связи с разногласиями, наблюдавшимися в полемике относительно хронологических «стартовых точек» для различных фаз капиталистического развития, нужно постоянно иметь в виду, что в этих дискуссиях проявилась тенденция к общению на разных языках, поскольку одни ученые оперировали двумя фазами развития капитализма, другие — тремя; при этом и те и другие далеко не всегда делали попытки внести ясность в создавшееся положение.

Применение упомянутого трехфазного членения можно обнаружить уже в работах В. К. Яцунского, Н. Л. Рубинштейна и Н. М. Дружинина⁴; смысл его заключается в следующем: на первой исторической фазе пробивается первый побег капиталистического способа производства; на второй — капитализм при-

³ Тихонов Ю. А. Проблема формирования всероссийского рынка в современной советской историографии.— В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. [Сб. статей.]/Отв. ред. Черепнин Л. В. М., 1970, с. 200; Бочкарев В. Н. Экономический быт России в XVII веке.— В кн.: Три века, с. 200.

⁴ Переход от феодализма к капитализму в России, с. 109—110.

обретает присущие ему формы, возникает так называемый уклад в лоне феодальной формации; на третьей же фазе происходит сам переход, качественный скачок из феодальной в капиталистическую формацию⁵.

Чтобы установить, когда именно появился на свет всероссийский рынок, необходимо иметь какие-то критерии, позволяющие определить, как в целом такая величина должна была выглядеть. Другими словами, нужно было решить вопрос о ее «сути». Некоторые ученые в поисках такого критерия уделяли основное внимание сфере обращения, в то время как другие авторы настаивали на том, чтобы в основу определения всероссийского рынка была положена такая характеристика, как состояние сферы производства, поскольку именно она является плотью от плоти нового уклада.

В качестве подтверждения научной обоснованности критерия сферы обращения можно сослаться на то, что рынок был отражением как общественного разделения труда, так и производимой товарной продукции — и таким образом при изучении истории феодального и капиталистического обществ он выступал в качестве существеннейшего объективного критерия; это необходимо окончательно себе уяснить.

В защиту же критерия, связанного со сферой производства, можно сказать, что различные купеческие инициативы вполне подлежат рассмотрению лишь как внешний показатель роста рынка, т. е. процесса, чьи корни уходили в развитие разделения труда и товарного производства⁶.

Несмотря на то что ныне исследователи могут дать определения всероссийского рынка, изучая его в известных аспектах, все же сохранил свою актуальность важнейший вопрос темы, а именно: имел ли действительно место рынок, который допустимо характеризовать как капиталистический, или же для образования единого национального рынка капиталистические эле-

⁵ Тихонов Ю. А. Проблема формирования..., с. 222—223.

⁶ Баканов П. О принципе периодизации и начальном периоде истории СССР капиталистической эпохи. Вопросы истории, 1950, № 2, с. 78—79; Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Итоги изучения начального этапа складывания всероссийского рынка (XVII в.).— Вопросы истории, 1961, № 4, с. 81.

менты были вовсе не необходимы. Другими словами, обязательно ли было наличие элементов капиталистического производства накануне становления такого рынка единого типа или же их роль могло сыграть развитое некапиталистическое производство товара?

Некоторые авторы выдвигали в этой связи теорию асинхронности, согласно которой единый рынок мог образоваться лишь на основе развитого товаропроизводства, причем производства, не имевшего капиталистических элементов. Тем самым эти ученые вообще отменяли какое-либо значение критериев сферы обращения для определения фаз генезиса капитализма. Занимая такую позицию, упомянутые исследователи могли утверждать, что общерусский рынок сложился уже в XVI в.

Впрочем, они не настаивали на тождестве указанного процесса с генезисом капитализма. Сторонники теории синхронности, напротив, по-прежнему ставят знак равенства между генезисом капитализма и генезисом всероссийского рынка⁷.

В ЧЕМ ПРИЧИНА МЕДЛЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ?

В число основных проблем истории экономического развития государства входит, как было указано ранее, вопрос о слабых темпах обновления российской экономики.

Результат существования крепостной системы

Доминирующей здесь является точка зрения, согласно которой крепостничество было чревато множеством отрицательных последствий, которые не могли не сказаться на прогрессе. Утверждается также, что крепостное право было в России сильнее, чем в Западной Европе, отчего оно могло с гораздо большим успехом противостоять развитию новых, капиталистических явлений. Именно поэтому первоначальное накопление капитала шло здесь настолько медленно, что это становилось тормозом для экономического развития страны⁸.

⁷ Тихонов Ю. А. Проблема формирования..., с. 210—214.

⁸ Переход от феодализма к капитализму..., с. 38—39; а также ряд историков — такие, как М. У. Туган-Барановский и А. Гершен-

Низкая социальная мобильность

Указывается также, что политическая обстановка при крепостничестве подталкивала купеческое сословие к роковому альянсу с государственной властью и служилым дворянством, заинтересованность которых в сохранении и поддержке крепостного права выступала в прямом противоречии с принципами социальной мобильности; последняя же, безусловно, является, как утверждает ряд авторов, необходимой предпосылкой для складывания собственно буржуазии⁹.

Отсутствие наемной рабочей силы

Личная зависимость, определявшая отношение крестьян к основному средству производства, означала также, что они не имели возможности выделять из своей среды наемную рабочую силу в нужном количестве.

Отсутствие рынка

Вместе с тем упомянутая система, зависящая от натуральной экономики, была причиной медленного развития денежной экономики, а также, следовательно, и рынка товаров потребления.

При этом доминировавшая заинтересованность правящего класса в сохранении крепостной зависимости крестьян вообще стала источником целого ряда последствий в более узких областях российской действительности, где препоны на пути обновления оставались неизменными или где оно не стимулировалось в достаточной степени.

Отсутствие прочих условий развития

В ряде исследований речь идет среди прочего и об отсутствии в России банковских и кредитных институ-

крон; ср.: Crisp O. Studies in the Russian Economy before 1914. London, 1976, p. 71.

⁹ Kaufmann-Rochard J. Origines d'une bourgeoisie russe (XVIe et XVIIe siècles). Marchands de Moscovie. Paris, 1969, p. 189, 260 ff.

тов, о запутанной и негибкой таможенной системе, об общем отсутствии эффективного государственного вмешательства в процесс капиталистического развития на ряде его этапов¹⁰.

Зыбкость развивающегося общества в целом

С. Барон указывает, что исследователи, возможно, принимают причину за следствие, когда утверждают, что неразвитость финансовых и кредитных институтов представляла собой главное препятствие для развития торговых отношений. Он считает эти недостатки атрибутом общества, в котором те отношения и институты, что могли бы содействовать развитию частного предпринимательства, еще не были созданы.

К тому же этот ученый считает, что у любого купца имелась лишь зыбая надежда на то, что договоры и контракты будут выполнены его партнерами. Подобный момент неуверенности содействовал и сохранению постоянного размера ренты на уровне 20% годовых, в то время как в Амстердаме имелась возможность денежного займа из расчета 3—4% в год.

Барон подсчитал, что в 1648, 1655, 1662 и 1667 гг. экономические интересы крупного купца В. Шорина были серьезно задеты в результате распада установленного социального порядка, что стало, как считает ученый, основной причиной постигшего Шорина в конечном счете банкротства. Значительная часть состояния, созданного любым торговым домом в течение многих лет, могла быть внезапно утрачена в результате нападения банды разбойников в Сибири или на Волге. Поддержание порядка в такой обширной и социально неоднородной стране, какой была Россия, являлось делом трудным.

Для создания крупного предпринимательского дела необходимым условием была поддержка правительства, но, даже пользуясь подобной поддержкой, Шорин разорился. В конечном счете это также относится исследователем к последствиям социального напряжения и классовых столкновений, вызванных

¹⁰ Fuhrmann J. T. The Origins of Capitalism in Russia. Industry and Progress in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Chicago, 1972, p. 254—255, 258.

особенностями общественной структуры государства. И наконец, одной из основных причин автор считает крепостное право ¹¹.

Результат колонизации ¹⁷⁾

Кроме приведенных точек зрения на причины замедленного темпа обновления и развития экономики России, имеется еще одна, касающаяся последствий колонизации периферийных областей. Справедливость данной точки зрения доказывается тем, что колонизация обуславливала разрядку социальной напряженности в центральной части России и тормозила таким образом экономическое развитие в целом ¹².

Последствия низкой плотности населения

Влияние фактора плотности населения на экономическую динамику обосновывается на сравнении России со странами, где капитализм победил ранее всего. Указывается, что капитализм при прочих равных условиях добился наиболее ранних и значительных успехов именно в тех странах, что были невелики по размеру, плотно заселены и не имели более или менее заметных возможностей для внутренней или внешней колонизации; при этом в качестве примера обычно приводятся Англия и Нидерланды ¹³.

Ученые подчеркивают также, что развитие городов в условиях России шло согласно совсем иным причинно-следственным закономерностям, чем это имело место в большинстве других европейских стран ¹⁴.

¹¹ Baron S. H. Vasilii Shorin: *Seventeenth-Century Russian Merchant Extraordinary* (Canadian-American Slavic Studies, 6, 1972), p. 545—547; ср.: Переход от феодализма к капитализму..., с. 29—30; Костомаров Н. И. *Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII ст.* СПб., 1862; Leitsch W. *Die Stadtbevölkerung in Moskauer Staat in der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts* (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 18, 1973), S. 233—246.

¹² Переход от феодализма к капитализму..., с. 40—41, 362.

¹³ Указ. соч., с. 362—363.

¹⁴ Leitsch W. *Die Stadtbevölkerung...*, S. 221—222.

ЧЕМ ВООБЩЕ ОБЪЯСНЯЕТСЯ ДОСТИГНУТАЯ СТЕПЕНЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ?

Некоторые, весьма немногие исследователи, выразили известный скепсис по отношению ко всем утверждениям, согласно которым замедленное обновление экономической жизни России объясняется наличием крепостного права. Они утверждают, весьма недвусмысленно, что крепостное право было в целом несовместимо с капиталистическим развитием и должно было по этой причине исчезнуть до того, как капитализм достиг своего полного расцвета. Но, с другой стороны, подчеркивается, что приведенное положение никак не объясняет того факта, что чисто практически установленная степень развития капитализма была достигнута *одновременно* с укреплением крепостничества и его приспособлением к мануфактурному производству.

Потребности государства

Историки, обратившие внимание на упомянутый феномен, утверждают, что на самом деле сложилось такое положение, при котором капиталистическое производство стало предпосылкой для экономического развития и модернизации. Крупное фабричное производство, вызванное к жизни потребностями государства, а не рынка, стало возможным вообще именно на базе крепостного права или иных форм принудительного труда ¹⁵.

Зарубежное влияние

Наконец, имеется солидная исследовательская тенденция придавать в качестве фактора модернизации экономики известное значение зарубежному влиянию и самим экономическим процессам, протекавшим за границей. Так, зарубежному опыту и капиталу чаще всего приписывается значительная роль в развитии русской мануфактуры; точно так же подчеркивается значение потребности, которую испытывал

¹⁵ Crisp O. The Economic History of pre-Reform Russia (The Slavonic and East European Review, 51, 125, 1973), p. 585, 592.

зарубежный рынок в русских товарах, и вызванного ею влияния на экономическую структуру России¹⁶.

АСПЕКТЫ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ТОВАРООБМЕНА

Если мы обратимся к одной из двух основных областей, на которые можно разделить исследования по истории русской экономики¹⁷, а именно к изучению товарообмена, то мы окажемся перед необходимостью избрать в качестве главных тем историю внутренней и внешней торговли. Общим для обеих исследовательских областей является интерес, который проявили историки к организации и формам торговли, ее практическому расширению, объему и предметам.

Если же взглянуть пристальнее в содержание вопросов, которые находились в центре внимания исследователей, то мы обнаружим феномен, явившийся и предпосылкой, и результатом развития торговли,— а именно рост городов и рыночной сети,— которой это внимание уделялось прежде всего. Затем следуют такие темы, как торговое законодательство и таможенная политика, развитие купеческого сословия, история отдельных торговых домов, а также история торговой политики и развитие торгово-политического мышления.

Что же касается внешней торговли, то здесь возникает ряд особых вопросов, таких, как активная и пассивная роль России в торговле, рассмотренная на материале о торговле русских купцов за рубежом и о деятельности иностранных торговцев в России, а так-

¹⁶ Переход от феодализма к капитализму..., с. 42.

¹⁷ См., например, следующие обзоры истории российской торговли: Костомаров Н. И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII ст.; Кулишер И. М. История русской торговли (до XIX в. включительно). Пгд, 1923; Kulischer I. M. Russische Wirtschaftsgeschichte, Bd. I. Jena, 1925; Attman A. The Russian and Polish Markets in International Trade 1500—1650. Göteborg, 1973 (Meddelanden från Ekonomisk-historiska institutionen vid Göteborgs universitet, bd. 26); idem. Ryssland och Europa. En handelshistorisk översikt. Göteborg, 1973 (Meddelanden från Ekonomisk-historiska institutionen vid Göteborgs universitet, bd. 27); Ohberg A. Russia and the World Market Trade in the 17th Century (Scandinavian Economic History Review, vol. 3, 1955, ch. 2).

же на основе исследований проблемы взаимосвязи внешней торговли с внешней политикой.

РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ

Повсеместный рост городов или его отставание от развития государства в целом?

«В городе как в зеркале отражался процесс экономического и политического роста России»¹⁸. Этим положением советский историк подчеркнул связь истории города с остальными общественными процессами, излагая при этом в сжатом виде научную программу, предназначавшуюся для тех историков городов, которые считают своей основной задачей выявление общей тенденции к росту русского города в XVII в. Одновременно это и критика выводов других исследователей, считавших, что русский город в указанный период отставал в развитии и не имел органической связи с общим экономическим и политическим ростом России¹⁹.

Типологические отличия от Запада

Тезис о типологическом отличии русских городов от западноевропейских частично совпадает с положениями городской типологии Макса Вебера, в которых этот ученый проводил границу между восточным и западным типами городов. Ряд исследователей указывают, что русский город и его население никогда не стремились к завоеванию для себя особого статуса, как это имело место в Западной Европе, они не располагали теми специальными привилегиями, которыми пользовались западноевропейские города.

Авторы приведенных положений доказывают далее,

¹⁸ Клокман Ю. Р. Историография русских городов второй половины XVII—XVIII в.— В кн.: Города феодальной России. Сборник статей памяти Н. В. Устюгова./Отв. ред. Шунков В. И. М., 1966, с. 55.

¹⁹ Панкратова А. М. Формирование пролетариата в России (XVII—XVIII вв.), с. 103; Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. 1. М.—Л., 1947, с. 76—77; Милюков П. Н. Очерки..., ч. 1, с. 241; Gitterman V. Geschichte Russlands. Erster Band. Zürich, 1944, S. 269—272.

что в России отсутствовала густая сеть средних и мелких по величине городов, как это имело место в Западной Европе; не было развито сельское хозяйство, ведение которого было бы основано на применении интенсивных агрикультурных методов, что для западноевропейских городов являлось предпосылкой их роста. Таким образом, жители городов так и не превратились в серьезного противника для правящих кругов в процессе осуществления последними их административных функций²⁰.

Вышеизложенная научная программа была осуществлена в ряде серьезных специальных исследований (предметом которых стало демографическое и экономическое развитие городов), нередко проводившихся исключительно с целью обрисовки картины классовой борьбы городского населения²¹.

БЫЛО ЛИ ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМЫМ?

Что касается крупных, обобщающих трудов по рассматриваемой теме, то количество их далеко уступает числу уже рассмотренных здесь работ. Из них необходимо выделить прежде всего основополагающие исследования истории русского города первой полови-

²⁰ Murvar V. Max Weber's Urban Typology and Russia (The Sociological Quarterly. Journal of the Midwest Sociological Society, vol. 8, 1967, ch. 4), p. 481—482 et passim; ср.: Kaufmann-Rochard J. Op. cit., p. 247—261. См. также: Baron S. H. The Town in „Feudal“ Russia (Slavic Review, vol. 28, 1969, ch. 1), p. 116—122; idem. The Weber Thesis and the Failure of Capitalist Development in „Early Modern“ Russia (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Bd. 18, 1970, Hf. 3, S. 321—326).

²¹ Тверская Д. И. Москва второй половины XVII века — центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959 (Труды Государственного Исторического музея); Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в); Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.—Л., 1951; История Москвы. /Ред. Бахрушин С. В. и др., т. II. М., 1953; Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967; Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII веке, т. I. М., 1909, с. 114—128; Митяев К. Г. Обороты и торговые связи Смоленского рынка в 70-х годах XVII в.— Исторические записки, т. 13, 1942.

ны XVII в., принадлежащие П. П. Смирнову, а также книги Я. Е. Водарского, в которых преобладает демографический аспект.

Свобода жителей города от феодальных пут

Основной задачей, которую поставил перед собой П. П. Смирнов, было показать историю проведения в жизнь посадской реформы 1649—1652 гг., т. е. осуществление государством конфискации не облагаемой налогом частновладельческой или церковной земли посада, части его территории, называвшейся слободой. Во вводной части своего проекта, осуществление которого увенчалось крупномасштабным трудом о населении городов и его классовой борьбе в период, заканчивающийся серединой XVII в.²², Смирнов дал основанное на кадастрах описание владельческих отношений и демографических сдвигов в русских городах. Здесь же им был показан процесс перехода русского города от «частной» к «государственной» собственности²³.

Основная научная линия, которой придерживается Смирнов в своих работах, сводится к мысли о том, что проведение посадской реформы вело к освобождению городского населения от феодальных пут; согласно его выводам, в результате этой реформы появилось свободное городское население, работавшее на рынок²⁴.

Феодальная зависимость горожан от государства

Позднее точка зрения П. П. Смирнова была подвергнута рядом историков резкой критике. Так, нап-

²² Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. I—II; Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века; он же. Города и городское население России в XVII веке. — В кн.: Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. /Отв. ред. Бескровный Л. Г. М., 1974 (mimeографическая печать).

²³ Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII века, т. I, вып. 1—2. Киев, 1917—1919: О исследовании истории городов в целом см.: Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Итоги изучения..., с. 81—85; Города феодальной России...

²⁴ Смирнов П. П. Посадские люди..., т. II, с. 721.

пример, А. Г. Маньков говорит, что посадская реформа, конечно, создала известные предпосылки для развития буржуазных отношений, но при этом она же их и тормозила, так как о складывании какого-то свободного городского населения и речи не могло быть, и что, напротив, посадское население если и не попало в результате реформы из огня да в полымя, то все же сменило частную феодальную зависимость на государственную, предусматривавшую тяжелые обязательства по отношению к феодальному государству²⁵.

Тем не менее, с другой стороны, Маньков полагает возможным признать выгоды не только для государства, но и для населения посадов от того, что в ходе посадской реформы владения церкви и бояр в городах были экспропрированы²⁶. Другие же историки указывают, кроме того, что проведению реформы в жизнь активно содействовало дворянство, ибо она означала для дворянства продолжение все той же политической линии, которая была направлена на урезывание привилегий боярства и церкви²⁷.

КАКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМЕЛО РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ ДЛЯ РЫНКА?

С изучением истории роста и развития городов, естественно, тесно связан вопрос о том, какие последствия это развитие имело для рынка, об установлении связей между городами, а также об экономической рационализации и разделении труда в масштабе государства — в том виде, как это отражалось на рыночных отношениях.

Начало капиталистического районирования

Подавляющее большинство ученых приходит в своих исследованиях к выводу, что развитие рыночных связей представляло собой источник капиталистического развития. Напротив, лишь немногие, как,

²⁵ Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.— Л., 1962, с. 257.

²⁶ Там же, с. 259.

²⁷ Задера А. Г., Пронштейн А. П. (рец. на): Маньков А. Г. Развитие крепостного права...— Вопросы истории, 1963, № 9, с. 116—118.

например, Н. Л. Рубинштейн, твердо придерживаются мнения, что экономическое районирование в стране было крайне ограниченным, носило преходящий характер и не отвечало требованиям, которые принципиально должны были возникать по отношению к действительному, а не мнимому экономическому районированию капиталистического типа ²⁸.

Классическая работа А. Ц. Мерзона и Ю. А. Тихонова о рынке Устюга Великого может служить примером того рода исследований отдельно взятого рынка, о которых здесь упоминалось: в своем труде авторы четко придерживаются методики, предусматривающей включение в исследование рынка проблем не только сферы обращения, но и сферы производства ²⁹.

²⁸ Н. Л. Рубинштейн цит. по: Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Итоги изучения..., с. 84. Ср.: Rosenfeldt N. E. Op. cit., S, 135.

²⁹ Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.); в качестве примера можно привести, далее: Булгаков М. Б. Всероссийские рыночные связи города Белоозера в XVII столетии.—История СССР, 1974, № 3; Макаров И. С. Волостные торжки в Сольвычегодском уезде в первой половине XVII в.—Исторические записки, т. 1, 1937; он же. Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII в.—Исторические записки, т. 14, 1945; Митяев К. Г. Обороты и торговые связи...; Привалова Н. И. Торги г. Касимова в середине XVII в.—Исторические записки, т. 21, 1947; Чистякова Е. В. Псковский торг в середине XVII в.—Исторические записки, т. 34, 1950; Сербина К. Н. Очерки...; Бакулин В. С. Торговые обороты и социальный состав торговцев на Белевском рынке в 60—70-х годах XVII века.—МГИАИ, Труды, 1965, т. 21; Карпачев А. М. Города северо-западной окраины Русского государства как торгово-промышленные центры и участие в торговле и промыслах различных разрядов их населения в первой половине XVII в. (Историко-статистический очерк).—Институт истории АН БССР, Труды, 1958, вып. 3; Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957, с. 297—310, 314—315; Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII веке. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск, 1965, с. 208—248, 253—254; Вилков О. Н. Ремесло и торговля...; он же. Торговые пути и динамика торгово-промышленного движения в Сибири XVII в.—В кн.: Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). /Отв. ред. Шунков В. И. Новосибирск, 1968. (Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма, вып. 3); Александр-

КАКИМ БЫЛО ПОЛОЖЕНИЕ КУПЕЧЕСКОГО СОСЛОВИЯ?

Другой стороной истории развития сети распределения товара является возникновение отдельных торговых домов и исторические судьбы купеческого сословия в целом. Сформулированный несколько по-иному, это в конечном счете вопрос и судьбы русской буржуазии, рассмотренной в целом на протяжении данного периода, вопрос, который четко поставлен в известном утверждении Б. Нольде (B. Noldes) о том, что Россия в XIX в. представляла собой в целом не что иное, как гигантскую деревню³⁰.

Сегодня приведенная проблема столь жестко не формулируется, и расхождение во мнениях, которое весьма заметно среди историков российской буржуазии, относится в наиболее существенной своей части, прежде всего к уровню и мощи развития буржуазии, к экономической и социальной основам ее образования, а также к отношениям между буржуазией и феодальным правительством, а именно, в какой степени политика правительства тормозила развитие буржуазии и в какой степени продвигала его вперед. И не благодаря ли правительству столь немногочисленные купеческие династии продержались на протяжении более или менее длительного времени³¹.

Зависимость купцов от феодальной системы

Заметное место в определениях русской буржуазии занимает всемерно подчеркиваемая экономическая

ров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964 (Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. 87), с. 268—294; Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XX в. М., 1976; Тверская Д. И. Москва второй половины XVII века...; Белов М. И. Мангазея. Л., 1968 (Мангазея — город в Западной Сибири, имевший большое торговое значение в первой половине XVII в.).

³⁰ См.: Kaufmann-Rochard J. Op. cit., p. 9.

³¹ Волков М. Я. Формирование городской буржуазии в России XVII—XVIII вв.— В кн.: Города феодальной России..., с. 178; см. также заключение в кн.: Вагон С. Н. Vasilii Shorin...; Leitsch W. Die Stadtbevölkerung..., S. 233—246; Бахрушин С. В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в.— Научные труды, т. II, с. 254—255.

связь ее с феодально-крепостническим строем и ее зависимость от последнего. Сложившееся положение тормозило выполнение буржуазией ее роли авангарда капиталистического прогресса; именно из-за этой ситуации русская буржуазия не могла играть и роли фактора, позволявшего поддерживать баланс в процессе становления российского абсолютизма³².

Обобщающих трудов по истории купеческого сословия насчитывается совсем немного³³, но написан ряд трудов по истории отдельных купеческих династий. Самым известным из них является книга А. А. Введенского о знаменитой династии Строгановых, а также труд Н. А. Баклановой о Калмыковых³⁴.

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ РЫНКИ

Особняком стоят работы, посвященные истории развития рынков, специализированных на продаже

³² Волков М. Я. Формирование городской буржуазии..., с. 179, 204; ср. работу, где указывается, что упомянутый альянс оказался для купцов роковым: Kaufmann-Rochard J. Op. cit.

³³ Волков М. Я. Формирование городской буржуазии...; Kaufmann-Rochard J. Op. cit..

³⁴ Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI—XVII вв. М., 1962; Бакланова Н. А. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в. М., 1959; кроме того, можно упомянуть следующие работы: Александров В. А. Сибирские торговые люди Ушаковы в XVII в.— В кн.: Русское государство в XVII веке; Преображенский А. А. Предприниматели Тимашевы в XVII в.— В кн.: Русское государство в XVII в.; Бахрушин С. В. Торги гостя Никитина в Сибири и Китае.— Научные труды, т. III, ч. I. М., 1955; Бахрушин С. В. Торги новгородцев Кошкиных.— Научные труды, т. II. М., 1954; Вулих Е. З. Из мира торговых отношений в Москве XVII в.— В кн.: Россия и Запад. Вып. 1./Ред. Заозерский А. И. Пгд., 1923; Бакланова Н. А. Судовые работники в торгово-промышленном предприятии Калмыковых.— В кн.: К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.). [Сб. статей.]/Ред. колл. Бескровный Л. Г. и др. М., 1958; Бахрушин С. В. Промышленные предприятия... (изыскания о Н. Светешникове); Заозерская Е. И. Вологодский гость Ф. М. Фетнев (Из быта торговых людей XVII в.).— Записки историко-бытового отдела Государственного русского музея, I, 1928; Базилевич К. В. Крупное торговое предприятие (Босовых) в Московском государстве в первой половине XVII века.— Известия АН СССР. Отделение общественных наук, серия 7, 1932, № 4; Вагон S. H. Vasilii Shorin...

отдельных товаров. Наиболее популярным объектом этих исследований является торговля хлебом, поскольку в ходе научного анализа здесь делаются некоторые выводы о дифференциации города и деревни. В условиях, когда значительная часть населения была занята в собственно городской экономике, поставки хлеба в город должны были по необходимости расти. Исследования хлебного рынка могут освещать и проблемы освоения новых земель, поскольку колонизация предполагает на своих начальных фазах завоз зерна из центральной части государства³⁵.

РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

Для историографии внешней торговли, также как и для внутренней, характерно положение, когда силы исследователей обращены прежде всего на освещение истории торговых путей, предмета торговли и ее объема. Но до настоящего времени едва ли можно назвать хоть одну попытку осветить роль торговли в истории российской экономики вообще. Напротив, что касается торгового баланса, как в России, так и во всем балтийском ареале, то эти проблемы вызывали в свое время жаркие дебаты.

Необходимо также упомянуть о том, что Х. А. Пийримяэ, исследовав таможенные книги Нарвы и придя к выводу о стабильном росте балтийской торговли, собрал новые данные, освещающие возникновение предпосылок к Великой Северной войне и касающиеся вопроса о том, насколько удачной была попытка перевести российскую торговлю из Архангельска в гавани Балтийского моря³⁶.

³⁵ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII века. М.—Л., 1946, в особенности см. с. 137—172; эти же выводы напечатаны в: он же. Вопросы аграрной истории. М., 1974, с. 25—192; он же. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956; Goehrke C. Die Wüstungen in der Moskauer Rus'. Studien zur Siedlungs-Bevölkerungs- und Sozialgeschichte. Wiesbaden, 1968 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa, Bd. 1), S. 206; Gibson J. R. Feeding the Russian Fur Trade. Provisionment of the Okhotsk Seaboard and the Kamtchatka Peninsula 1639—1856. Madison—London, 1969, p. 47 et passim.

³⁶ См.: Loit A. Sverige och östersjöhandeln under 1600-talet.

Вышеназванные научные темы практически освещаются в первую очередь исследованиями билатеральных торговых связей — например, торговли между Россией, с одной стороны, и Англией, Францией, Нидерландами, Данией, Швецией, Польшей, Китаем, Индией, Персией — с другой³⁷.

Oversikt över nyare litteratur (Historisk Tidskrift, andra följden, tjugosjunde årgången), 1964, S. 319—325.

³⁷ Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII в. Тбилиси, 1959, ч. 1, с. 95—198 и далее; ч. 2, с. 411—452 и далее; Lubimenko I. I. Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand. Paris, 1933 (Bibliothèque de l'École des hautes Études, fasc. 261); Александров В. А. Русско-китайская торговля и нерчинский торг в конце XVII в.— В кн.: К вопросу о первоначальном накоплении...; он же. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969; Любименко И. И. Торговые отношения России с Англией и Голландией с 1553 по 1649 г.— Известия АН СССР, серия 7, № 10. Отд. общественных наук, 1933; Трапезников В. Торговые сношения англичан с Россией через Северный край в XVI—XVII вв.— Северный край, 1922, № 1; Кордт В. А. Русское зерно на голландском хлебном рынке в 30-х годах XVII в.— Техника, экономика и право, 1925, № 1; Курц Б. Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков, 1929; Куканова Н. Г. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII — первой половине XIX века (по материалам русских архивов). Саранск, 1977; Важинский В. М. Торговые связи южных городов России в третьей четверти XVII в.— В кн.: Города феодальной России...; Копысский З. Ю. Из истории торговых связей городов Белоруссии с городами Польши (конец XVI — первая половина XVII в.— Исторические записки, т. 72, 1962; Курсков Ю. В. Русско-шведские отношения в 40-е годы XVII в.— Скандинавский сборник, 1958, т. III; Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.—Л., 1964; он же. Устройство шведских гостиных дворов в городах России после Столбовского мира 1617 г.— Скандинавский сборник, 1965, т. X; он же. Установление прямых торговых отношений России со Швецией после Столбовского мира 1617 г.— В кн.: Средние века, вып. 29. М., 1966; он же. Восстановление русской торговли со шведскими владениями в первые годы после Столбовского мира.— Скандинавский сборник, 1966, т. XI; он же. Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX—XVII вв.— В кн.: Исторические связи Скандинавии и России IX—XVII вв. [Сб. статей.] /Ред. колл. Носов Н. Е. и Шаскольский И. П. Л., 1970 (АН СССР. Ленинградское отделение Института истории СССР. Труды, вып. 11); Hilton R. W. K. The Eastland Trade and the Common Weal in the

Отчасти указанные темы разрабатываются в трудах по истории ввоза и вывоза через один или несколько

Seventeenth Century. Cambridge, 1959; П и р и м я э Х. А. Торговые отношения России со Швецией и другими европейскими странами по материалам нарвского ввоза 1661—1700.— Скандинавский сборник, 1963, т. VII; М а л и н о в с к и й А. Ф. Известие об отправлении в Индию российских посланников, гонцов, купчин с товарами и о приездах в Россию индейцев, с 1469 по 1751 год.— Труды и Летописи Общества истории и древностей российских (далее ОИДР), 1837, ч. VII; Я н ж у л И. Исторический очерк русской торговли с Средней Азией. М., 1869; К у р ц Б. Г. Донесения Родеса и Архангельско-Балтийский вопрос в половине XVII в.— ЖМНП, 1912, № 3; В о з г р и н В. Е. Источники по русско-скандинавским отношениям XVI—XVIII веков.— В кн.: Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР. Л., 1982; С л а д к о в с к и й М. И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957; Р у х м а н о в а Э. Д. Русско-шведская торговля на Балтике в середине XVII в.— Скандинавский сборник, 1957, т. II; Б а х р у ш и н С. В. Торги новгородцев Кошкиных...; С е р б и н а К. Н. Очерки..., разделы о торговле со Швецией, с. 257—295 и 429—430; П о р ш н е в Б. Ф. Русские субсидии Швеции во время Тридцатилетней войны.— Известия АН СССР, серия «История и философия», 1945, т. 5; он же. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976, см. в особ. с. 202—229; расчеты Б. Ф. Поршнева по объему хлебной торговли подвергались критике шведского ученого Ларса Экхольма, см.: L o i t A. Op. cit., S. 308; S o o m A. Die Politik Schwedens bezüglich des russischen Transithandels über die estnischen Städte in den Jahren 1636—1656. Tartu, 1940 (Commentationes litterarum societatis esthonicae, vol. 32); N y s t r ö m P. Mercatura Ruthenica (Scandia, X, 1937); Z e r n a c k K. Studien zu den schwedisch-russischen Beziehungen in der 2. Hälfte des 17. Jh., Teil I: Die diplomatischen Beziehungen zwischen Schweden und Moskau von 1675 bis 1689. Giessen, 1958 (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens, Bd. 7) (Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen, R. 1); K i r c h n e r W. Commercial Relations between Russia and Europe 1400—1800: Collected Essays. Bloomington, 1966 (Indiana University Publications. Russian and East European Series, vol. 35); B a r b o u r V. Capitalism in Amsterdam in the Seventeenth Century. Ann Arbor, 1963 (здесь, среди прочего, исследуются голландские инициативы в России); K e l l e n b e n z H. Der russische Transithandel mit dem Orient im 17. und zu Beginn des 18. Jh. (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Bd. 12, N. F., 1964); i d e m. Marchands en Russie aux XVIIe—XVIIIe siècles (Cahiers du monde russe et soviétique, vol. 11, 1970); Б е л о в М. И. Россия и Голландия в последней четверти XVII в.— В кн.: Международные связи России в XVII—

определенных портов³⁸ и, наконец, в исследованиях специализированной торговли одним или несколькими

XVIII вв. (Экономика, политика и культура). [Сб. статей.] /Отв. ред. Бескровный Л. Г. М., 1966; Шаскольский И. П. Об основных особенностях русско-шведской торговли XVII в.— В кн.: Международные связи...; Шаповский А. Я. Торговля Московской Руси с Персией в XVI—XVII вв. Киев, 1915 (Сборник студенческого историко-этнографического кружка при Имп. Университете Св. Владимира, т. VII); Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока. Изд. 2-е. М., 1956; Яковлева П. Т. Русско-китайская торговля через Нерчинск накануне и после заключения Нерчинского договора (1689 г.).— В кн.: Международные связи...; Cahen G. Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand (1689—1730). Paris, 1912; Курц Б. Г. Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой половине XVII ст.; Шаскольский И. П. Вопросы торговли в русско-шведских дипломатических отношениях на рубеже 20-х и 30-х гг. XVII в.— Скандинавский сборник, 1974, т. XIX; Арзыматов А. А. К вопросу о русско-шведских отношениях в 1618—1648 гг. (По материалам ЦГАДА).— Скандинавский сборник, 1956, т. I; Kellenbenz H. Dänische Pässe für fremde Russlandfahrer. (Społeczństwo. Gospodarka. Kultura. Studia ofiarowane Marianowi Małowistowi w czterdziestolecie pracy naukowej. Warszawa, 1974).

³⁸ Attman A. The Russian and Polish Markets...; idem. Ryssland och Europa...; Christensen A. E. Sundzollregister und Ostseehandel (Conventus primus historicorum Balticorum Rigae 1937. Riga, 1938); Пийримяэ Х. А. Состав, объем и распределение русского вывоза в 1661—1700 гг. через шведские владения в Прибалтике на примере торговли г. Нарвы.— Скандинавский сборник, 1962, т. V; он же. Торговые отношения России со Швецией и другими европейскими странами по материалам нарвского ввоза 1661—1700; он же. Тенденция развития и объем торговли прибалтийских городов в период шведского господства в XVII в.— Скандинавский сборник, 1964, т. VIII; он же. О состоянии нарвской торговли в начале XVII в.— Скандинавский сборник, 1966, т. XI; он же. Некоторые вопросы транзитной торговли России со странами Западной Европы через Таллин в XVII в.— В кн.: Экономические связи Прибалтики с Россией. /Отв. ред. Бирон А. К. Рига, 1968; Павулан В. В. Хозяйственное и политическое значение даугавского торгового пути в XIII—XVII вв.— В кн.: Экономические связи...; Дорошенко В. В. Протоколы рижского торгового суда как источник для изучения экономических связей Риги с русскими, белорусскими и литовскими землями в XVII в.— В кн.: Экономические связи...; Soom A. Der ostbaltische Holzhandel und die Holzindustrie im 17. Jh. (Hansische Geschichtsblätter, Bd. 79, 1961); idem. Die Politik Schwedens...; Doroszenko V. V. Export Rigi na zachod w okresie przynależności do Rzeczypospolitej (1562—1620) (Zapiski

видами товара, как, например, зерном и кожей ³⁹:

КАКИМ БЫЛ ТОРГОВЫЙ БАЛАНС?

Дискуссия о проблеме торгового баланса ведется на основе материалов узконаправленных исследований вышеуказанного типа, а также изучения данных о взимании зундской пошлины.

Активный баланс

Можно утверждать, что в целом исследователям удалось добиться единства мнений относительно того, что Россия, как и вся область Балтийского моря, имели значительное превышение в торговом балансе — приблизительно в 30—40%. Причину сложившегося положения ученые видят в том, что Восточная Европа обладала источниками той части сырьевых материалов, которая пользовалась высоким международным

historyczne, XXXI, 1966); Dunsdorfs E. Aussenhandel Rigas im 17. Jh. (Conventus primus historicorum Balticorum Rigae 1937. Riga, 1938); Jensch G. Der Handel Rigas im 17. Jahrhundert (Mitteilungen aus der livländischen Geschichte, Bd. 24. Riga, 1930, № 2); idem. Rivalry between Riga and Tartu for the Trade with Pskov in the XVI and XVII Centuries (Baltic and Scandinavian Countries, vol. IV. Gdynia. 1938); Soom A. Der Handel Revels im siebzehntem Jahrhundert. Wiesbaden, 1969 (Marburger Ostforschungen, Bd. 29); Dalgard S. Det Pelsoriske Kompagni af 1619. København, 1955; Hart S. De Handelsbetrekkingen van Amsterdam met Archangel en Lapland (Kola) in de 17e eeuw (Nederlandsch Archievenblad, bd. 73, 1969).

³⁹ Pavulane V. Rigas tirdznieciba ar meža materialiem XVII—XVIII gs. («Рижская лесная торговля в XVII—XVIII вв.» Имеется подзаголовок: «Об экономико-исторических отношениях Риги с русскими, белорусскими, украинскими и литовскими областями»). Riga, 1975; Fischer R. H. The Russian Fur Trade (1550—1700). Berkeley, 1943 (University of California Publications in History, vol. XXXI); Naudé W. Die Getreidehandelspolitik der europäischen Staaten vom 13. bis zum 18. Jh. Berlin, 1896 (Acta Borussica, Getreidehandelspolitik, Bd. 1); Soom A. Der baltische Getreidehandel im 17. Jahrhundert. Lund, 1961. (Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiska handlingar. Historiska serien, bd. 8); idem. Der ostbaltische Holzhandel...; Zalewski S., Guldou Z. Eksport zbożowy Rosji w XVI—XVIII w. (Zapiski historyczne, 42, 1976, 1).

спросом, в то время как она была, с другой стороны, скудным рынком сбыта для западноевропейской готовой продукции.

Наконец, высказывалось мнение, что имела место тенденция, отразившая и углубившая экономический дуализм в Европе: с одной стороны, аграрный и поставлявший на рынок сырье Восток, с другой — индустриальный Запад⁴⁰. Оценка торгового баланса при этом выводится на основе источников и применения методов сравнительно широкого диапазона; в общих чертах она соответствует положению с транзитным балансом Зундского пролива. И здесь также сделан вывод о том, что превышение вывоза из Балтийского моря в первой половине XVII в. равнялось приблизительно 40%⁴¹.

Соответствовал ли транзитный баланс торговому?

Однако Э. Хекшер поставил вопрос о том, правомерно ли упомянутое превышение в транзитном балансе считать выражением превышения соответственно в балансе торговом. Ведь вполне допустимо, что направленный на Восток товаропоток мог находить себе русло и помимо Зундского пролива. И что, таким образом, в конечном счете имело место все же равновесие в торговле⁴².

Тем не менее А. Е. Кристенсен (после выводов которого Хекшер и расставил свои вопросительные знаки), а позже А. Аттман, поднявший брошенную, таким образом, Хекшером перчатку, утверждают, что имело место превышение торгового баланса, причем равное проценту, указанному Кристенсеном, и что оно возмещалось с помощью массы благородного металла, поступавшего в Россию⁴³.

⁴⁰ Attman A. *The Russian and Polish Markets...*, p. 119—160; Loit A. *Sverige och östersjöhandeln...*, s. 304; Mączak A. *Między Gdańskiem a Sundem. Studia nad handlem bałtyckim od połowy XVI do połowy XVII w.* Warszawa, 1972; Jeannin P. *Le commerce à Narva au début du XVIIe siècle et le problème de la balance commerciale russe (Spółeczeństwo...)*, s. 132, 140 et passim.

⁴¹ Christensen A. E. *Sundzollregister...*, S. 391—400; idem. *Dutch Trade to the Baltic about 1600*, fig. XIII. København, 1941.

⁴² Heckscher E. F. *Op. cit.*, S. 174—175.

⁴³ Attman A. *The Russian and Polish Markets...*, p. 160 et passim.

АСПЕКТЫ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕРЫ

Между тем все более увеличивалось число сторонников точки зрения, согласно которой проблемы, связанные с генезисом капитализма и историей становления всероссийского рынка, должно рассматривать, исходя прежде всего из развития производственной сферы и лишь во вторую очередь — опираясь на отношения, сложившиеся в сфере обращения товара. В результате внимание исследователей обратилось к другим предметам изучения, в особенности же — к отношениям внутри производственной сферы, которые могли содействовать как ослаблению, так и усилению ее капиталистического характера. Это означало, что авторы, изучавшие производственную сферу, проявляли пристальный интерес к проблемам отчуждения средств производства от производителя, т. е. к тому, как образовался рынок свободной рабочей силы, а также к процессу первоначального накопления капитала, т. е. концентрации денежных состояний и их роли в рекрутировании рабочей силы; другими словами, речь идет о преобразовании торгового капитала в промышленный⁴⁴.

Однако если отмечено, что подобные первостепенные проблемы занимали большую часть исследователей, то при этом необходимо все же учитывать, что в основной своей части фундаментальные исследования были проведены в рамках традиционных категорий. Другими словами, речь идет об исследованиях истории сельского хозяйства, мануфактуры, ремесла и так называемых мелкого кустарного производства и домашних промыслов.

АСПЕКТЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ

Что касается аграрной истории XVII в., то первоначально она разрабатывалась как история сельского населения, т. е. история крестьян и помещиков. Есте-

⁴⁴ См.: Курмачева М. Д. Вопрос о первоначальном накоплении в России в советской историографической литературе.— В кн.: К вопросу о первоначальном накоплении в России, с. 10 и др. Здесь же приведены указания на литературу, в которой отражена разработка упомянутых проблем советской исторической наукой.

ственно, при этом исследовались также крестьянские и помещичьи хозяйства, но тем не менее под социально-экономическим углом зрения, в то время как производственно-экономические и агротехнические аспекты истории если и выступали, то оставались на заднем плане.

В сельской России XVII в. произошел ряд существенных изменений, которые, с одной стороны, были хорошо отражены в литературе, но с другой — мы не сможем назвать ни одной заметной исследовательской дискуссии, предметом которой они стали. В этой связи можно вспомнить о таких процессах, как стирание грани между наследственными и жалованными имениями (явление, характерное для XVII в.), о нивелировании различий среди крестьян как класса, которое также постепенно развивалось (в результате подобного нивелирования все категории сельского населения в конечном счете были привлечены к уплате налогов).

Было, однако, и несколько важных дискуссионных тем, о которых стоит здесь вкратце упомянуть. Одна из них — феодальная рента, другая — проблема брошенных дворов. В литературе о развитии феодальной ренты и о ее различных формах отразились как в вогнутом зеркале многие из проблем аграрной истории. Здесь рассматриваются не только история крестьянских и помещичьих хозяйств и их взаимоотношений, но также вопросы рынка и его влияния на производственные формы и процессы социальной дифференциации¹⁸⁾.

Проблематика брошенных дворов (часто ее называют проблематикой беглых крестьян.— *Прим. пер.*) в точно такой же степени является комплексной темой, в которой сплелись многие линии истории развития российского сельского хозяйства.

В КАКОМ НАПРАВЛЕНИИ ШЛО РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ РЕНТЫ?

Постоянный рост

Утверждение относительно того, что эксплуатация и угнетение крестьян шагали в XVII в. вперед семимильными шагами (причем это не сопровождалось

каким-либо существенным увеличением производственного продукта или развитием технических методов ведения сельского хозяйства)⁴⁵ повторялось столь часто, что постепенно стало почти трюизмом.

Подобный взгляд на динамику эксплуатации крестьян во взаимодействии с рядом иных моментов стал одной из составляющих при обосновании гипотезы о мощи феодализма в указанный период, о его прогрессирующем и «восходящем» характере⁴⁶.

Скромный размер ренты

Приведенная точка зрения резко противоречит положениям дореволюционной русской историографии, согласно которым в роли эксплуататора крестьянского населения выступало прежде всего государство, в то время как рента, которой крестьяне были обязаны частным землевладельцам, рассматривалась как менее значительная, а иногда характеризовалась и как выражение добровольно заключенных договорных отношений между крестьянами и помещиками⁴⁷.

Другие же историки, выступая против упомянутого утверждения о резко возросшей эксплуатации крестьян, признают, естественно, что эксплуатация постоянно росла, но ставят в связи с этим несколько вопросов, а именно: как могло случиться, спрашивают они, что крестьянское хозяйство, невзирая на тяжесть феодального ярма, смогло удержаться, в общем-то, на стабильном уровне и обеспечивать в рамках феодального общества медленное, но неуклонное развитие производительных сил этого общества? Где был

⁴⁵ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. I. Докапиталистические формации. М., 1956, с. 273, 287; Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII — начале XVIII в. М., 1974, с. 209. Ср. полемику, направленную против точек зрения такого типа у: Сахаров А. Н. Русская деревня XVII в. по материалам патриаршего хозяйства. М., 1966, с. 4—20; Нечкина М. В. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации.— Вопросы истории, 1958, № 7, с. 106; а также статью М. В. Нечкиной в: Переход от феодализма к капитализму..., с. 118—119.

⁴⁶ Переход от феодализма к капитализму..., с. 13, 19, 125.

⁴⁷ Беляев И. Д. Крестьяне на Руси. М., 1903, см.: Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне..., с. 13—14.

источник жизнеспособности сельского хозяйства, находившегося в подобных условиях? ⁴⁸

Относительная стабильность ренты

К литературе по этому вопросу вплотную примыкают исследования положения крестьянского населения в центральной части России. В одной из работ о монастырских крестьянах делается вывод о том, что феодальные выплаты и подати характеризовались известной стабильностью, по крайней мере до 1670—1680-х гг. Начиная с указанного периода можно проследить даже уменьшение объема барщины. Напротив, возрастают денежные выплаты, но в данном случае они поступали в пользу прежде всего феодального государства, а отнюдь не корпоративных землевладельцев, т. е. монастырей.

Данный вывод формулируется таким образом, что государственная эксплуатация «обогнала» эксплуатацию собственническую. Но при рассмотрении денежной ренты, взимавшейся землевладельцами, необходимо, во-первых, учитывать трудности, которые могут встретиться при установлении изменений курса рубля, во-вторых же — то, что отработочная рента заменялась в известном размере денежной рентой, а это, естественно, становилось в свою очередь причиной роста последней. То же самое можно сказать и о случаях, когда денежная рента целиком заменяла барщину.

Окончательное заключение этого автора состоит в том, что с конца 1670-х гг. феодальная рента утратила свой фиксированный характер и что вполне допустимо говорить о завершении некоего периода консолидации и смене его полосой ужесточившихся поборов с крестьян ⁴⁹.

⁴⁸ Сахаров А. Н. Русская деревня..., с. 3 и далее.

⁴⁹ Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. О сущности и формах феодально-крепостнических отношений. М., 1977, с. 337—346. Результаты исследований Горской в целом соответствуют выводам, содержащимся у: Скляр И. М. Крестьянское движение в Среднем Поволжье накануне восстания под предводительством С. Т. Разина. Ч. I. Фрунзе, 1969, см.: Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне..., с. 33.

Помещицы крестьяне, как это показал Ю. А. Тихонов, не испытали, судя по всему, значительных перемен в размере барщины и подати, пересчитанных на крестьянскую душу; напротив, подобный сдвиг имел место в подворном исчислении. Упомянутый рост повинностей объяснялся главным образом тем, что в результате введения новых форм обложения в 1679 г. (подворное обложение) крестьяне начали съезжаться по несколько семей в один дом⁵⁰.

М. В. Нечкина присоединяется к критике трудов, в которых встречаются некоторые, по ее мнению, незрелые, необдуманые утверждения о том, что эксплуатация крестьян постоянно росла — и в XVI, и в XVII, и в XVIII, и в первой половине XIX вв. Она задает вопрос, чем эксплуатация одного периода отличалась от эксплуатации в последующий и где, собственно, проходила граница ее роста?⁵¹

Наконец, есть ученые, которые упрекают аграрных историков в том, что они односторонни, поскольку непрерывно говорят лишь о развале крестьянских хозяйств и об эксплуатации крестьян, нигде ни единым словом не упоминая о вполне возможном улучшении условий их жизни⁵². Полемика эта обращена своим острием против тех, кто, не проведя предварительного анализа проблемы, повсюду видит рост эксплуатации крестьян — как в отсутствии развития, так и в развитии товарно-денежных отношений, в преобладании как барщины, так и денежной ренты⁵³.

ЧТО ОГРАНИЧИВАЛО РОСТ ФЕОДАЛЬНОЙ РЕНТЫ?

Ответ на вопрос, заданный Нечкиной, следует, по мнению Сахарова, искать, утвердившись на позициях, принципиально отличающихся от тех, с которых крестьяне представляются лишь историческим объек-

⁵⁰ Тихонов Ю. А. Помещицы крестьяне..., с. 300.

⁵¹ Нечкина М. В. О «восходящей»..., с. 105—106; ср.: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. /Гл. ред. Дружинин Н. М. М., 1962, с. 157.

⁵² Яцунский В. К. Еще к вопросу о возникновении капиталистического расслоения земледельческого крестьянства в дореформенной России.— История СССР, 1963, № 1, с. 137—138.

⁵³ Сахаров А. Н. Русская деревня..., с. 7.

том, беззащитными жертвами крепостнической эксплуатации и юридических норм.

Влияние крестьянской инициативы

А. Н. Сахаров полагает, что крестьян необходимо рассматривать как субъект истории, нужно уяснить себе, что они имели свои собственные социальные и экономические интересы, а также то, что они постоянно проявляли инициативу и оказывали влияние на ход развития России в целом. Основное, на чем настаивает ученый — это на необходимости ввести некую поправку в точку зрения, согласно которой крестьяне являлись *только* огромной массой крепостных, представлявшей собой лишь предмет постоянно возрастающей эксплуатации⁵⁴. Как и Нечкина, Сахаров стремится показать необходимость дифференциации различных точек зрения на проблему, а также ввода в научные расчеты и «антикрепостнических» факторов и сил.

Влияние предкапиталистических феноменов

Историки, избравшие в качестве отправной точки вышеприведенную позицию, полагают, что феодализм указанного периода вошел в свою «нисходящую» стадию и, несмотря на всю мощь этого строя, все его победы были пирровыми, не более; они предвещали его неизбежное поражение. Отсюда следует, что одновременно со всей необходимостью должно было пробивать себе дорогу новое; некоторые более или менее значительные группы крестьянского населения должны были черпать отсюда известные, хоть и ограниченные выгоды. Такие выгоды «антикрепостнического», предкапиталистического характера пожинались частью крестьянства в условиях жестокой борьбы с феодальными господами⁵⁵.

Тем не менее аргумент о предкапиталистических тенденциях в деревне содержит в себе противоречия. И завершение научной дискуссии 1966 г. о социальной дифференциации сельского населения ни в коей

⁵⁴ Там же, с. 3 и далее.

⁵⁵ Там же, с. 224—225.

мере не было отмечено выработкой какого-то единого мнения по этому поводу. Так, уже после окончания дискуссии П. А. Колесников связал процесс обезземеливания крестьян с зарождением капиталистических отношений, в то время как Н. А. Горская, основываясь на своих разработках по монастырским имениям, отрицает, что обезземеливание крестьян, располагавших податными наделами, могло иметь что-то общее с капиталистическими феноменами. Процесс обезземеливания на территориях обычных наделов сопровождался нарезкой новых, дополнительных наделов, и это стало настолько общим явлением, что не повлекло за собой какой-то социальной дифференциации в крестьянском сословии⁵⁶.

Экономические интересы помещиков

Среди других моментов, смягчавших феодальную эксплуатацию, Сахаров называет экономические интересы, которые время от времени заставляли помещиков не просто непрерывно выжимать из крестьян все до конца, но иногда также и поддерживать крестьянскую экономику с тем, чтобы не погубить курицу, несущую золотые яйца или не допустить снижения ее «продуктивности»⁵⁷.

Конкуренция в среде господствующего класса

Выводы Н. И. Павленко также можно понять в том смысле, что антагонистические отношения между основными классами феодального общества вели к

⁵⁶ Колесников П. А. Некоторые вопросы аграрных отношений на Европейском Севере в период позднего феодализма.— В кн.: Аграрная история Европейского Севера СССР./Отв. ред. Колесников П. А. Вологда, 1970. (Вопросы аграрной истории Европейского Севера СССР, вып. 3, посвящ. Н. В. Устюгову), см.: Загоровский В. П., Никитин Н. И. Обзор советской литературы 1969—1970 гг. по истории России эпохи феодализма.— История СССР, 1972, № 2, с. 137; Горская Н. А. Монастырские крестьяне..., с. 188—192. В качестве составной части дискуссии о генезисе капитализма предметом отдельных дебатов стала проблема социальной дифференциации в русской деревне. Ср. заключительную статью о дискуссии в: История СССР, 1966, № 1, с. 70 и далее.

⁵⁷ Сахаров А. Н. Русская деревня..., с. 224—229.

обострению противоборства интересов и конкуренции в среде господствующего класса, что иногда могло оказывать и положительное влияние на положение крестьян.

Интересы государства

Наконец и собственные интересы самого государства могли принудить правительство выступать в отдельных случаях против «крестьянской» политики помещиков. В качестве примера ученым приводится тот факт, что правительство, заинтересованное в действительной обороне государственной границы, не обращало внимания на жалобы феодальных господ по поводу бегства крестьян в южные области страны⁵⁸.

Уровень производительности труда

Число точек зрения на вышеназванную проблему может быть умножено, если мы обратимся к истории Белоруссии и оценим результаты одного из исследований развития феодальной ренты на местном материале. Здесь делается вывод о том, что крестьяне не стояли на грани физического исчезновения, как считалось ранее, но что наблюдалась тесная связь между ростом феодальной ренты и увеличением производительности крестьянских хозяйств⁵⁹.

В этой связи можно привести данные по Украине, хоть это и не вполне типичный пример. В годы после окончания «освободительной войны» уровень феодальной эксплуатации, согласно единодушному признанию исследователей, резко упал. Во-первых, весьма крупная часть населения записалась в казаки и добилась таким образом освобождения от уплаты налогов. Во-вторых, *посполитые*, относившиеся к неказацкой части населения, на практике отказывались вносить

⁵⁸ Павленко Н. И. О научном наследии А. А. Новосельского. — В кн.: *Дворянство и крепостной строй России XVI—XVII вв.* [Сборник статей, посвященный памяти Алексея Андреевича Новосельского.] / Отв. ред. Павленко Н. И. М., 1975, с. 9—10.

⁵⁹ Козловский П. Г. *Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII вв.* (по материалам магнатских вотчин). Минск, 1969, см.: Загоровский В. П., Никитин Н. И. *Обзор советской литературы...*, с. 139.

подати феодальным господам или сокращали их массу до минимума⁶⁰. То, что феодальная эксплуатация позднее снова вошла в систему — другое дело⁶¹.

Результат военной реформы

Наконец можно привести ту точку зрения, что в результате военной реформы (которая означала переход к государству ряда обязанностей, ранее бывших уделом служилого дворянства) государство стало гораздо сильнее, чем все мелкие помещики с их экономическими притязаниями по отношению к крестьянам. В сложившихся условиях для более-менее значительного роста частновладельческих доходов возможностей не предоставлялось⁶².

КАК СКЛАДЫВАЛИСЬ СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ ФОРМАМИ РЕНТЫ?

Между тем мнения историков расходятся не только в решении вопроса относительно общего объема феодальной ренты и тенденций ее развития. Вопрос о классификации ренты по различным ее типам — отработочная, натуральная, денежная — также стал предметом дискуссии.

Слабое развитие барщины

Так, например, З. К. Янель и Л. В. Данилова полагают, что в России барщина была слабо развита оттого, что помещичьи хозяйства в целом характеризовались натуральной экономикой и не были еще вовлечены в товарно-денежные отношения, а также оттого, что Россия не имела выхода к морю и ее изоляция от внешнего рынка обуславливала торможение развития барщины в России по сравнению с поло-

⁶⁰ Стецюк К. І. Народні рухи..., с. 12—15, 68—73, 84, 114, 265; Мякотин В. А. Очерки социальной истории Украины в XVII—XVIII вв. т. I, вып. 1—3. Прага, 1924—1926; вып. 1, с. 85—88; вып. 3, с. 21—23.

⁶¹ Стецюк К. І. Народні рухи..., с. 114.

⁶² Rexheuser R. Adelsbesitz und Heeresverfassung im Moskauer Staat des 17. Jahrhunderts (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Bd. 21, 1973, Hf. 1, S. 3—17).

жением в остальных странах Европы, расположенных к востоку от Эльбы.

Тенденция к росту денежной ренты

К. В. Базилевич также пришел к выводу, что барщина в России была слабо развита, но он объясняет это тем, что в XVII в. товарно-денежные отношения были здесь столь сильно развиты, что проявлялась тенденция к росту именно денежной ренты⁶³.

Рост барщины

С другой стороны, есть авторы, которые не согласны с подобной точкой зрения. Конечно, они не отрицают, что рынок развивался, но это вело прежде всего к росту отработочной ренты. Имеется и еще одна точка зрения по этому поводу — некоторые исследователи указывают, что решающими для развития барщины были не рыночные отношения в точном смысле этого термина, но, напротив, колонизация, которая на своих начальных стадиях требовала доставки к переселенцам крупных партий хлеба⁶⁴.

«Условия динамичного сопряжения»

Наконец, Ю. А. Тихонов в своей диссертации показал себя сторонником более нюансированного анализа этого вопроса. Он полагает, что недопустимо говорить о смене одной формы ренты другой, наступающей в определенной последовательности. Напротив, эти формы сосуществовали бок о бок друг с другом в положении динамичного сопряжения, в котором

⁶³ Янель З. К. О некоторых вопросах «второго издания» крепостного права и социально-экономического развития барщинного поместья в России.— Исторические записки, т. 78, 1965, с. 170; Данилова Л. В. К вопросу о принципах утверждения крепостничества в России.— Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1965 г., 1970, с. 170; Базилевич К. В. Опыт периодизации истории СССР феодального периода, с. 67, 81—82.

⁶⁴ Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975, с. 7—8; Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. О периодизации истории России эпохи феодализма, с. 67—68, 71.

их взаимные отношения определялись в сложном причинно-следственном спектре. В состав последнего входили среди прочего состояние крестьянских хозяйств, размер государственной подати, удельный вес и структура [крестьянской] собственности, а также размер доходов помещиков⁶⁵.

Проблема брошенных крестьянских дворов — вторая значительная тема аграрной истории, которую следовало бы здесь рассмотреть. Как и тема феодальной ренты, она затрагивает ряд сторон истории русского сельского хозяйства, попавших в сферу внимания исследователей аграрной истории. Однако лишь с появлением монографии К. Герке тема эта заняла центральное место в более или менее значительном исследовании. При этом началась ее разработка с применением понятийного аппарата, принятого среди специалистов по историческому феномену «брошенных дворов».

Несмотря на то что вряд ли можно говорить о какой-либо научной полемике, посвященной этой теме во всей ее полноте и сложности, но тем не менее ее следует оценить как комплексную и перспективную, в силу чего она и заслуживает особого рассмотрения.

Тема «Период великого запустения» охватывает, по определению Герке, 1560—1630 гг. Уже в этом автор отмежевывается от тех исследователей, которые говорили о двух периодах, четко отграниченных друг от друга: первом, в конце XVI в. (так называемом «кризисе XVI века», сыгравшем важную роль в ходе дискуссии о «восходящей» и «нисходящей» стадиях развития феодализма), и втором — в начале XVII века⁶⁶.

В ЧЕМ БЫЛИ ПРИЧИНЫ ОСТАВЛЕНИЯ КРЕСТЬЯНАМИ ДВОРОВ?

Существенными проблемами, связанными с оставлением дворов, являются выяснение причин этого процесса, его последствий, а также вопрос о том, как эти последствия вписываются в картину образовавшегося причинно-следственного порочного круга.

⁶⁵ Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне..., с. 308.

⁶⁶ Goehrke C. Die Wüstungen..., S. 119.

Основное положение Герке заключается в том, что ученые, возможно, и могут обрисовать контуры какого-то общего объяснения причин бросания дворов, какой-то необходимой для развязывания указанного процесса ситуации, сложившейся в большинстве европейских стран, столкнувшихся с проблемой опустения деревни; но наличие такого необходимого условия было все же недостаточным для того, чтобы процесс исхода крестьян мог начаться. Вполне веские причины к возникновению данного явления Герке находит лишь в ряде специфически российских исторических особенностей.

Земельный передел с целью укрупнения хозяйств

Для того чтобы дать хотя бы общее объяснение этому процессу, на вооружение берется так называемая теория интенсификации. Основная установка этой теории гласит: в сельском хозяйстве любой страны сразу после завершения собственно внутренней колонизации неизбежно начинается процесс интенсификации и укрупнения отдельных хозяйств. Подобное укрупнение проводится с целью покончить с тем непрактичным и хаотичным аррондированием, которое является одним из результатов внутренней колонизации. Вторичное аррондирование приводило в конечном счете к смене довольно интенсивного вначале землепользования экстенсивным хозяйствованием или даже к полному запустению сельскохозяйственных территорий.

Однако позиция Герке по отношению к подобному разъяснению амбивалентна. В общем и целом, утверждает ученый, речь здесь идет о преобразовании земель, входивших в хозяйственный оборот, которое не являлось причиной оставления крестьянами своих дворов, а лишь последствием этого процесса⁶⁷.

Демографические катастрофы

В поисках более удовлетворительного разъяснения Герке обращается к сложившемуся в России особому, специфическому положению. Прежде всего он уделяет

⁶⁷ Ibid., S. 236—237, 250—251.

внимание демографическим сдвигам, компонентами которых были отчасти переселение крестьян из западных и центральных областей, отчасти регулярная стагнация или же сокращение численности населения. Подобные количественные колебания Герке связывает с различными демографическими катастрофами эпохи — это и внутривосточный террор в годы опричнины и Смутного времени, войны XVI и начала XVII столетий, великий голод 1601—1603 гг. и, наконец, грозные эпидемии. В целом, полагает автор, падение численности населения достигает нескольких миллионов человек⁶⁸.

Побеги крестьян

Перечисленные выше обстоятельства, которые и сами по себе вполне были способны вызвать всеобщее запустение, приводили в конце концов к массовому переселению крестьян на новые места.

Рост угнетения оставшихся крестьян

Экономическое угнетение оставшихся на старых местах крестьян со стороны и государства, и помещиков не могло не усиливаться. Оно стимулировало ширившийся процесс ухода крестьянского населения, состоявший в том, что беглые устремлялись на окраинные территории государства, туда, где они могли на протяжении некоторого времени избавиться от государственных податных чиновников и угрозы поглощения их земель разраставшимися поместьями.

Планомерное переселение

Перемены в поместной структуре происходили и по-иному, а именно в результате планомерного переселения крестьян самими помещиками на земли, считавшиеся более рентабельными, в то время как поместья с менее плодородными угодьями неизбежно пустели⁶⁹. Искусственным перемещением рабочей силы

⁶⁸ Ibid., S. 157—174.

⁶⁹ Ibid., S. 225ff.; Сташевский Е. Д. Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII в. М., 1911, с. 21—26;

совершенно особого рода являлся увод крестьян, который крупные землевладельцы практиковали в мелких и средних поместьях, хозяева которых отбывали в это время воинскую повинность⁷⁰.

Коснувшись вопроса о переменах в структуре поместий, мы в итоге опять оказываемся внутри порочного круга причинно-следственных обстоятельств, поскольку именно наличие брошенных крестьянами полей было одним из условий роста площади барщинной земли. Но этот процесс снова обуславливал отчасти очередные волны переселения, отчасти более массивное аррондирование помещиками земель, пораженных запустением⁷¹.

Неблагоприятные природно-хозяйственные условия

Далее, имеются сведения о том, что истощение земель и неблагоприятные для земледелия условия (в природных зонах, где можно было чувствовать себя в безопасности от ночных заморозков лишь на протяжении одного летнего месяца) также содействовали уходу крестьян на новоприсоединенные черноземные территории востока и юга страны. Но такое объяснение — не совсем точно, так как наблюдался отток населения и в негостеприимные местности Поморья и Вятки, а также на Урал и в Сибирь.

Яковлев А. И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. по архивным документам Холопьяго и Посольского приказов, Оружейной палаты и Разряда, т. I. М.—Л., 1943; Маньков А. Г. Побег крестьян в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в первой четверти XVII в.— Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук, 1941, вып. 10; Булыгин И. А. Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60-е годы XVII века.— Исторические записки, т. 43, 1953; Смирнова Т. И. Побег крестьян накануне выступления С. Разина.— Вопросы истории, 1956, № 6; Новосельский А. А. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в.— Труды института истории РАН ИОН, 1926, вып. 1; он же. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII в.— Исторические записки, т. 16, 1945; Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. Кн. вторая. М., 1954.

⁷⁰ Goehrke C. Die Wüstungen..., S. 219—220.

⁷¹ Ibid., S. 245ff.

Социальные сдвиги

Были и другие факторы, усиливавшие угнетение крестьян и стимулировавшие их миграцию. Век характеризовался весьма значительной социальной флуктуацией, самым ярким проявлением которой был переход многих крестьян в более или менее свободное от податей сословие бобылей и холопов. И этот процесс также усиливал экономическое давление на оставшихся на месте крестьян. Совершенно аналогичный эффект приносило рекрутирование тысяч крестьян в новое, отмежеванное от дворянской власти сословие «служилые люди по прибору»⁷².

Психологические факторы

К другим причинам опустения крестьянских дворов некоторые исследователи причисляют психологический фактор. В эпоху, когда будущее не могло не представляться зыбким, среди крестьян стала заметной тенденция к сокращению обрабатываемых площадей до размера, достаточного лишь для прокормления собственной семьи. С 1620-х гг. ареал обрабатываемой земли в пересчете на двор снова возрос, оставшись тем не менее ниже уровня XVI в. Однако это явление вело лишь к запустению земельных площадей, а не к полному оставлению дворов⁷³.

В дореволюционной русской историографии в качестве объяснения данного явления часто выдвигался другой психологический фактор. Тогда много говорилось о неустойчивом характере русского крестьянина, его страсти к перемене мест, к бродяжничеству⁷⁴.

Незначительное развитие городов

К. Герке полагает, что в отличие от того, что происходило в Западной Европе, рост городов не играл существенной роли в процессе запустения русской деревни. Напротив, город также по-своему испытал

⁷² Ibid., S. 227—235.

⁷³ Ibid., S. 250—251, 258.

⁷⁴ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси, с. 307; Миллюков П. Н. Очерки..., ч. I, с. 104.

влияние этого явления. В России цены на хлеб постоянно росли, но начертить пересекающиеся кривые роста оплаты труда в городах и падения цен на сельскохозяйственные продукты не представляется возможным⁷⁵.

Ю. Готье, исходя из своей оценки регресса крестьянского хозяйства во всей центральной части России, поставил вопрос, не являлось ли причиной этого упадка такое явление, как использование крестьянами части своего времени в других отраслях. И он пришел к заключению, что другие занятия не могли в решающей мере повлиять на упадок земледелия⁷⁶.

АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ МАНУФАКТУРЫ

Как уже упоминалось, мануфактура — это та отдельная тема в исследовании экономической истории России XVII—XVIII вв., которая подверглась наиболее глубокому и разностороннему рассмотрению. Указывалось, что изучение «новых» явлений в российской истории стало на протяжении ряда лет настолько доминирующим в историографии, что возникла опасность нарушения пропорции между исследованием «старых» (т. е. относящихся к феодализму) и «новых» тем. Так Н. И. Павленко заметил, что в трех посвященных XVIII в. томах созданных советскими историками фундаментальных «Очерков истории СССР» нет ни одного раздела о развитии феодального землевладельческого права, этой основы феодального способа производства⁷⁷. Упомянутая «передержка» сейчас, судя по всему, уже пройденный этап, но рассматриваемая тема по-прежнему, естественно, входит в число весьма важных.

Те темы и постановки проблем, с которыми имели дело исследователи в связи с историей мануфактуры, в целом одинаковы по отношению к периоду как XVII, так и XVIII вв., и те, кто нуждается в более подробной информации о них, могут обратиться к выпуску серии, к которой относится данная книга, вышедшему несколько ранее⁷⁸.

⁷⁵ Goehrke С. Die Wüstungen..., S. 259.

⁷⁶ Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке, с. 352, 360.

⁷⁷ Переход от феодализма к капитализму..., с. 7—8.

⁷⁸ Баггер Х. Реформы Петра Великого, с. 81—94. Речь идет о серии «Проблемы истории России и Советского Союза», основан-

ХАРАКТЕР РОССИЙСКОЙ МАНУФАКТУРЫ И ФАКТОРЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Точно такое же, как по отношению к XVIII в., сложилось положение с вопросами об «искусственном» или «органичном» («естественном») характере мануфактуры в XVII в. Аналогичное замечание можно сделать и относительно смежных с данной темой проблем, а также о роли государства и соответственно внутренних и внешних факторов в деле развития российских мануфактур в рассматриваемый период. Общими для XVII и XVIII вв. являются и проблемы, затронутые в дискуссии относительно того, была ли сущность мануфактуры в России крепостнической или капиталистической⁷⁹.

Исследования эмпирического плана — за исключением ряда обзорных работ⁸⁰ — можно разделить на три типа. Развитие мануфактуры рассматривается в них или с региональной точки зрения (т. е. такие исследования представляют собой часть локальной экономической историографии)⁸¹, или же отправным пунктом становится деятельность отдельного пред-

ной в 1979 г. при Славянском институте Копенгагенского университета. Подробней о серии см.: Возгрин В. Е. (рец. на): Х. Баггер. Реформы Петра Великого.— Вопросы истории, 1981, № 3, с. 157.

⁷⁹ Ср.: Дружинин Н. М. Советская историческая наука..., с. 161—162; Нечкина М. В. К итогам дискуссии о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма, с. 41; Переход от феодализма к капитализму..., с. 23—24; Ohloblyn O. A History of Ukrainian Industry. Reprint of the three-volume Study First Published in Kiev in 1925 and 1931. München, 1971 (Harvard Series in Ukrainian Studies, vol. 12), p. 30ff.

⁸⁰ Напр.: Лященко П. И. История народного хозяйства...; Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX в. М., 1947; Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1898; Widera В. Anfänge der industriellen Grossproduktion und Verbreitung der Lohnarbeit unter den Facharbeitern Russlands im 17. und 18. Jahrhundert (Genesis und Entwicklung der Kapitalismus in Russland). Berlin, 1973; Панкратова А. М. Формирование пролетариата в России (XVII—XVIII вв.).

⁸¹ Заозерская Е. И. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953; здесь приводятся

принимателя (династии предпринимателей)⁸². В работах третьего типа мануфактуры рассматриваются исходя из их профиля производства. Другими словами, здесь исследуется история развития металлургической, солеваренной, бумагоделательной, стекловаренной и текстильной промышленности⁸³.

многочисленные сведения и по XVII в.; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века, с. 237—288; Белоцерковский Г. М. Тула и тульский уезд в XVI и XVII веках. Киев, 1914; Бакланов Н. Б. и др. Тульские и каширские заводы в XVII в. М.—Л., 1934 (Известия государственной академии истории материальной культуры, т. 98); Водарский Я. Е. Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма. М., 1972; Ohloblyn O. A History of Ukrainian Industry (глубокое исследование темы здесь начинается лишь с XVIII в.).

⁸² Amburger E. Die Familie Marselis. Studien zur russischen Wirtschaftsgeschichte. Giessen, 1957 (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens, Bd. 4) (Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen, R. 1); Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI—XVII веках; Заозерский А. И. Царская вотчина XVII в.; Бакланова Н. А. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых...; Петрикев Д. И. Крупное крепостное хозяйство XVII в. По материалам вотчины боярина Б. И. Морозова. Л., 1967.

⁸³ Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. М., 1967; Стоскова Н. Н. Первые металлургические заводы России. М., 1962; Лихачев Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891; Бакланова Н. А. Стекланные заводы в Московском государстве XVII в.— В кн.: Очерки по истории торговли и промышленности в России в XVII и в начале XVIII столетия. М., 1928 (Труды Государственного Исторического музея, вып. 4); Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI—XVII веков. К вопросу о генезисе капитализма в России. М., 1970; Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке; Рабинович Г. С. Город соли — Старая Русса в конце XVI — середине XVIII в. К вопросу о генезисе капитализма в русской промышленности. Л., 1973. В связи с выводами, содержащимися в монографии Е. И. Заозерской, Г. С. Рабинович утверждает, основываясь на собственных исследованиях вопроса разделения труда, что солеварни являлись предприятиями мануфактурного характера. Сербина К. Н. Крестьянская железодельная промышленность Северо-Западной России XVI — первой половины XIX в. Л., 1971.

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
СВЯЗИ**

Хотя Россия в действительности стала великой державой лишь в XVIII в., XVII в., когда ее территория была значительно увеличена как в восточном, так и западном направлениях, несомненно стал этапом на пути к этому историческому свершению¹⁹⁾. Два крупнейших события века, включение в состав России Левобережной Украины и Сибири, представляют собой также и два типа реализации задачи территориального расширения.

На западном направлении были использованы традиционные внешнеполитические средства — дипломатия и война. В восточном направлении приращение земель носило характер колонизации. На западном направлении приходилось следовать правилам игры и условиям, диктуемым всей системой большой политики. На восточном — успех или фиаско находились в зависимости от более земных факторов.

В советской историографии используются такие термины, как «воссоединение» (по отношению к Украине) или «присоединение» (о Сибири)¹. Эта терминология отражает проблему, которая является общей при рассмотрении обеих упомянутых форм экс-

¹ См., напр.: Шунков В. И. Труды С. В. Бахрушина по истории Сибири. — В кн.: Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3, ч. 1. М., 1955, с. 9, а также: Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. / Ред. колл. Гудзенко П. П. и др. М., 1954. Термин «воссоединение» имеет глубокие корни в великорусской историографии, ср., напр.: Кулиш П. А. История воссоединения Руси. Т. 1—2. СПб., 1874; т. 3. М., 1877, и: Günther O. E. Der Vertrag von Perejaslav im Wiederstreit der Meinungen (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Bd. 2, 1954), S. 232—257.

пансии, а именно проблему отношений между русскими и теми народами, которые вошли в состав государства.

В ЧЕМ СОСТОЯЛО ЗНАЧЕНИЕ ЭКСПАНСИИ ДЛЯ НЕРУССКИХ НАРОДОВ?

Событие прогрессивного значения

При разработке данной темы советская историография поставила перед собой две задачи. С одной стороны, разъяснить положительную и прогрессивную роль русского народа и его культуры в процессе исторического развития других народов.

Начало угнетения. Абсолютное зло

С другой стороны, отразить процесс угнетения, шедшего в кильватере присоединения, показать, отчего царская Россия представляла собой, по выражению В. И. Ленина, «тюрьму народов».

«Меньшее зло»

Шагом на первом из двух упомянутых путей стало использование в науке формулы о «меньшем зле», ставшей в конце 1930-х гг. орудием в борьбе против школы М. Н. Покровского, представители которой рассматривали включение в состав России, к примеру, Украины и Грузии как «абсолютное зло» для этих государственных образований.

Идея заключалась в том, что для соответствующих стран было «меньшим злом» войти в состав России, чем, например, быть включенными в Польшу или Османскую империю. Вопреки царизму, представлявшему собой «абсолютное зло», русский народ слился с другими народами в едином братстве, что в будущем послужило базисом для построения социализма.

В этой связи М. В. Нечкина призывала историков уделять особое внимание всему тому новому и положительному, что вошло в жизнь народов благодаря единению с великим русским народом и вопреки ца-

ризму². Речь шла об освещении исключительно позитивных сторон включения в Россию новых территорий³.

Событие, не поддающееся однозначной оценке

Позже была разработана теория о том, что данную проблему следует решать во всей ее сложности и неоднозначности, но исходной точкой при этом должны быть прогрессивные последствия рассматриваемого события, такие, как, например, результаты соединения Сибири с Россией в одно целое⁴.

Эта программа была реализована в специальных исследованиях, авторы которых восприняли ее несколько по-разному. Так, А. А. Преображенский говорит, что в его задачи ни в коем случае не входит идеализировать отношения между переселенцами и коренным населением Сибири. Но, с другой стороны, он называет парадоксальным тот факт, что «цивилизированные» западноевропейские колониальные державы вели войны, нацеленные на уничтожение аборигенов в своих колониях, в то время как жестокая, азиатски-варварская царская власть в отсталой России стремилась избегать по возможности применения колониальных методов, основанных на насилии⁵.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНКОРПОРАЦИИ УКРАИНЫ В СОСТАВ РОССИИ

Вопрос об отношениях между русским и другими народами российского государства выступает в особо

² Нечкина М. В. К вопросу о формуле «наименьшее зло». Письмо в редакцию.— Вопросы истории, 1951, № 4, с. 44—48; Штерра К. Ф. *Op. cit.*, p. 276—277; Преображенский А. А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М., 1956, с. 4.

³ От редакционной коллегии журнала «Вопросы истории».— Вопросы истории, 1952, № 8, с. 4; Штерра К. Ф. *Op. cit.*, p. 282—283.

⁴ Шунков В. И. Основные проблемы изучения истории Сибири.— В кн.: его же. Вопросы аграрной истории России. М., 1974, с. 212—213.

⁵ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века, с. 167, 171; Lantzeff G. *Op. cit.*, p. 200.

острой форме, когда речь идет об Украине. Для многих украинских историков оценка Переяславского договора 1654 г. превратилась в вопрос об узаконении требований национального и государственно-политического суверенитета по отношению к российской государственной идеологии. Расхождение в мнениях лишь по нижеследующим трем аспектам уже предоставляет возможность конструирования множества комбинаций из различных точек зрения: шла ли вообще речь о договоре как таковом; если же да, то был ли он заключен на вечные времена; наконец, предусматривал ли он включение Украины в состав России или только союз между ними?

Воссоединение

Число различных мнений по этому поводу почти необозримо. Остановимся лишь на некоторых, основных. Согласно одному из них, в данном случае можно говорить о соединении двух равноценных государственных образований на вечные времена в едином государственном организме, что в исторической перспективе означало то же, что воссоединение двух братских народов после многовекового разделения.

Присоединение

Согласно другой точке зрения, Б. Хмельницкий передал Украину целиком в распоряжение русских, следствием чего и стало ее полное и безусловное включение в состав российского государства.

Установление вассальной зависимости

Третье мнение: Б. Хмельницкий всего лишь искал российского покровительства; другими словами, он вступил, таким образом, в вассальную зависимость по отношению к царю.

Союз

Некоторые ученые отстаивают точку зрения, согласно которой русско-украинские отношения следует рассматривать как межгосударственную или же лич-

ную унию или как чисто военный союз, в котором царь благодаря могуществу России взял на себя роль гаранта и покровителя православной веры на Украине, а также интересов украинского государства.

Временный альянс

Однако чем глубже исследователи разрабатывают гипотезу о чисто военном союзе, тем, естественно, более зыбкой представляется сама идея о вечно актуальных условиях подобного договора⁶.

АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ЗАВОЕВАНИЯ СИБИРИ

Грандиозное, имевшее колоссальные последствия завоевание или, как предпочитает выражаться В. И. Шунков, «колонизация» Сибири (этот термин используют многие) — источник массы вопросов в области исторического исследования.

Назовем важнейшие из проблем данной темы:

1. Движущие силы и причины колонизации.
2. Соотношение между государственной и частной инициативами в процессе колонизации.
3. Средства, использованные при колонизации.

ЧТО ЯВЛЯЛОСЬ ДВИЖУЩЕЙ СИЛОЙ КОЛОНИЗАЦИИ?

... Пушной промысел

Большинство ученых, безусловно, считают важнейшим из ряда отдельных факторов, содействовавших колонизации Сибири, охоту на пушного зверя. Как правило, подчеркивается, что все дальше и дальше на Восток волну колонизации гнала жажда добычи «мягкого золота» по мере того, как наиболее легкодоступные ресурсы западных частей Сибири истощались⁷. Тем не менее мимо внимания исследовате-

⁶ Günther O. E. Op. cit., S. 235—239.

⁷ Fisher R. H. The Russian Fur Trade (1550—1700); p. 34, 106 et passim.; Азиатская Россия. Т. I. Люди и порядки за Уралом. / Рук. колл. Глинка Г. В. СПб., 1914, с. 13—15; Бахрушин С. В. Русское продвижение за Урал.— Научные труды. Т. 3, ч. 1. М., 1955, с. 142.

лей не прошел и тот факт, что Сибирь манила к себе и другими естественными ресурсами, кроме меха пушного зверя,— например солью и рыбой⁸.

Нехватка земли

Более или менее полную картину всех движущих сил колонизации было бы невозможно обрисовать, обращаясь лишь к деятельности охотников и промышленников. Из этих рамок выпадает крестьянское переселение, а ведь оно явилось важной составной частью процесса колонизации. И Шунков упрекает Бахрушина в том, что последний переоценил значение деятельности торговцев и промышленников, соответственно преуменьшив роль свободной крестьянской колонизации⁹.

Государственная инициатива

На вопрос о том, что двигало крестьянскую колонизацию, имеется триединый ответ: отчасти крестьяне стремились переселиться с плохих на хорошие земли, отчасти — добивались большей свободы, и, наконец, некоторые были переселены в Сибирь по государственной инициативе — среди прочего для того, чтобы обеспечить развитие отечественной меховой торговли¹⁰.

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ КОЛОНИЗАЦИИ В ОТДЕЛЬНЫЕ ПЕРИОДЫ

Иногда утверждается, что крестьянское переселение приняло особо крупные размеры после восстания Болотникова, что колонизация стала, так сказать, реакцией на поражение этого движения. Приведенное положение основано на данных о том, что значительная часть переселенцев состояла из бывших

⁸ Бахрушин С. В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в.— Научные труды. Т. 2, с. 224—255.

⁹ Шунков В. И. Труды С. В. Бахрушина..., с. 8.

¹⁰ Fisher R. H. *The Russian Fur Trade (1500—1700)*, p. 46; Lantzef G. V. *Op. cit.*, p. 200; Бахрушин С. В. Промышленные предприятия, с. 224—225; Gibson J. R. *Op. cit.*, p. 155ff. et passim.

помещичьих крестьян¹¹. Против изложенной точки зрения выступил А. А. Преображенский. Он доказывал, что на протяжении XVII в. на Восток переселилось лишь крайне незначительное число частновладельческих крестьян. Стержень переселения, полагает этот ученый, составляли «черные» крестьяне Поморья¹².

ЧТО ПРЕОБЛАДАЛО: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЛИ ЖЕ НЕОРГАНИЗОВАННАЯ ЧАСТНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ?

Проблема доминирования государственной или основанной на частной инициативе колонизации рассматривалась с различных сторон. В то время как некоторые ученые считают, что организованный государством и неорганизованный процессы колонизации шли параллельно, взаимно поддерживая друг друга, другие исследователи полагают, что каждый из этих процессов в отдельности преобладал над другим в определенные периоды или в определенных областях Сибири.

Государственная колонизация

Основоположник историографии Сибири Г. Миллер видел в колонизации в соответствии с рационалистическими воззрениями своей эпохи проявление воздействия разумных руководителей и законодателей на массы. Поэтому в заложенной им историографической традиции колонизация стала считаться прежде всего проблемой, относящейся к правительственной политике, т. е. проблемой осуществления по инициативе государства переселения народных масс и закладки новых городов¹³.

¹¹ История СССР с древнейших времен до наших дней в двух сериях, в двенадцати томах. Т. 3, с. 268.

¹² Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... с. 163—164.

¹³ См.: Бахрушин С. В. Промышленные предприятия... с. 224—225. В то же время Г. Миллер был убежден в том, что в начальных фазах колонизации доминирующую роль играли охотники за пушным зверем; ср.: Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М., 1960, с. 88.

Частная колонизация

Исследователи, придерживающиеся противоположного мнения, не отрицают, естественно, того, что в процессе колонизации государство играло известную роль. Так, они обращают внимание на то, что Сибирь была для правительства предприятием первостепенной важности и оно проводило либеральную колониационную политику с целью сохранения высокой рентабельности этого предприятия; правительственные же органы, такие, как, например, Сибирская канцелярия, играли для части крестьянского переселения и колонизации роль организатора¹⁴.

Тем не менее наиболее существенным здесь является то, что упомянутые исследователи считают государственную инициативу вторичной. Вначале было завоевание, истоки же последнего зародились целиком благодаря частной инициативе. И лишь потом на сцене появляется куда менее живописное учреждение колониального управления¹⁵.

Взаимная поддержка государственной и частной колонизации

Согласно третьей концепции, колонизация проходила под знаком постоянного взаимного стимулирования государственной и частной инициатив. Так, например, подчеркивается, что свободная крестьянская колонизация получила лишь незначительное распространение в тех местах, где государство не могло гарантировать переселенцам необходимый минимум безопасности, а также то, что неуклонное продвижение промысловиков на Восток шло рука об руку с возведением государством острогов и крепостей и командированием туда воинских команд. К иным формам подобной поддержки относят известные экспедиции Хабарова и Дежнева¹⁶.

¹⁴ Lantzeff G. V. Op. cit., p. 200.

¹⁵ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892, с. 190—191. Преображенский А. А. Очерки колонизации Западного Урала..., с. 4; Lantzeff G. V. Op. cit., p. 156.

¹⁶ Fischer R. H. The Russian Fur Trade..., p. 28—30, 43—45;

Преобладание одного из типов колонизации в ее различные периоды

К несколько иным выводам приходят ученые, утверждающие, что если завоевание Западной Сибири проводилось государством, то освоение Восточной Сибири характеризовалось прежде всего частной инициативой¹⁷.

Почти полярно противоположное мнение содержится в утверждении, что в первые столетия завоевания Сибири гораздо более широкой была колонизация, основанная на частной инициативе, но позже инициатива эта целиком переходит к государству¹⁸.

МЕТОДЫ КОЛОНИЗАЦИИ

Напротив, по отношению к вопросу о методах или технике колонизации в России особых расхождений между учеными не отмечено. Все выводы исследований проблемы сходятся в основном — при выборе метода колонизации решающим являлся фактор природных условий, и прежде всего наличие рек. Вдоль рек строились крепости, между реками устраивались волоки. Причина применения такой техники, естественно, та, что реки являлись наиболее доступным путем сообщения.

ПОСЛЕДСТВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭТОГО МЕТОДА

Последствия того, что в указанном качестве были избраны именно реки, весьма многочисленны. Во-первых, это означало, что можно было осваивать новые территории на большей глубине и с большей широтой охвата (поскольку по рекам было легче продвигаться в поисках новых охотничьих угодий), чем ограничиваться лишь территорией уже завоеванных областей.

Во-вторых, изобретательное использование направлений течений рек позволяло осваивать гораздо более обширные территории, чем если бы применя-

Бахрушин С. В. Промышленные предприятия... , с. 224, прим. 1.

¹⁷ Fischer R. H. The Russian Fur Trade... , p. 37ff.

¹⁸ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония... , с. 190—191; Lantzeff G. V. Op. cit., p. 156.

лись только сухопутные транспортные средства. Понятно, что суда на протяжении всего пути шли по течению, поэтому они отправлялись по одним, а возвращались назад по другим рекам.

Нужно добавить, что сама форма подобной колонизации была в известном смысле умеренной, мягкой, поскольку она имела настолько экстенсивный характер, что на землях, которые русские оставляли позади, имелось жизненное пространство, достаточное и для коренного населения. Это вполне соответствовало еще одной черте русской колонизационной тактики, которая — как уже говорилось — отличалась довольно мягким отношением к местным народам.

Объяснялось это, естественно, тем, что последние являлись прекрасными поставщиками пушнины. Но если все же возникали затруднения с приведением всего образа жизни коренного населения в соответствие с интересами русских, то они отнюдь не применяли тут же военную силу — вместо этого делались попытки посорить аборигенов друг с другом или добиться своего путем предоставления различных привилегий их предводителям¹⁹.

АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Как было сказано, по отношению к Западу русская политика носила более традиционные черты, соответствовавшие правилам и формам, характерным для этой сферы. Прежде всего нужно заметить, что внешняя политика России на Западе, кроме территориальных интересов и заботы о государственной безопасности, имела и иные грани. Явная тенденция к росту международного сотрудничества повышала для России значение осведомленности, ориентированности относительно развития политических отношений в Западной Европе, значение следования уровню

¹⁹ Lantzeff G. V. Op. cit., p. 89—95; Fisher R. H. *The Russian Fur Trade...*, p. 34—35; Азиатская Россия. Т. I, с. 12—14; Kerner R. J. *The Urge to the Sea. The Cours of Russian History. The Role of Rivers, Portages, Monasteries and Furs.* New York, 1971, p. 66—88; Бахрушин С. В. Русское продвижение за Урал.— Научные труды. Т. 3, ч. 1. М., 1955, с. 149—165.

технического прогресса эпохи и соблюдения отечественных торгово-политических интересов.

В соответствии с этими направлениями развития внешней политики исследование идет по двум путям. Первый из них — история внешней политики в узком смысле слова. Второй — история внешнеполитических связей в более широком ее значении. Здесь имеется в виду богатая литература о положении находившихся в России западноевропейцев, деятельность иностранных предпринимателей, а также взаимное влияние в области культуры.

В соответствии с традицией внешняя политика изучается в историографии западноевропейских стран чрезвычайно глубоко и тщательно; при этом анализу подвергаются и многие частные детали. Вполне представительную картину некоторых характерных постановок исследовательских проблем можно получить, ограничившись при этом лишь внешнеполитической ситуацией середины XVII в. Дело не только в том, что во внешнеполитической системе, включавшей и Россию, были задействованы все главные силы. Важно, что научные исследования по этому периоду одновременно и показывают нам многие из типичных черт историографий, окрашенных в национальные цвета, содержание которых часто зависит от того, к какой стране принадлежит ее автор.

КАКИМ БЫЛО ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЕ?

По-настоящему четкое и систематичное обозрение русской внешней политики было сделано прежде всего Б. Ф. Поршневым, хотя следовало бы упомянуть и Б. Кентржинского.

Положение, основанное на прочных внешнеполитических корнях

Основываясь на истории Тридцатилетней войны, Поршнев стремится показать глубину укоренения России в системе европейских государств, придя в конечном счете к выводу о том, что Россия была участником этой войны в полном смысле слова.

Изолированное положение

Целью Поршнева было «преодоление традиционного обособления России от Европы» — положения, снова и снова повторявшегося в историографии вопроса. Автор стремится показать «неистинность традиционных, привычных, незамечаемых рассечений и противопоставлений», для того чтобы с конкретной исторической действительностью была соотносима сама идея «системы государств»²⁰. Против выводов Поршнева можно выдвинуть два возражения: во-первых, то, что он переоценивает внешнеполитическое значение России; во-вторых, не о всех предшественниках Поршнева можно сказать, что они принижали значение России или считали ее изолированной во внешнеполитическом плане²¹.

Состояние растущей международной интеграции России

Применяя диахронический метод исследования, З. Войцик характеризовал Московское государство по отношению к европейской межгосударственной системе как державу второго ранга вплоть до середины XVII в., т. е. до момента, когда, согласно его выводам, пересеклись кривые роста и падения государственной мощи России и Польши. Внешнеполитическую позицию России в XVII в. можно представить, по Войцику, в виде неуклонно растущей кривой, начинающейся с нулевой отметки периода Смутного времени, проходящей через присоединение Левобережной Украины и победу над Польшей и достигающей своей кульминационной точки в Великой Северной войне. Соответственно автор рассматривает Польшу в 1648 г. еще как относительно мощную державу, которая

²⁰ Поршнева Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства, с. 4, 7; он же. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в., с. 321 и далее; Kentschynskyj В. Östeuropeiska statssystemet under Karl X Gustavs tronföljartid (Karolinska Förbundets Årsbok, 1964).

²¹ См.: Leitsch W. Russische Geschichte von der Wahl Michail Romanovs bis zur Ermordung Pauls (1613—1801) (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Bd. 10, 1962), S. 235, 237ff.

затем быстро слабеет и во второй половине столетия утрачивает свой престиж.

Войцик связывает ход событий на внешнеполитической сцене с восстаниями, а также развитием абсолютизма: восстания содействовали успехам абсолютизма, а последний обуславливал в свою очередь усиление позиций и России, и Бранденбурга по отношению к Польше, где этот государственный строй победы не одержал²².

Новое равновесие сил в Восточной Европе, которое формально было закреплено русско-польским договором 1667 г., стало незамедлительно оказывать влияние на отношение России к государствам, расположенным на флангах российского «западного фронта», т. е. к Швеции и к Крыму/Турции²³. Поскольку же оба эти государства являлись одновременно врагами императора, то образовалась почва для сближения Габсбургов и Москвы²⁴. И наоборот, такая позиция Москвы по отношению к Османской империи и императору делала невозможным какое-либо положительное развитие отношений между Россией и Францией²⁵.

²² Woźcick Z. Zmiana w układzie sił politycznych w Europie środkowo-wschodniej w drugiej połowie XVII w. (Kwartalnik historyczny, 67, 1960), s. 25—57; idem. Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa, 1959, s. 15—40; idem. Znaczenie wieku XVII w historii stosunków polsko-rosyjskich (Z polskich studiów slawistycznych. Seria 2. Historia. Prace na V międzynarodowy kongres slawistów w Sofii 1963. Warszawa, 1963), s. 83—94; Leitsch W. Moskau und die Politik des Kaiserhofes im XVII Jh. I. Teil, 1604—1654. Graz-Köln, 1960 (Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas, Bd. 4), S. 260.

²³ Woźcick Z. Między traktatem andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667—1672. Warszawa, 1968, s. 18—27, 322.

²⁴ Leitsch W. Moskau und die Politik des Kaiserhofes..., S. 260; Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. 2. М., 1946, с. 170—171.

²⁵ Grönebaum F. Frankreich in Ost- und Nordeuropa. Die französisch-russischen Beziehungen von 1648—1689. Wiesbaden, 1968 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa, Bd. II), S. 126.

КАКИМИ БЫЛИ ГЛАВНЫЕ ЦЕЛИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ?

Согласно глубоко укоренившемуся мнению, перед российской внешней политикой в XVII столетии стояли следующие задачи: добиться выхода к Балтийскому морю и вернуть захваченные Польшей старые русские территории.

Черное море

Наконец, ставилась цель пробиться к Черному морю. Продвижение в этом направлении, особенно во второй половине столетия, делало войну с Крымом и Турцией неизбежной²⁶.

Польша

Иногда предпринимаются попытки сравнивать вышеупомянутые задачи по степени их важности. В историографической традиции, представителем которой является Б. Ф. Поршнев, главной для России внешнеполитической проблемой были отношения с Польшей.

Балтийское море

Против этого утверждения выступил О. Л. Вайнштейн, который считал, что проблема путей выхода России к Балтийскому морю была гораздо значительнее. Согласно выводам этого историка, единственной причиной тому, что русско-шведская война 1656—1658 гг. стала не более, чем двухлетним интермеццо, было осознание русской стороной того факта, что против отвоевания Россией ее балтийских гаваней стоял единый фронт европейских держав²⁷.

²⁶ Более подробную информацию об истории возникновения этого положения см. в: Wójcik Z. Między traktatem..., s. 20—21.

²⁷ Поршнев Б. Ф. Франция..., с. 242 и далее; Вайнштейн О. Л. Русско-шведская война 1655—1660.— Вопросы истории, 1947, № 3, с. 72; он же. Экономические предпосылки борьбы за Балтийское море и внешняя политика России в середине XVII в.— Ученые записки ЛГУ, Т. 130, 1951, с. 157—158, 171, 180—181.

ПОЗИЦИЯ РОССИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ОТДЕЛЬНЫМ СТРАНАМ

Преобладающая часть исследователей стремилась дать ответ на вопросы более земного характера, на такие, как, например, выяснение внешнеполитических устремлений и позиций отдельных стран, вовлеченных в сферу упомянутых событий и планов, а также причинных связей, заложенных в основу внешнеполитических акций.

ОТНОШЕНИЕ РОССИИ К ЕЕ ОСНОВНЫМ ПРОТИВНИКАМ

Особенно важное место в исследованиях занимает, естественно, тема отношений России с тремя государствами, являвшимися ее основными противниками. Шведско-русские связи в начале столетия освещены прежде всего в работах О. Л. Вайнштейна, Б. Кентржинского, А. А. Арзыматова, И. П. Шаскольского и Д. Нормана. Эта же тема, по отношению ко второй половине века, была раньше всех разработана Е. Е. Замысловским и Г. В. Форстеном. Работы Форстена — это, скорее, критические обзоры источников, чем собственно аналитические труды. М. Карлон писал о войне 1656—1658 гг., а Й. Е. Нордваль — о переговорах в период вплоть до заключения Кардисского мира в 1661 г., в то время как период с 1660 по 1672 гг. был рассмотрен в книгах В. Фальборга. Наконец, К. Цернак начинает свое исследование с 1672 и доводит его до 1689 г.²⁸

²⁸ Norrman D. Gustaf Adolfs politik mot Ryssland och Polen under tyska kriget [1630—1632]. Uppsala, 1943; Поршнев Б. Ф. Франция...; он же. Тридцатилетняя война...; Вайнштейн О. Л. Экономические предпосылки...; он же. Россия и Тридцатилетняя война 1618—1648 гг. Очерки из истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII в. М., 1947; Kentschynskyj В. Östeuropeiska statssystemet...; idem. Karl X Gustaf inför krisen i öster (Karolinska Förbundets Årsbok, 1956); idem. Til den karolinska Ukrainapolitikens förhistoria (Karolinska Förbundets Årsbok, 1959); idem. Rebelldiplomati och vasallaktivism i Östeuropa vid 1600-talets mitt (Karolinska Förbundets Årsbok, 1965); idem. Ukrainska revolutionen och Rysslands angrepp mot Sverige 1656 (Karolinska Förbundets Årsbok, 1966); Арзыматов А. А. К вопросу о русско-шведских отношениях в 1618—1648 гг.; он же. Шведско-французский план Восточной коалиции

Среди историков-исследователей, бесспорно, имеет место тенденция к уделению первоочередного внимания внешнеполитическим связям в первой половине XVII в., а также истории шведского вторжения в начале столетия. Несколько меньший интерес, проявляемый к событиям конца рассматриваемого периода, объясняется, возможно, тем, что Швеция после 1648 г. становится одним из государств, чья политика характеризуется ярко выраженными общеевропейскими политическими интересами.

Отношения России с ее главным политическим противником в первой половине XVII в. описаны среди прочего в работах А. Хиршберга, В. Годзишевского, В. Собесского и Б. Н. Флори. Годзишевский и Чаплинский специально занимались историей внешнеполитических отношений этих стран в годы правления короля Владислава IV, т. е. с 1632 г. по 1648 г.²⁹

и русская дипломатия (Посольство Русселя в 1628—1631 гг.). (Киргизский государственный университет. Ученые записки исторического факультета, вып. 5, 1958); Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г....; Гадзяцкий С. С. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII в. против иноземного владычества.— Исторические записки, т. 16, 1945 (содержание гораздо шире намеченной названием книги темы); Carlon M. Ryska kriget 1656—1658. Stockholm, 1903; Nordwall J. E. Svensk-ryska underhandlingar före freden i Kardis (1658—1661). Uppsala, 1890; Замысловский Е. Е. Сношения России с Данией и Швецией в царствование Федора Алексеевича.— Русский вестник, 1889, № 1; Форстен Г. В. Политика Швеции в Смутное время.— ЖМНП, 1889, № 11; он же. Сношения Швеции с Россией в царствование Христиана IV.— ЖМНП, 1891, № 6; он же. Балтийский вопрос в XVI и XVII ст. (1544—1648 гг.), т. 1—2. СПб., 1893—1894.— Записки ист.-филол. факультета имп. СПб. университета, т. 33, 34, 1893—1894; он же. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века, 1648—1700.— ЖМНП, 1898, № 2, 4, 5, 6, а также 1899, июнь, сентябрь; Fahlborg B. Sveriges yttre politik 1660—1664. Stockholm, 1932; idem. Sveriges yttre politik 1664—1668, bd. 2. Stockholm, 1949 (Kungliga Vitterhets historie- och antikvitetsakademiens handlingar, D 68—69); idem. Sveriges yttre politik 1668—1672, bd. 2, Stockholm, 1961 (Kungl. Vitterhets historie- och antikvitetsakademiens handlingar. Hist. serien, D 7); Zernack K. Studien zu den schwedisch-russischen Beziehungen...

²⁹ Hirschberg A. Dymitr Samozwaniec. Lwów, 1898; Godziszewski W. Polska a Moskwa za Władysława IV. Kraków, 1930 (Rozprawy PAU, wydz. Hist.-Filozof., ser. 2, t. 42; 6); So-

Здесь значительную роль играют также отношения с Турцией, использовавшей в своих собственных целях русско-польское соперничество.

Однако авторы большей части литературы вопроса концентрируют свое внимание прежде всего на политических конфликтах, связанных с Украиной, и на последовавших событиях. Еще в 1869 г. К. Шайнох написал свой основной труд об истории польско-украинских отношений в 1646—1648 гг., после чего на эту тему появился настоящий поток литературы. Среди других книг здесь можно назвать монографии Л. Кубалы, Ф. П. Шевченко, В. А. Дядиченко, В. А. Голобуцкого, Б. Кентржинского, П. А. Кулиша, З. Войцика, А. Ф. Прибрама и Ч. Б. О'Брайена³⁰. Войцик охватил своими работами историю польско-

bieski W. Żółkiewski na Kremlu. Warszawa, 1920; idem. Dymitr Samozwaniec a Polska. Kraków, 1912; Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973; Czaplinski W, Wladislaw IV wobec wojny 30-letniej (1637—1645) (Rozprawy PAU, wydz. Hist.-Filozof., ser. 2, t. 70, 3, 1937); см. также обзор исследований, составленный этим же автором: Der Kampf um das Dominium maris Baltici und die baltische Politik Polens im XVII. Jh. (Acta Poloniae Historica, XXVIII, 1973).

³⁰ Szajnoch K. Dwa lata dziejów naszych, t. 1—2. Lwów, 1869; Kubala L. Wojna moskiewska w roku 1654. Warszawa, 1909; Шевченко Ф. П. Політичні та економічні зв'язки України з Росцією в середині XVII ст. Київ, 1959; Визвольна війна 1648—1654 рр. и возз'єднання України з Росцією. (Сб. стат.) / Ред. Дядиченко В. А. Київ, 1954; Голобуцкий В. А. Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Киев, 1962; Kętrzyński B., см. прим. 28; Wójcik Z. Polska i Rosja wobec wspólnego niebezpieczeństwa szwedzkiego w okresie wojny północnej 1655—1660 (Polska w okresie drugiej wojny północnej 1655—1660, tom pierwszy, rozprawy. Red. przewodn. Lepszy K. Warszawa, 1957); idem. Traktat andruszowski...; Pribram A. F. Osterreichische Vermittlungspolitik im polnisch-russischen Kriege 1654—1660 (Archiv für österreichische Geschichte, Bd. 75, 1889); O'Brien C. B. Muscovy and the Ukraine. From the Pereiaslavl Agreement to the Truce of Andrusovo, 1654—1667. Berkeley — Los Angeles, 1963 (University of California Publications in History, vol. LXXIV); Кулиш П. А. Воссоединение Руси...; Баранович А. И. Украина накануне освободительной войны середины XVII в. (Социально-экономические предпосылки войны). М., 1959; см. также: Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974.

русских связей с начала упомянутого кризиса до 1679 г.

Столь же значителен для понимания внешнеполитического положения России в середине XVII столетия двухтомный сборник статей, посвященный позиции Польши в годы Северной войны 1655—1660 гг., и монография Э. Омана об этой войне. Наконец, политика Ватикана по отношению к России, которая во многом шла рука об руку с политикой Польши, рассмотрена в труде П. Пирлинга³¹.

Как уже было упомянуто, Украина являлась на протяжении длительного времени местом, где скрещивались окрашенные национальными чувствами точки зрения русских, украинских и польских исследователей. Упреки И. В. Галактионова по адресу Войцика, сделанные им во введении к книге о польско-русских связях в 1650-х и 1660-х гг. свидетельствуют о том, что трудности такого рода еще не преодолены³².

История политики России на ее южных границах исследована среди прочих А. А. Новосельским и Н. А. Смирновым. Начиная с событий довольно локального характера, изолированных оборонительных акций 1630—1640-х гг. (т. е. в исходном пункте периода), перед нами вырисовывается картина все более активной русской политики на этом фланге, достигающей своей кульминации в период участия России в антитурецкой коалиции, сложившейся в конце века.

А. А. Новосельский сосредоточивает свое внимание на борьбе Московского государства с крымскими татарами, особенно в 1630-х и 1640-х гг., в то время

³¹ Wójcik Z. Traktat andrusowski...; idem. Między trakta-tem...; idem. Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji 1674—1679, Studium z dziejów polskiej polityki zagranicznej. Wrocław, 1976; Polska w okresie drugiej wojny północnej..., t. 1—2. Warszawa, 1957; Hauman E. La guerre du Nord et la paix d'Oliva 1655—1660. Paris, 1893; Pierling P. La Russie et le Saint-Siège. Etudes diplomatiques, vol. 3—4. Paris, 1901, 1907.

³² Галактионов И. В. Из истории русско-польского сближения в 50—60-х годах XVII века. Саратов, 1960, с. 7—8; см. также: Polon'ska-Vasylenko N. Two Conceptions of the History of Ukraine and Russia. London, 1968; Günther O. E. Der Vertrag von Perejaslav...

как Н. А. Смирнов исследует историю политики России по отношению к Турции вплоть до завершения русско-турецкой войны 1677—1678 гг. Центральная тема, рассматриваемая Смирновым,— Азовский поход 1637—1641 гг., а также война 1677—1678 гг. В этой связи следует упомянуть и его работу, посвященную политике России по отношению к Кавказу³³.

Южная политика России диктовалась в ту эпоху в известной степени весьма актуальными связями с православным Востоком, прежде всего с православным Константинопольским патриархатом, находившимся под турецким владычеством. Эти отношения исследовал Н. Ф. Каптерев³⁴.

ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К ЗАПАДНЫМ СТРАНАМ

Среди сравнительно крупных работ, посвященных отношениям России с западными державами, следует назвать исследование И. И. Любименко о торговых и политических связях между Россией и Англией с эпохи их зарождения до царствования Петра Великого³⁵. Ее работа написана на основе матери-

³³ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., 1948; Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. 1—2; он же. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. М., 1958; Leitsch W. Sultan Achmed I und Michail Romanov im Jahre 1614. Der Beginn einer neuen Epoche in der russisch-türkischen Beziehungen (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Bd. 4, 1956); Bartl P. Der Kozakenstaat und das Osmanische Reich im 17. und der ersten Hälfte des 18. Jh. (Südostforschungen, Bd. 33, 1974); Baranowski B. Tatarszczyzna wobec wojny polsko-szwedzkiej w latach 1655—1660 (Polska w okresie drugiej wojny północnej, t. 1); Апанович О. М. Запорізька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії 50—70-і роки XVII ст. Київ, 1961; см. также предисловия и введения в: Allen W. E. D. (ed.). Russian Embassies to the Georgian Kings (1589—1605), vol. 1. Cambridge, 1970 (Works issued by the Hakluyt Society, second series, 138); Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел, вып. 1-й, 1578—1613 гг. / Ред. Белокуров С. А. М., 1889, с. III—СХХІХ.

³⁴ Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII ст.

³⁵ Lubimenko I. I. Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand.

лов как российских, так и английских архивохранилищ. Попытка Франции воздвигнуть плотину на пути Габсбургов привела к серии русско-французских политических контактов, историей которых в не столь отдаленное время занимался В. Д. Преображенский (не внеся, впрочем, в историографию вопроса ничего решительно нового), а позже — Г. Жордания и Ф. Грёненбаум, выступившие с более значительными работами ³⁶.

Позиция Бранденбурга в борьбе за Балтийское море стала предметом исследований вначале Г. В. Форстена, затем ему последовали такие ученые, как А. фон Хеденстрём, К. Форштройтер и др. Первый из них ставил своей целью дополнить публикацию В. Эрдманнсдёрфера (архивные документы из Берлинского архива) материалами из Московского архива ³⁷.

Русско-австрийские отношения в период с начала XVII в. до 1654 г. были исследованы В. Ляйчем, который в определенном смысле продолжил работу Х. Юберсбергера, посвященную периоду до 1605 г. Второй том труда Ляйча, где должно было подвергнуться анализу историческое развитие антитурецкого сотрудничества Москвы и императора во второй половине столетия, еще не опубликован ³⁸.

³⁶ Преображенский В. Д. Франко-русские отношения в XVI—XVII вв. Ч. 1—2 (Ярославский государственный педагогический институт. Ученые записки, вып. 7 (17), 1945, История; вып. 9 (19), 1947, История СССР); Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII в. Ч. 1—2; Grönebaum F. Frankreich in Ost- und Nordeuropa. Die französisch-russischen Beziehungen von 1648—1689. Wiesbaden, 1968 (Quellen und Studien zur Geschichte der östlichen Europa, Bd. 2).

³⁷ Форстен Г. В. Балтийский вопрос...; см. также статью без подписи в ЖМНП за июнь 1900 г.; Hedenström A. v. Die Beziehungen zwischen Russland und Brandenburg während des 1. Nordischen Krieges 1655—1660. Marburg, 1896; Forstreuter K. Preussen und Russland von den Anfängen des deutschen Ordens bis zu Peter dem Grossen. Göttingen, 1955 (Göttinger Bausteine zur Geschichtswissenschaft, Bd. 23).

³⁸ Leitsch W. Moskau und die Politik des Kaiserhofes...; Übersberger H. Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Wien — Leipzig, 1906.

Нидерландско-русские отношения определялись в первую очередь торгово-политическими интересами этих стран. На протяжении длительного периода эти связи становились предметом исследования во многих работах, последняя из которых принадлежит М. И. Белову³⁹. В. А. Кордт в обширном введении к своей публикации реляций нидерландского посольства в России в 1630—1631 гг. обрисовал общую картину русско-голландских связей вплоть до 1631 г.⁴⁰

Отношения России и Дании/Норвегии всегда находились в тени отношений России со Швецией и Польшей и этими отношениями определялись. Данная политическая ситуация была рассмотрена в последней по времени выхода в свет работе обзорного характера норвежского ученого К. Сельнеса, созданной на основе и ряда собственных исследований автора, вышедших ранее в виде отдельных статей.

Схожий по форме обзор, но касающийся исключительно дипломатических связей, опубликовал с датской стороны К. Расмуссен. Задолго до него русские ученые Е. Е. Замысловский и Г. В. Форстен издали капитальную подборку материалов по той же теме⁴¹. Матримониальные проекты датского и русского дворов на протяжении столетия (в особенности планы,

³⁹ Белов М. И. Россия и Голландия в последней четверти XVII в.

⁴⁰ Кордт В. А. Донесения посланников республики Соединенных Нидерландов при русском дворе. Отчет Альберта Бурха и Иогана ван Фельдтриля о посольстве их в Россию в 1630 и 1631 гг. с приложением очерка сношений Московского государства с республикою Соединенных Нидерландов до 1631 г. СПб, 1902 (Сб. имп. Русского Исторического Общества, т. 116; см. также: Scheltema J. Rusland en de Nederlanden, bd. 1—3. Amsterdam, 1817—1819.

⁴¹ Selnes K. Norge-Russland, grannefolk gjennom tusen år. Oslo, 1972; кроме того, см. различные статьи К. Сельнеса и С. О. Кристенсена в журнале «Скандо-Славика»; Rasmussen K. Historie og diplomati (Dansk-russiske forbindelser gennem 500 år. Tre afhandlinger. København, 1964); Замысловский Е. Е. Сношения России с Данией и Швецией в царствование Федора Алексеевича; Форстен Г. В. Сношения Дании с Россией в царствование Христиана IV; он же. Датские дипломаты при Московском дворе во второй половине XVII века.— ЖМНП, сентябрь, ноябрь, декабрь 1904; он же. Балтийский вопрос...

касавшиеся Вальдемара Кристиана) входили, как указывали в своих трудах В. Чаплинский, а также Б. Ф. Поршневу, в число проблем большой политики рассматриваемой эпохи⁴². Из датских ученых эту проблему разрабатывал К. Нюроп, из русских — А. П. Голубцов и Д. Цветаев. Подробно рассматривал историю упомянутых планов и Лудольф Мюллер⁴³.

Наконец, история русско-датских отношений в первой половине XVII в. была описана и проанализирована также в диссертации Дитмара Клозе, где четко выделены негативные моменты во внешнеполитических отношениях этих двух стран⁴⁴.

ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К СТРАНАМ АЗИИ

Обратив взгляд на Восток, мы увидим, что присоединение Сибири привело Россию к налаживанию связей с Китаем и сделало необходимым какое-то урегулирование отношений между обеими странами. Задача эта была решена при заключении Нерчинского договора в 1689 г. В. Г. Щебенков и П. Т. Яковлева изложили историю русско-китайских связей в XVII в., тогда как Г. Каэн ограничился в своем исследовании периодом 1689—1730 гг., т. е. годами, в которые внешнеполитическое сотрудничество между Россией и Китаем было особенно интенсивным⁴⁵.

⁴² Czaplinski W. Władisław IV...; Поршневу Б. Ф. Франция, Английская революция...

⁴³ Nyrop C. Nogle Oplysninger om Grev Valdemar Kristians Ruslandsfaerd 1643—1645. København, 1891 (saertryk af Historisk Tidsskrift, 6. R., Hf. 3); Голубцов А. Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891; Цветаев Д. Протестанство и протестанты в России. М., 1890; Müller L. Die Kritik des Protestantismus in der russischen Theologie vom 16. bis zum 18. Jahrhundert (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse, 1951, 1), S. 41—46 et passim.

⁴⁴ Klose D. Dänemark und der Moskauer Staat bis ins 17. Jahrhundert. Darmstadt (неопубликованная рукопись магистерской диссертации, оконченной после 1964 г.).

⁴⁵ Mancall M. Russia and China: Their Diplomatic Relations to 1728. Cambridge, 1971. Щебенков В. Г. Русско-китайские отношения в XVII в. М., 1960; Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. М., 1958; Cahen G. Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand

Дж. Себес в своей диссертации сосредоточился исключительно на русско-китайских переговорах; предшествовавших заключению Нерчинского договора. Для его работы, охватывающей период непосредственно до и после этого события, главным источником послужили дневники иезуита-переводчика ⁴⁶.

Связи с Индией носили прежде всего торгово-политический характер. Исследование их истории всерьез началось с составления А. Ф. Малиновским в 1837 г. перечисления обменов посольствами между Россией и Индией, а также связей посредством торговых караванов ⁴⁷. П. М. Кемп и О. Ф. Соловьев стали авторами соответственно общего обзора истории русско-индийских связей и обзора исследований, которые были посвящены этому сюжету ⁴⁸.

История политических отношений между Османской империей и Персией, а также позиция Московского государства по отношению к этим двум державам занимает известное место в работах Б. Ф. Поршнева, посвященных российской внешней политике в 1630-х и 1640-х гг. А. П. Новосельцев исследовал политику России в Персии в первой половине XVII в. ⁴⁹

(1689—1730); см. также: Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969; Baddeley J. F. *Russia, Mongolia, China. Being some record of the relations between them from the beginning of the XVIIth century to the death of the Tsar Alexei Mikhailovich A. D. 1602—1676. Rendered mainly in the form of narratives dictated or written by the envoys sent by the Russian Tsars or their voevodas in Siberia to the Kalmuk and Mongol Khans & Princes; and to the Emperors of China. Vol. 1—2. New York, 1964 (reprint).* Это монументальное издание является прежде всего публикацией источников, но содержит также в своих комментариях к источникам элементы исследования.

⁴⁶ Sebes J. *The Jesuits and the Sino-Russian Treaty of Nerchinsk (1689); The Diary of Thomas Pereira.* Rom, 1961 (Bibliotheca Instituti Historici Societatis Iesu, vol. 18).

⁴⁷ Малиновский А. Ф. Известие об отправлениях в Индию российских посланников, гонцов и купчин с товарами и о приездах в Россию индейцев.

⁴⁸ Кемп Р. М. *Bharat-Rus. An Introduction to Indo-Russian Contacts and Travels from Medieval Times to the October Revolution.* Iscus Delhi, 1958; Соловьев О. Ф. *Из истории русско-индийских связей.* М., 1958.

⁴⁹ Поршнев Б. Ф. *Франция, Английская революция...*

ИНОСТРАНЦЫ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Эта сторона внешнеполитических связей России, не будучи непосредственно связанной с историей дипломатии, является, как было сказано выше, второй важной исследовательской темой. В числе наиболее глубоко разработанных сюжетов в этой области можно назвать историю деятельности иностранцев и их позиции в экономической и социальной жизни Московского государства. Основным в конечном счете стимулом, далеко продвинувшим исследование этой темы, был, безусловно, вопрос о том, насколько велика роль, которую иностранцы сыграли в модернизации Московского государства.

В данной области научных изысканий заслуживают упоминания монографии Е. Амбургера о деятельности семьи Марселисов и о найме рабочей силы за рубежом, а также сочинение С. И. Елагина о роли иностранцев в создании русского флота⁵⁰. Большая статья, написанная с точки зрения историка Дании, темой которой является роль датчан в создании Азовского флота, принадлежит К. Расмуссену⁵¹.

Интерес, который проявляли за рубежом к возможности организации транзитной торговли с Востоком посредством российских внутренних водных путей,

Новосельцев А. П. Русско-иранские отношения в первой половине XVII в.— В кн.: Международные связи...; Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг. (по русским архивам). М., 1976.

⁵⁰ Amburger E. Die Anwerbung ausländischer Fachkräfte für die Wirtschaft Russlands vom 15. bis ins. 19. Jahrhundert. Wiesbaden, 1968 (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens, Bd. 42) (Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen, Reihe I); *idem*. Die Familie Marselis; Елагин С. И. История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864.

⁵¹ Rasmussen K. Danske i den azovske flåde 1696—98 (Historisk tidsskrift, 12. række, 1, bind, 4. hefte); Коваленко Г. М. О деятельности датского резидента Генриха Бутенанта в России.— В кн.: Вопросы истории Европейского Севера (Межвузовский научный сборник)/Отв. ред. Кляйвяряйнен И. И. Петрозаводск, 1976; см. также: Ивина Л. И. Об участии датского резидента Бутенанта фон Розенбуша в строительстве русского флота в конце XVII в.— В кн.: Исторические связи Скандинавии и России (IX—XX вв.). Л., 1970, с. 105—111.

послужил причиной для сочинения Олеарием его знаменитой, оказавшей большое влияние на позднейших авторов книги⁵². Эта глава из истории роста интереса западноевропейцев к России неоднократно становилась предметом исследований таких историков, как Х. Маттисен, Х. Келленбенц и др.⁵³ Более широкие научные задачи поставил перед собой С. Ф. Платонов, автор небольшого труда об отношениях Москвы и Запада, а также А. Брикнер — в своем сочинении о русских людях за рубежом и иностранцах в России⁵⁴.

История крайне переменчивого и зыбкого существования в Московском государстве евангелических общин описана А. В. Фехнером, А. Амбургером, В. Калем, Э. Ч. Дайном, А. П. Голубцовым и Д. Цветаевым и другими авторами⁵⁵. Идея одного чрезвычайно влиятельного иностранца, как и деятельность его в России, до сих пор представляют исследователям материал для новых изысканий. Речь идет о Юрии Крижаниче, «отце панславизма»⁵⁶.

⁵² Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. М., 1870.

⁵³ Mattiesen H. Die Versuche zur Erschliessung eines Handelsweges Danzig-Kurland-Moskau-Asien, besonders für Seide, 1640—1655 (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Bd. 3, 1938); Kellenbenz H. Marchands en Russie aux XVIIe et XVIIIe siècles, vol. 1—2; idem. Der russische Transithandel mit dem Orient im 17. und zu Beginn des 18. Jh.

⁵⁴ Платонов С. Ф. Москва и Запад. Берлин, 1926; Брикнер А. Kulturhistorische Studien, Bd. 1: Die Russen im Auslande im 17. Jahrhundert; Bd. 2: Die Ausländer in Russland im 17. Jahrhundert. Riga, 1878.

⁵⁵ Fechner A. W. Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau, Bd. 1—2. Moskau, 1876; Amburger E. Geschichte des Protestantismus in Russland. Stuttgart, 1961; Цветаев Д. Протестантство и протестанты в России; Голубцов А. П. Прения о вере...; Kahle W. Aufsätze zur Entwicklung der evangelischen Gemeinden in Russland. Leiden — Köln, 1962 (Ökumenische Studien, 4); Duin E. C. Lutheranism under the Tsars and Soviets, s. 1. et å. (Originalpublikation fra University Microfilms International).

⁵⁶ См. следующие обзоры исследовательских работ: Гольдберг А. Л. Историческая наука о Юрии Крижаниче.— Ученые записки ЛГУ, т. 117, 1949; он же. Новое о Юрии Крижаниче.— Вопросы истории, 1973, № 5; см. также: Juraj Križanič (1618—

ВЗАИМНАЯ ОЦЕНКА ДРУГ ДРУГА РУССКИМИ И ИНОСТРАНЦАМИ

Взаимное восприятие и мнения друг о друге русских и западноевропейцев стали предметом довольно большого числа исследований. Новейшими в литературе вопроса являются две монографии М. А. Алпатова, где автор доводит свое исследование обеих научных проблем хронологически до 1730-х гг.⁵⁷ Но если труды Алпатова основаны на материалах об отдельных авторах XVII в., то классическое сочинение В. О. Ключевского, посвященное свидетельствам иностранцев о Московском государстве, охватывает всю тему целиком. Тем не менее необходимо сразу же заметить, что основная научная задача Ключевского состояла не в том, чтобы подвергать указанные частные мнения анализу, но в том, чтобы выявить тот источник достоверных сведений, который мог служить основой для рассказов иностранцев⁵⁸.

Другие сочинения на ту же тему — небольшая работа Т. Дж. Г. Лохера об изменениях в представлениях западноевропейцев о России после XVII в., специальные труды Г. фон Рауха и М. Вельке о том, как воспринималась Россия в Германии, и, наконец, статья М. С. Андерсона, где исследованы различные мнения англичан по отношению к русским в XVII в.⁵⁹

1683) *Russophile and Ecumenic Visionary. A Symposium*. Eds. Eckman T., Kadic. Hague — Paris, 1976 (Slavistische drucken en herdrukken, 292).

⁵⁷ Алпатов М. А. *Русская историческая мысль и Западная Европа (XII—XVII вв.)*. М., 1973; он же. *Русская историческая мысль. XVII — первая четверть XVIII века*. М., 1976.

⁵⁸ Ключевский В. О. *Сказания иностранцев о Московском государстве*. Пгд., 1918.

⁵⁹ Locher Th. J. G. *Das abendländische Russlandsbild seit dem 16. Jahrhundert*. Wiesbaden, 1965 (Institut für europäische Geschichte. Mainz. Vorträge, 40); Rauch G. v. *Wandlungen des deutschen Russlandsbildes (Deutsch-russische Nachbarschaft. Das IV Barsinghausener Gespräch*. Herausg. Barnick J. F. (1959). Stuttgart — Degerloch, 1959); Welke M. *Russland in der deutschen Publizistik des 17. Jh. (1613—1689)* (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 23, 1976); Anderson M. S. *English Views of Russian in the 17th Century* (Slavonic and East European Review, 33, 1954—1955); Stöckl G. *Die historischen Grundlagen des russischen Deutschlandbildes (Studien zum Deutschtum im Osten, H. 12, 1976)*.

Культурные связи на протяжении рассматриваемого периода в целом освещены в объемном и неоднократно становившемся объектом критики труде по истории российской культуры Дж. Биллингтона⁶⁰. Новый аспект в исследовании мнений, складывавшихся в Западной Европе о России, изложил Ю. А. Лимонов, интересовавшийся значением русских хроник для зарубежных сочинений той эпохи об истории России. Ученый указывает между прочим, что «Краткая история Московии...» Джона Мильтона опосредованно выстроена на материале русских хроник⁶¹.

⁶⁰ Billington J. H. *The Icon and the Axe. An Interpretive History of Russian Culture.* New York, 1970.

⁶¹ Лимонов Ю. А. *Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII вв.* М., 1978. Последнее издание упомянутого труда: Milton J. *A Brief History of Moscovia and other Less-known Countries Lying Eastward of Russian as Far as Cathay.* Norwood, 1975.

СМУТА

Во многих системах исторической периодизации Смутное время (или просто Смута) выводится из основного хронологического русла событий XVII в. вовне — традиция, источник которой, как считает большинство историков, следует искать в 1613 г., когда на престол вступила новая династия. То, что Смутное время выделяется в данном труде в отдельную тему, не нужно рассматривать в качестве поддержки сторонников той или иной системы периодизации. Это, напротив, отражение того факта, что Смута чаще всего выступала в историографии именно в качестве отдельной, четко отграниченной от других тем.

ПРИЧИНЫ, ВЫЗВАВШИЕ СМУТУ, ЕЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Современники Смуты рассматривали события, свидетелями которых они были, оценивали источник всех бед, поразивших в эту эпоху русское общество как кару, постигшую людей за их безбожную и исполненную грехами жизнь, — объяснение, которое, конечно, вряд ли может удовлетворить их потомков.

Моральный упадок

Тем не менее вполне можно утверждать, что известные следы этой точки зрения еще видны в попытке С. М. Соловьева решить проблему причин, вызвавших эту великую катастрофу. Исходя из последовательного общераспространенного в его эпоху философского идеализма, он сделал вывод о том, что

причины рассматриваемого кризиса коренились во всеобщем моральном разложении, поразившем как новых властителей на древнем троне Рюриковичей, так и весь народ в целом.

Это выразилось, согласно Соловьеву, в том, что каждый стал думать только о собственных интересах. Триумф подобного эгоизма привел, согласно теории ученого, в действие вторичный фактор — казаки получили возможность активно проводить антигосударственную игру. Тенденции, которые в изложении Соловьева вели к распаду государственного единства, рассматриваются у него в качестве проявления хаотических сил и клеймятся печатью аморальности¹.

Реакция народа на узурпацию трона

Против теории С. М. Соловьева резко выступил К. С. Аксаков. Такого рода речи о моральном разложении народа были для уха славянофила-популиста нестерпимы. Согласно Аксакову, Смута была вызвана узурпированием царского трона, народное же движение стало выражением требования масс передачи престола законной династии. Таким образом, народ не являлся, если следовать версии Соловьева, антигосударственной силой². Проблема законности власти новой династии являлась составной частью системы, на основе которой строил свои выводы и В. О. Ключевский. Идея патримониального характера царской власти настолько укрепилась в народе, что он не мог принять выборного государя, и, лишь когда удалось найти царя с дальними родственными связями по отношению к вымершей династии, появилась надежда, что корень этот даст новые ростки³.

Интриги католиков

Н. И. Костомаров поместил на первое место совершенно иную, третью причину Смуты. Он карди-

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 4. М., 1960, с. 388—391.

² См.: Пичета В. И. Смута и ее отражение в трудах историков, с. 17—18.

³ Ключевский В. О. Сочинения, т. 3, с. 50—54, 59.

нально упростил вопрос, сведя истоки волнений к проблеме интриг католической церкви, а также политического вмешательства Польши, т. е. если бы не было Лжедмитрия, то не разразилась бы и Смута⁴.

Современный же автор Дж. Биллингтон польскую интервенцию в качестве причины Смуты, естественно, прямо не признает, однако тем не менее существенное место в его характеристике периода Смуты занимает именно конфликт между находившимся под влиянием католиков-иезуитов Зигмунтом III Польским и Россией, государством, чьи политические и идеологические основы были в значительной мере потрясены на протяжении последних лет правления Ивана Грозного. И этот момент подчеркивается автором весьма энергично — он прямо говорит о религиозной войне. В интерпретации Биллингтона тема католицизма приобретает значительный вес, поскольку столкновение между обеими державами происходит именно в тот момент, когда Россия начала ориентироваться на внешний мир. И конфликтная ситуация этих лет, в которой по одну сторону стояла Россия, а по другую — католицизм, рассматривается Биллингтоном как решающая в отношении более поздней эпохи, когда в поисках контактов с Западом Москва обращалась прежде всего к протестантским государствам Европы⁵.

Противоборство двух принципов

И. Е. Забелин — единственный ученый, который рассматривал Смуту как борьбу между стадным и национальным принципами. Представителем стадного принципа являлась старая аристократия, которая жертвовала национальными интересами во имя собственной власти. И если борьба между упомянутыми двумя принципами стала существенным содержанием Смуты, то сам ход ее превратился в дворцовую азартную игру, где ставкой было царское достоинство⁶.

⁴ Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Т. 3. Московское разорение. СПб., 1868, с. 326 и далее.

⁵ Billington J. H. The Icon and the Axe..., p. 102—106.

⁶ Забелин И. Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые

Некоторые из выводов В. О. Ключевского развивают эту мысль дальше. По его мнению, боярская аристократия ухватилась за возможность, которая ей представлялась (поскольку прежняя династия угасла), чтобы попытаться восстановить позиции власти бояр и думы, которые сильно ослабли в период опричнины. В результате этой борьбы бояре потерпели крах; они утратили свое влияние, которое перешло к дворянской прослойке⁷.

Социальные конфликты

Объяснение социальными причинами Смуты, безусловно, относится к числу самых распространенных. Оно встречается уже у Н. И. Костомарова, хотя этот историк и отводил ему в причинно-следственной иерархии ступень второго ранга. Согласно Костомарову, крепостное право, а также положение крестьян в целом обусловили бегство последних в приграничные области и поддержку ими войска Дмитрия, поскольку таким путем они надеялись добиться улучшения своего положения. В исследовательской модели В. О. Ключевского социальные истоки Смуты также занимали значительное место. Этот ученый полагал, что общество той эпохи находилось в состоянии социальной неустойчивости и что отдельные сословия стремились установить равновесие между обязанностями и привилегиями — на уровне различных сословий и во взаимоотношениях последних с царской властью.

Борьба с феодалами

Мысли Ключевского относительно социальных конфликтов в обществе как главной причины Смуты развил С. Ф. Платонов. Невыносимо тяжелое эко-

в Смутное время. М., 1896; см.: Пичета В. И. Смута и ее отражение в трудах историков, с. 21—22; ср. с точкой зрения А. П. Шапова, приводимой в: Mazour A. G. *Modern Russian Historiography*. Westport — London, 1975, p. 166.

⁷ Ключевский В. О. Сочинения, т. 3, с. 50, 70 и далее; ср.: Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время.) СПб., 1910.

номическое положение сельского населения превратило крестьян в чрезвычайно легковоспламеняющийся социальный элемент, который готов был вспыхнуть при первой же возможности. Согласно Платонову, это обстоятельство не должно заслоняться тем фактом, что в начальной стадии Смуты центральное место в волнениях занимал конфликт между аристократией и «служилыми» (т. е. прослойкой находившихся на государственной службе лиц дворянского и недворянского происхождения). То, что внутренняя борьба в среде господствующего класса не представляла собой главного противоречия, подтверждается тем, продолжает ученый, что, как только развернулась всеобщая классовая борьба, упомянутый внутренний конфликт сразу же сменился известным единомыслием.

Таким образом, в концепциях как Ключевского, так и Платонова Смута представлена в виде движения, которое зародилось в верхах общества и постепенно втягивало в свою орбиту все более широкие слои населения⁸. Но, как было сказано, основополагающими моментами для Платонова здесь остаются следующие: государственная политика привела к такому разрастанию прослойки государственных служащих, которое делало положение крестьян столь невыносимым и заставило их (причем в большинстве своем) предпочесть зыбкое существование беглых пребыванию в качестве помещичьих крестьян⁹; подобная государственная политика являлась реакцией на социальный и политический кризис XVI в., и такая реакция наступила бы даже без тех внешних

⁸ Ключевский В. О. Сочинения, т. 3, с. 29—48, 59; Костомаров Н. И. Смутное время..., т. 3, с. 335 и далее; Mazour A. G. *Modern Russian Historiography*, p. 139—140; Платонов С. Ф. Очерки..., с. 535—536, 602; Рубинштейн Н. Л. Русская историография, с. 505; ср. точку зрения В. И. Пичеты, изложенную в: Очерки истории исторической науки в СССР, с. 296.

⁹ Platonov S. F. *The Time of Troubles. A Historical Study of the International Crisis and Social Struggle in Sixteenth- and Seventeenth-Century Muscovy*. Lawrence etc., cop. 1970, p. 26—27, 42, 71—72; Платонов С. Ф. Очерки..., с. 150—155, 157—158, 170—171.

поводов, источником которых стали династические осложнения¹⁰.

Данная основополагающая точка зрения относительно социальных истоков Смуты сохранила во всех существенных своих чертах жизнеспособность и в советской историографии последнего времени. Но там, где у Платонова политические и социальные аспекты рассматриваются как более или менее равноценные для науки элементы, советский историк И. И. Смирнов отдает предпочтение социальным. В своей монографии о восстании Болотникова в 1606—1607 гг. этот ученый на центральное место выдвигает классовую борьбу крестьян против эксплуатировавших их феодалов. Это означает, что как политический кризис в среде господствовавшего класса, так и иностранная интервенция априори рассматриваются здесь в качестве факторов, которые лишь способствовали антифеодальной борьбе¹¹.

Борьба с торговым капиталом

Таким образом, если, согласно выводам Смирнова, борьба народных масс была направлена против землевладельческого господствующего класса, то Н. Н. Фирсов в своем варианте анализа этой социальной темы сводит значение крестьянской революции к вопросу о имевшей место реакции на развитие торгового капитала¹².

Выступление против «класса служилых»

Освещение данной социальной темы, проведенное Н. А. Рожковым, резко отличается от вышеупомянутых. Согласно с положениями П. Н. Милюкова, он отводит центральную роль в Смуте среднему сословию, или «служилой» прослойке. Однако если Милюков представляет эту прослойку в качестве объекта политического давления бояр сверху, а низшего класса — снизу и одновременно стабилизирующего

¹⁰ Платонов С. Ф. Очерки..., с. 174—175, 236—237, 320.

¹¹ Смирнов И. И. Восстание Болотникова..., с. 493—494.

¹² Фирсов Н. Н. Крестьянская революция на Руси в XVII в., с. 12—13 и далее в различных местах.

фактора, который и вывел страну из состояния хаоса, то Рожков рассматривает Смуту как дворянскую революцию.

Выступление самого «класса служилых»

Другими словами, движущей силой в рассматриваемых событиях был сам «класс служилых»; он же и добился победы. Что же касается роли, которую сыграли крестьянские массы, то Рожков основывает свои рассуждения на том, что крестьяне поддерживали дворянское движение, имея перед собой цель сохранения самодержавия, но при условии отмены личного крепостного права¹³.

¹³ М и л ю к о в П. Н. Очерки... Ч. 3, вып. 1, изд. 2-е. СПб., 1903, с. 77—85; ср.; П л а т о н о в С. Ф. Очерки..., с. 536—537; Очерки исторической науки в СССР, т. 4, с. 295; Р о ж к о в Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 4, ч. 2. Пгд., 1922, с. 5—6.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

По мере того как мы продвигаемся по пути исторического развития, естественно, появляется все больше письменных источников, из которых можно черпать разнообразную информацию. Сам процесс этот не может не оказывать известного влияния на политику публикации источников. В то время как издателям нередко предоставлялась возможность полностью публиковать материалы целого архива, относящегося к давно прошедшим столетиям, то для XVII в. подобный метод применяется не столь часто, он заменяется различными формами выборочных или частичных публикаций, а также изданием сборников регестов. Выбор материала может производиться различными способами. В своей простейшей форме он предусматривает издание архивных единиц хранения в виде выдержек, поскольку они представляются слишком объемными для полной их публикации (например, таможенные книги). Другой способ представляет собой использование принципов происхождения и принадлежности материала в их сочетании. Согласно данному методу в каком-либо архиве, содержащем материал единого происхождения, отбираются источники, относящиеся к отдельной теме из тех, что входят в область (специфику) этого архива. Третья методика состоит в использовании принципа тематической принадлежности в его чистом виде, когда источники по определенной теме издаются вне зависимости от их архивного происхождения.

Нижеследующий обзор опубликованных источников разработан в главных своих чертах в соответствии с принципом происхождения. Так, здесь имеется раздел, посвященный источникам, чье происхождение

определяется как соответственно государственное, церковное и частное. Однако отчасти нами применен также и другой принцип происхождения (имеется в виду место издания) — в особенности это касается последней группы рассмотренных источников. Между тем часть публикаций источников с ярко выраженной принадлежностью к единым темам разбирается здесь в специальном разделе. Наконец, что касается публицистической и мемуарной литературы, то по отношению к такого рода источникам нередко становится нецелесообразным или невозможным рассмотрение их согласно принципу архивного происхождения, в связи с чем о них также здесь пойдет речь в специальном разделе главы.

Когда возникает необходимость в использовании какого-либо обзора опубликованных источников, то, помимо общих или исторических библиографических изданий, обнаруживается ряд специальных вспомогательных пособий. Данные по публикациям источников на русском языке, предпринятым в период с 1825 по 1880 г., вошли с большой полнотой в библиографию, разработанную для использования в филологических дисциплинах. Точно так же публикации Археографической комиссии отражены в каталоге, охватывающем период с 1836 по 1918 г.¹

В книге С. Н. Валка о советской археографии содержится обзор материалов, которые публиковались в период с 1917 г. и кончая годами второй мировой войны. Этот обзор дополняется работой, посвященной публикаторской деятельности советских архивов с 1917 по 1960 г. Последнее издание содержит, вопреки своему названию, также данные о публикациях источников, изданных и не архивами².

¹ Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год./Гл. ред. Виноградов В. В. Вып. 5. Памятники русского языка. М., 1957; вып. 7. М., 1958 (в последнем имеется раздел по украинским и белорусским источникам); Подробный каталог изданий Археографической комиссии, вышедших в свет с 1863 по 1918 год. Пгд., 1918.

² Валк С. Н. Советская археография. М., 1948; Каталог сборников документов, изданных архивными учреждениями СССР./Ред. Логинова А. И. и Яковлев Л. И. М., 1961; это издание продолжается в виде серии выходящих раз в четыре года сжатых архивных библиографий: Каталог архивоведческой литературы

Текущая библиография публикаций вначале отражалась в Археографическом ежегоднике, но в последние десятилетия оттуда исчезла³. В различных энциклопедиях и справочной литературе имеются легкодоступные, но, как правило, весьма общие сведения о содержании наиболее используемых публикаций источников⁴.

В публикациях источников по истории Белоруссии весьма широко затронута также история русская, литовская и украинская. Н. Н. Улащик и З. Ю. Копысский составили обзоры таких публикаций, принятых в период с 1824 по 1971 г.⁵ Публикации источников по истории Украины вошли в библиографию, охватывающую период с 1917 по 1968 г.⁶

Наконец нужно упомянуть, что имеются также библиографии публикаций и источниковедческих работ, посвященных отдельным категориям источников, например хроникам⁷. Если же нужны библиографии

и сборников документов (1960—1963)./Под ред. Фирсова И. Н. М., 1964; Лебедев Г. П. Каталог архивоведческой литературы и сборников документов (1964—1967 гг.) М., 1970; дальнейшие издания не верифицировались. Последние библиографии охватывают публикации Академии наук СССР лишь в известном объеме, поэтому работа с ними должна дополняться сверкой с ежегодником: Библиография изданий Академии наук СССР. М.— Л., 1957 и далее. Наконец, следует назвать сравнительно недавно начавшее выходить издание по текущей библиографии: Советская археология. Каталог научно-методической литературы и сборников документов (1971—1973), вып. 2. М., 1976.

³ Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958 (издание продолжается).

⁴ Советская историческая энциклопедия; Справочники по истории дореволюционной России. Библиография./Под ред. Зайончковского П. А. М., 1971; Справочник сокращений, принятых в исторической литературе./Под ред. Тихомирова М. Н. М., 1964.

⁵ Улащик Н. Н. Очерки по археологии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973 (охватывает годы публикаций с 1824 по 1940); Копысский З. Ю. Сборники документов по истории Белоруссии, изданные в БССР (1921—1971).— Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975.

⁶ Радянські видання документальних матеріалів з історії України (1917—1968). Бібліографічний покажчик./Під відп. ред. Хуржія І. О. Київ, 1970.

⁷ Дмитриева Р. П. Библиография русского летописания. М.— Л., 1962; продолжена в: Казакевич А. Н. Советская

публикаций источников по специальным темам или относящихся к особым категориям, то можно воспользоваться несколькими новыми перечнями библиографий, прекрасно дополняющими друг друга⁸. Поиски данных о западных публикациях источников к истории России следует вести в соответствующих общих и специальных библиографиях.

ИСТОЧНИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Среди письменных материалов, источником которых явилось государство, следует в первую очередь назвать законы и указы. Затем следуют корреспонденция и делопроизводство центральной и местной администрации. Наконец, есть группа таких источников, как, например, регулярно составлявшиеся ведомости о событиях при царском дворе.

Законы, трактаты

Крупнейшим собранием законодательных материалов является задуманное как полное собрание законов Российской империи издание, которое выходило по инициативе и при деятельном участии М. М. Сперанского с 1828 по 1830 г. Первые три тома этого собрания посвящены XVII в. начиная с 1649 г. и содержат среди прочих материалов крупнейшую кодификационную разработку эпохи — Соборное уложение⁹. К другим типам опубликованных здесь источников относятся дополнения к издан-

литература по летописанию (1960—1972).— Летописи и хроники 1976 г. М., 1976.

⁸ История СССР. Аннотированный перечень русских библиографий, изданных до 1965 г./Ред. Фрадкина З. Л. М., 1966; Кандель Б. Л. и др. Русская художественная литература и литературоведение. Указатель справочно-библиографических пособий с конца XVIII века по 1974 год. М., 1976.

⁹ Полное собрание законов Российской Империи. (Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.). Т. 1—45. СПб., 1830. Относительно регистров и др. см. в: Справочники по истории дореволюционной России. Библиограф. указатель./Ред. Зайончковский П. А. М., 1978; новое издание Соборного уложения: Тихомирнов М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. Учебное пособие для высшей школы. М., 1961.

ным законам, так называемые новоуказные статьи, царские указы, боярские приговоры, а также комбинации (именной указ с боярским приговором). Далее, в этом собрании находится большое количество жалованных грамот.

Изданием этим следует пользоваться с осторожностью, поскольку оно было составлено без соблюдения принципов текстуальной критики; ряд имен собственных и топографических наименований, а также даты неоднократно повторяются в различных написаниях. Кроме того, издание далеко не обладает той полнотой охвата материала, на которую претендовало. Поскольку оно к тому же композиционно выстроено по хронологическому принципу, то, исходя из этого, можно рекомендовать при работе с ним сверяться с какой-либо из современных публикаций, где источники расположены по признаку тематической принадлежности¹⁰.

Первое крупное собрание текстов договоров России с иностранными державами было опубликовано Ф. Мартенсом в конце прошлого века. В него вошло большинство трактатов, заключенных в период между 1648 и 1906 гг.¹¹ Многие из этих договоров можно обнаружить, естественно, и в собраниях трактатов соответствующих стран¹².

Деятельность центральной и местной администрации в ее всевозможных сферах отражена в длинном ряде писем, которые опубликованы в крупных, смешанного характера собраниях источников за определенные хронологические периоды русской истории. Здесь стоит упомянуть «Акты исторические», «Дополнения к Актам историческим», «Акты, собранные Археографической экспедицией», «Акты, отно-

¹⁰ Серия «Памятники русского права» содержит три тома по XVII в.: вып. 5: Памятники права периода сословно-представительной монархии, первая половина XVII века. М., 1959; вып. 6: Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. М., 1957; вып. 7: Памятники права периода создания абсолютной монархии, вторая половина XVII в. М., 1963.

¹¹ Martens F. de. Recueil des traités et conventions conclus par la Russie avec les puissances étrangères, 15 vols. SPb., 1847—1909.

¹² См., напр.: Moerner Th. v. Kurbrandenburgs Staatsverträge von 1601 bis 1700. Berlin, 1867.

сящиеся к истории Западной России», «Архив Юго-Западной России», «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России»¹³.

Правовые документы

Другой тип документов относится к юридическим делам. Две из крупных публикаций такого рода посвящены соответственно светской и духовной областям права. Это большое 4-томное издание материалов по делу Федора Шакловитого и его сообщников (среди прочих — и князей Голицыных), а также несколько публикаций источников по делу, возбужденному против патриарха Никона. Археографическая комиссия издала однотомное «Дело о патриархе Никоне», а В. Палмер — 6-томную публика-

¹³ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2, СПб., 1841; т. 3, СПб., 1841; т. 4, СПб., 1842; т. 5, СПб., 1842. В издании имеются: Указатель к Актам историческим. СПб., 1843, а также: Подробный каталог изданий Археографической комиссии, вышедших в свет с 1836 по 1918 год, с. 11—15; Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1—12. СПб., 1846—1875; вводный материал, см. в: Указатель к первым десяти томам Дополнений к Актам историческим. СПб., 1875, а также в: Подробный каталог..., с. 15—26; Акты Московского государства, изданные имп. Академией наук./Под ред. Попова Н. А. Т. 1, СПб., 1890; т. 2, СПб., 1894; т. 3, СПб., 1901; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии Наук. Т. 2—4. СПб., 1836; вводный материал см. в: Указатель к актам Археографической экспедиции. СПб., 1838, а также в: Подробный каталог..., с. 10—11; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и издаваемые Археографической комиссией. Т. 4. СПб., 1851; т. 5. СПб., 1853; вводный материал см. в: Подробный каталог..., с. 42—46, а также в: Улащик Н. Н. Очерки..., с. 35—40. Данное издание имеет в тематическом отношении материалы, интересные для истории всей Восточной Европы, хотя основное его содержание имеет отношение к Великому княжеству Литовскому; Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов при Киевском военном, Подольском и Волыньском генерал-губернаторе. Т. 1—35 (37 книг). Киев, 1859—1914 (здесь рассматривается материал по истории Украины в XIII—XVIII вв., расположенный в ряде тематически организованных серий; большинство томов содержат исследовательский раздел, основанный на базе публи-

цию «Патриарх и царь»¹⁴. В этом издании, кроме перевода на английский язык ряда центральных источников, не издававшихся на русском языке, Палмер приводит переводы русских обзоров истории рассмотрения дела патриарха, а также, в особенности в двух последних томах, источники к освещению «трагических событий, которые поразили Россию и ее царствующий дом в первые 50 лет после дела Никона». Речь идет здесь о событиях, которые трактуются издателем как божественная кара, обрушившаяся на государство за то, что Россия не последовала предначертаниям Никона.

куемого источникового материала); вводные материалы см. в: Справочник сокращений..., с. 7—8; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2—15. СПб., 1861—1892; вводные материалы, см. в: Подробный каталог..., с. 46—56 и в: Улащик Н. Н. Очерки..., с. 203—206 (публикуемый здесь материал касается прежде всего борьбы XVII в. вокруг положения Украины как государства); общую, но вместе с тем весьма селективную информацию об опубликованных материалах см. в: Вознесенский С. В. Материалы для библиографии по истории народов СССР, XVI—XVII вв. Л., 1933. (Труды историко-археографического института АН СССР, вып. 4). Кроме того, в исторических библиографиях В. И. Межова крупные публикации источников прошлого века были подвергнуты кардинальной переработке, после чего весь материал систематизирован по хронологическому принципу, см., напр.: Межов В. И. Сибирская библиография. Указатель книг и статей о Сибири на русском языке и одних только книг на иностранных языках за весь период книгопечатания в 3 томах. Т. 1—2. СПб., 1903.

Историческое общество при Московском университете выпустило несколько серий трудов, которые уже на протяжении многих лет продолжают оставаться золотыми россыпями для исследователей, в том числе и в отношении источников по истории Украины. Пять из изданных этим обществом серий систематизированы в: Белокуров С. А. Указатель ко всем периодическим изданиям Общества истории и древностей российских при Московском университете по 1915 г.—ЧОИДР, 1916, кн. 2.

¹⁴ Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1—4. СПб., 1884—1893; вводный материал к изданию, см. в: Подробный каталог..., с. 84—85; Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897; Материалы для истории раскола за первое время его существования. / Под ред. Субботина Н. И. Т. 1—9. М., 1875—1895; Palmer W. The Patriarch and the Tsar, Vol. 1—6. London, 1871—1876.

Кадастры

Третий тип документов — кадастры, частные реестры, счета, генеалогические записи, а также компиляции из корреспонденции и варианты последней в различных редакциях, разработанные в административном аппарате. Кадастры, так называемые писцовые книги и переписные книги, принадлежат к числу интереснейших источников по истории Московского государства. Объем их весьма значителен, поэтому опубликована лишь небольшая часть кадастров, с другой стороны, их обширность и превращает писцовые и переписные книги в ценный материал по экономической и социальной истории России. Бессистемные издания этих материалов делают необходимым при работе с ними обращаться к специальными библиографиям¹⁵.

¹⁵ См., напр.: Вознесенский С. В. Материалы..., с. 192—196; о неопубликованных материалах, см.: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 7. М., 1890, кн. 8. М., 1891; Веселовский С. Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. 1—2. М., 1915, 1916 (это — один из основных трудов по обложению и системе взимания налогов в Московском государстве в XVI—XVII столетиях; в особенности богатый материал по технической стороне обложения имеется во втором томе труда). Легкодоступный образец кадастра: Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду, изданные Археографической комиссией.— Русская историческая библиотека (далее РИБ), т. 17. СПб., 1896; Писцовая книга Кеврольского уезда 1623 г.— В кн.: Материалы по истории крестьянского хозяйства и повинностей XVI—XVII вв./Отв. ред. Маньков А. Г. Т. 2—3. М.—Л., 1977; (здесь опубликован образец пользующихся среди ученых невысокой популярностью, но весьма интересных веревных книг, которые дают гораздо более подробную информацию об отдельном дворе, чем писцовые книги). Кроме того, см.: Копанев А. И. Веревные книги как источник по истории крестьянства Севера.— В кн.: Источниковедение отечественной истории. [Сб. статей.] /Гл. ред. Павленко Н. И. М., 1976; более труднодоступны переписные книги, см.: Крепостная мануфактура в России./Под ред. Покровского М. Н. Ч. 1. Л., 1930, с. 1—105; ч. 3. Л., 1932, с. 1—17, 37—40, 43—46; также см.: Переписні книги 1666 року./Під ред. Романовського В. О., 1933 (эта работа характеризуется как важный источник по социальному и экономическому положению на Левобережной Украине).

Вначале писцовые и переписные книги составлялись в качестве основы для обложения налогом, но они использовались также и в качестве документа в тяжбах, возникавших при общинном переделе земли и в процессах о собственности правах в целом. Кроме того, безземельные крестьяне и бобыли могли быть по записям в указанные книги снова переведены в разряд крестьян с наделом — причем без срока давности занесения их в писцовые книги.

Практика ведения книг этих двух типов отражает изменение в основе налогообложения, имевшее место в XVII в. Писцовые книги являлись первоначальной формой документации такого рода, и лишь в 1646 г. началось составление переписных книг. В писцовые книги вносились данные как о городе, так и о деревне. В сельской местности основой налогообложения в начале века служила земля (по крайней мере в принципе), в то время как в городе такой основой являлись дворы.

Введение переписных книг стало выражением все более ширящегося перехода к практике, согласно которой в качестве объекта налогообложения выступает двор с его населением мужского пола. Полагают, что целью указанной реформы являлась возможность ввести таким образом в систему единообразного обложения особыми налогами безземельную часть сельского населения. Такая перемена в самой основе налогообложения стала одним из серьезнейших препятствий для использования рассматриваемых источников, поскольку становится гораздо трудней сравнивать данные оценок 1620-х гг. с соответствующими данными 1680-х гг.

И все же этот материал содержит массу информации, поддающуюся сравнению. Другое дело, что переписи проводились с большими интервалами и что, кроме того, в отложившемся материале имеются большие лакуны. Есть и еще одна, третья трудность в его использовании, которая состоит в том, что в определениях социальных групп, к которым принадлежали регистрируемые лица, происходили перемены. Так холопы (деловые и задворные люди) и дворы, где они сидели, были включены в списки лишь в 1678 г., когда эти категории населения начали платить подать. До этого в списки включались лишь

крестьяне и бобыли. Наконец, нелегко разобраться и в местных вариантах оценочной единицы обложения, расхождения в которых достигают крупных размеров. Это были относительные величины, при определении которых учитывалась и такая переменная, как способность населения нести ту или иную из податей.

В 1679 г. прямые налоги — вначале введенные в качестве временной меры — были объединены в стрелецкую подать, начислявшуюся в соответствии с данными переписных книг. При этом предполагалось, что после ревизии писцовых книг они снова будут введены в оборот. Между тем ревизия шла медленно, а в 1686 г. эту работу вообще забросили. Таким образом, до первой ревизии, предпринятой Петром I в 1718—1724 гг. переписные книги представляли собой единственную основу для начисления как ординарных, так и чрезвычайных налогов.

К вышеизложенной характеристике содержания переписных книг следует добавить, что они дают сведения и о состоянии культурной жизни страны. Так, во многих случаях здесь встречаются чрезвычайно подробные и детализированные описания храмов, а также икон, книг и других церковных принадлежностей. Таким образом, упоминаемые источники содержат прекрасную информацию о развитии книгопечатного искусства, о том, какие книги были наиболее распространены и т. д. Одновременно переписные и писцовые книги являются исключительно ценным источником по городской топографии.

В качестве примера тому, какие статистические сведения может дать любой городской кадастр, приведем переписную книгу Казани за 1646 г. — прекрасный источник по экономической и социальной истории этого важного приволжского города. На основе данных, собранных в указанной книге, изданной в соответствии с оригиналом (содержащим 1343 с.), был составлен ряд таблиц о составе городского населения, разделенного на категории служилых людей, духовенство и церковников, а также посадских и слободских людей. Кроме того, здесь разработаны таблицы, классифицирующие нерусских горожан по их национальной принадлежности и социальному статусу; имеются таблицы, разделяющие все население

по такому признаку, как место рождения и социальное положение, а также содержащие сведения о горожанах, живущих не в собственных дворах или находящихся в различных формах зависимости от других лиц. Составлены таблицы и о населении городского посада, где посадские разделены по роду их занятий и социальному положению¹⁶.

Процесс подготовки и составления кадастров отражен в трех томах источников, которые в свое время послужили основой для капитального исследования С. Б. Веселовского, посвященного технической стороне акций, связанных с обложением¹⁷.

Документы о переходе собственности в иное владение

Протоколы, составлявшиеся при смене владельцев собственности, насчитывают несколько различных типов, но все они — важный дополнительный источник материал к данным, содержащимся в кадастрах. Понятно, что описания отдельных хозяйств должны быть в документации такого рода более детализированными, чем в самих кадастрах. Так, например, характеристика одного хозяйственного комплекса занимает сотни листов описных книг, составлявшихся при переходе недвижимости из частной в государственную собственность¹⁸. Материал этот, взятый в совокупности, огромен, но публиковался он лишь спорадически. За период с 1597 по 1757 г.

¹⁶ Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565—68 гг. и 1646 г. Л., 1932 (табеля см. на с. 193—208).

¹⁷ Веселовский С. Б. Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. 1. М., 1913; т. 2, вып. 1. М., 1917; Акты писцового дела (1644—1661 гг.)./Под ред. Буганова В. И. и Левшина В. В. М., 1977 (о других источниках см. там же, с. 4, прим. 6); Веселовский С. Б. Сошное письмо...

¹⁸ Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. (Хозяйство боярина Б. И. Морозова)./Под ред. Грекова Б. Д. Ч. 1. М.—Л., 1933, с. 152—234; ср.: Источниковедение истории СССР,/Под ред. Ковальченко И. Д. М., 1973, с. 140; три отказные книги опубликованы в: Крепостная мануфактура..., ч. 1, с. 105—186; еще несколько книг в: Памятники южнорусского паречья. Отказные книги./Отв. ред. Котков С. И. М., 1977.

сохранились книги, исчисляемые десятками тысяч единиц; важнейшими из них являются те, что составлялись при конфискации имущества, т. е. отписные книги.

Счета

Сохранившиеся счета представляют собой документальный материал всевозможных типов и функциональных оттенков. В качестве примера опубликованных счетов можно привести отчеты приказов, мануфактур и частных лиц, составленные для вышестоящих властей¹⁹.

Таможенные книги

Особый вид документации такого рода представляют собой таможенные книги. Для занесения в них необходимых сведений приходилось исследовать как предмет торговли, так и товарооборот более подробно, чем это делалось на протяжении столетий, предшествовавших появлению таможенных книг. Наиболее полно сохранились таможенные книги городов, расположенных вдоль северных рек, но многие из них погибли в огне московского пожара 1626 г. Тем не менее и ныне речь может идти о сотнях сохранившихся источников этого типа по городам Великому Устюгу (1633—1680), Соль-Вычегодску (1625—1677), Тотьме (1627—1677) и Тихвину (1623—1701).

Опубликованные таможенные книги составляют лишь шестую часть имеющегося материала. Трехтомное издание «Таможенные книги Московского государства» — вообще первое издание такого рода источников²⁰. Таможенные книги содержат сведения о именах купцов, месте их жительства, имущественном положении, начальных и конечных пунктах поездок, а также о составе сопровождающих —

¹⁹ Крепостная мануфактура..., ч. 1, с. 40—92; ч. 2, с. 1—126; Приходно-расходные книги Московских приказов. Кн. 1-я — РИБ, т. 28. СПб., 1912.

²⁰ Таможенные книги Московского государства XVII века./Под ред. Яковлева А. И. Т., 1—3. М.—Л., 1950—1951.

приказчиков или управляющих, рядовых слуг или рабочих. Кроме того, в эти книги заносились, естественно, сведения о товарах, их массе и ценах, а также о пошлинах на них, взимаемых при продаже или прохождении транзитом.

Книги Разрядной канцелярии

Прекрасный пример сведения воедино и редактирования корреспонденции приказов или канцелярий (о чем упоминалось выше) представляют собой книги Разрядной канцелярии, или разрядные книги. По признаку происхождения это — вторичный источник, который в целом является лишь рефератом переписки о служебных назначениях, рапортов воинских начальников с театра военных действий, указов воеводам и т. д. Однако, ввиду того, что первоисточники в большинстве случаев оказались утраченными, разрядные книги сами превратились в бесценный первоисточник²¹. В них содержится огромное количество сведений о военном деле Московского государства, вооружении армии и ее руководстве, а также о войсковой иерархии и порядке несения службы, которые регулировались согласно местнической системе.

Разрядные книги другого типа, «Дворцовые разряды» (название, по мнению В. И. Буганова, неверное), велись в Разрядной канцелярии, а не Дворцовой, как полагали их издатели. Книги эти отражали будничную жизнь двора во всех ее формах, с

²¹ Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные с выс. соизволения II Отделением с. е. и. в. канцелярии. Т. 1—2. СПб., 1853—1855. Издание охватывает период с 1614 по 1679 гг.; вводные данные см. в: Указатель собственных имен и предметов к 1 и 2 тому «Книг разрядных по официальным оных спискам». СПб., 1856; Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907 (охватывают годы 1604/1605—1613); Разрядные книги 1598—1638 гг./Отв. ред. Буганов В. И. М., 1974; Разрядная книга 1559—1605 гг./Отв. ред. Буганов В. И. М., 1974; Разрядная книга 1550—1636 гг./Отв. ред. Буганов В. И. Т. 1—2, вып. 1—2. М., 1975—1976; Разрядная книга 1475—1605 гг./Отв. ред. Буганов В. И. Т. 1, ч. 1—2. М., 1977; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 3. М., 1978; т. 2, ч. 1. М., 1981; т. 2, ч. 2. М., 1982; т. 2, ч. 3. М., 1982; т. 3, ч. 1. М., 1984 (издание не завершено).

приемами и прощальными аудиенциями для дипломатов, участием царствующей фамилии в богослужениях, определением порядка размещения приглашенных за царским столом согласно рангу. Здесь содержатся также сведения о том, кто именно исполнял в определенные периоды те или иные должности. Книги этого типа представляли собой важный доказательный материал в прениях о ранге и положении, поэтому они и сохранились в массе частных копий. Рассматриваемый источник охватывает период с 1613 по 1700 г.²²

Служебные списки

Для правильного функционирования системы местничества известное значение имели различные служебные списки. Речь идет о «Боярских книгах», «Боярских списках», так называемых «Жилецких списках», представлявших собой списки дворян, назначавшихся для отправления службы при дворе или выполнения важных для правительства заданий. «Боярские книги» содержат, помимо имен отдельных лиц, также описание их экономического и служебного положения. Так, в книге за 1646—1647 гг. исследователь находит изложенное на 11 листах описание поместий Б. И. Морозова, снабженное справкой о расположении деревень боярина на территории различных административных регионов и данными о количестве крестьянских дворов в каждой из деревень²³.

²² Дворцовые разряды, по выс. повелению изданные II Отделением с.е.и.в. канцелярии. Т. 1—4. СПб., 1850—1855 (охватывает период с 1612 по 1701); Дополнения к т. 3 «Дворцовых разрядов». СПб., 1854; справочный материал см. в: Голицын Н. Н. Указатель имен личных, упоминаемых в Дворцовых разрядах. Т. 1—4. СПб., 1912; Забелин И. Е. Дополнения к Дворцовым разрядам по поручению графа Дмитрия Николаевича Блудова, собранные из книг и столбцов прежде бывших Дворцовых приказов архива Оружейной палаты. Ч. 1 (ЧОИДР, 1882, кн. 1, отд. 2, кн. 3, отд. 1; 1883, кн. 2, отд. 1, кн. 4, отд. 1); эта публикация издана также в виде отдельной книги (М., 1882).

²³ Хозяйство крупного феодала-крепостника..., вып. 1, с. 9—11; Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. Т. 1./Под ред. Яковлева А. И. М.—Л., 1940, с. 10—11; Мордовина С. П., Стани-

В ряде случаев сохранились и были опубликованы списки, которые велись во всех городах — в них включалось служилое дворянство — они также были частично опубликованы. Такие документы назывались десяти или десятицы. Например, в публикации В. Н. Сторожева «Тверское дворянство XVII в.» мы находим точный список всего состава дворянства в Бежецком верхе в сравнении с десятией того же века, а в приложении 4 к этой публикации — алфавитный список семей чиновного дворянства городов всей Тверской губернии²⁴.

Родословные книги

В этой связи, естественно, следует назвать также родословные книги, которые начали составляться в централизованном порядке с середины XVI в. Они утратили свое значение при отмене местничества, но в дальнейшем сохранялись, в том числе в значи-

славский А. Л. Боярские списки конца XVI — начала XVII века как исторический источник. — Советские архивы, 1973, № 2, с. 94—96; Овчинников Р. Б. Боярский список 1607 г. — Исторический архив, 1953, № 8, с. 74—79; Сторожев В. Н. Боярский список 1610—1611 гг. — Боярский список 1621—1622 гг. — ЧОИДР, 1909, кн. 3, отд. 3, с. 73—142. О том же см. в: Сторожев В. Н. Материалы для истории русского дворянства. Т. 2. М., 1909; Лихачев Н. П. Боярский список 7119—1611 гг. — Сборник [Петербургского] археологического института, 1898, кн. 6, отд. 2; справочный материал к большей части изданных здесь материалов см. в: Иванов П. И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М., 1853 (это издание охватывает период с 1627 по 1695 гг.); Изюмов А. Жилецкое землевладение в 1632 году. Прил. табл. землевладения и полный жилецкий список за 1632 г. М., 1913. Интересное использование материалов вышеназванного типа встречаются в: Водарский Я. Е. Правящая группа светских феодалов в России в XVII в. — В кн.: Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. Архивный обзор, касающийся боярских книг имеется в: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 9. М., 1894.²⁴ Сторожев В. Н. Тверское дворянство XVII века. Вып. 1—4. Тверь, 1891—1895; кроме того, см.: Справочники по истории дореволюционной России. М., 1978, с. 172—173.

тельном количестве частных копий. Одна из старейших редакций родословных книг, так называемая Хроникальная редакция, имеется в Копенгагене — это один из четырех известных в настоящее время списков данного источника²⁵. Первое издание одной из родословных книг было предпринято по инициативе Н. И. Новикова еще в XVIII в., позже были опубликованы и другие рукописи²⁶. Кроме того, издано несколько весьма ценных справочников по родословным книгам²⁷.

Кабальные книги

Другой формой официальных сводных материалов, в данном случае правовых актов, являются собрания протоколов, в которых содержатся контракты, касающиеся особой формы личной крепостной зависимости, весьма напоминающей рабство. Такая форма крепостного права называлась холопством, а упомянутый контракт — кабалой. От последнего термина происходит и название источника — «Кабальные книги». В книге В. М. Панеяха о холопстве приведен список кабальных книг с указаниями, какие из них опубликованы. Этот тип контрактов практиковался довольно долго и в XVII в., но сами книги, судя по имеющимся сведениям, сохранились лишь за начало этого столетия и лишь касающиеся Новгородской земли. В Шведском государственном архиве (коллекция «Архив Делагарди». — *Прим. пер.*) хранится одна кабальная книга²⁸.

²⁵ Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975, с. 19, прим. 1.

²⁶ См.: Справочники по истории дореволюционной России, 1978, с. 161 и далее.

²⁷ Долгоруков П. Российская родословная книга. Ч. 1—4. СПб., 1854—1857. Эта работа Долгорукова продолжена в: Румель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1—2. СПб., 1886—1887; Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. Т. 1—2. СПб., 1895; Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Т. 1—4. Киев, 1908—1914 (том пятый, о именах на "Т" — "Я", не издан).

²⁸ Панеях В. М. Холопство в XVI — начале XVII века. Л., 1975, с. 262—265.

С судебными разбирательствами по делам беглых холопов можно ознакомиться по длинному ряду выдержек из таких дел, сообщений и т. д., опубликованных А. И. Яковлевым²⁹. Схожи с ними по тематике опубликованные в 1975 г. 13 коллективных дворянских прошений о поиске беглых крестьян и холопов³⁰.

Документы о снабжении хлебом

Наконец, назовем еще два вида публикаций документов Разрядной канцелярии; обе были осуществлены в начале нашего века. Первая из них — собранные Н. Новомбергским материалы по управлению продовольственным снабжением в Московском государстве. Она была запланирована как двухтомная; первый ее том включает в себя материалы Белгородского и Приказного столов; второй, насколько известно, опубликован так и не был. Документы, вошедшие в это издание, касаются, среди прочего, неурожая и их причин, состояния хлебных запасов, государственных семенных ссуд и различных видов снабжения, правительственных закупок зерна, цен на хлеб в различных частях страны, состояния дворцовых земель, регламентации торговли хлебом, хлебных налогов и привилегий, перевода запасов зерна из города в город, незаконных присвоений сельскохозяйственных площадей, хищений сельскохозяйственной продукции³¹.

Прошения

Вторая из упомянутых публикаций — материалы, изданные Е. Д. Сташевским в форме таблиц, так называемые «сказки», которые помещики направляли в Разрядный приказ. Это — определенная форма про-

²⁹ Яковлев А. И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. по архивным документам холопского и посольского приказов, с. 318—562.

³⁰ Дворянство и крепостной строй..., с. 303—343.

³¹ Новомбергский Н. Очерки внутреннего управления в Московской Руси XVII ст. Продовольственное строение. Материалы. Т. 1. Томск, 1914.

шений, посредством которых до сведения центральной администрации доводились случаи несоответствия между обязанностями и привилегиями помещиков. Сохранились «сказки» за весь XVII в., но издана в качестве выборочного опыта лишь та часть их, что относится к 1631/32 г., всего в количестве 626 документов.

Эти материалы содержат имена дворян и сведения о их доходах, разбитых на статьи денежные и посвященные доходам от имений, полученных за службу. Что касается самих дворянских поместий, то здесь указываются размеры их наследственных и жалованных частей, расположение угодий и их величина, количество дворов и источник получения владельцем поместья. Наконец, приводится объем воинской повинности, которая должна была отправляться в соответствии с поместной разверсткой³².

Топографический материал

Из Разрядной канцелярии ведет свое происхождение и «Книга Большому чертежу», выпущенная в последний раз в 1950 г. Она представляет собой географический, топографический и этнографический комментарий к картам XVI и XVII вв., который служил административным целям — с его помощью определялись маршруты правительственным посланцам и экспедициям³³.

Материалы сибирской администрации

Материалы архива Сибирской канцелярии, в котором хранятся сотни тысяч документов, публиковались по некоторым причинам лишь от случая к случаю. Но исследователям несколько помогает весьма интересный обзор содержания архива, составленный Н. Н. Оглоблиным. В нем детально описываются документы, относящиеся к различным областям административной деятельности, причем приводятся

³² Сташевский Е. Д. Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII века.

³³ Книга Большому чертежу. /Под ред. Сербиной К. Н. М.— Л., 1950.

выдержки из самих источников, часто сопровождаемые научным комментарием³⁴.

Материалы архивов сибирских городов были в XVII в. просмотрены, а с части их по инициативе Г. Ф. Миллера сняты копии. Многие из документов-первоисточников впоследствии были утрачены, отчего издание миллеровских копий, прежде всего в «Истории Сибири»³⁵, а также в различных собраниях — публикациях источников, приобрели большое научное значение.

Материалы других канцелярий

Многочисленные канцелярские архивы XVII в. длительное время хранились в архиве Министерства юстиции в Москве. В 1-е отделение этого архива попали материалы из архивов Разрядного, Малороссийского и Сибирского приказов; во 2-е отделение — дела Каменного приказа, Монастырского приказа, Патриарших приказов, Преображенского приказа, Разбойного (Сысного) приказа и Судного приказа; а в 3-е отделение — материалы Поместного приказа. В обширном ряду «Описаний документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции» иногда встречаются регесты с кратким изложением содержания отдельных документов; нередко тома снабжены личными и локальными списками документов. Обзор происхождения, типов и объема опубликованных документов помещен в 1-м томе³⁶.

³⁴ Оглоблин Н. Н. Обзорные столбцы и книги Сибирского приказа, 1592—1768 гг. Ч. 1—4. Издание снабжено указателями имен собственных, географическим и тематическим.

³⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1—2. М. — Л., 1937, 1941; 1-е изд. этого труда вышло в Петербурге в 1750 г., 2-е — там же в 1787 г. под названием «Описание Сибирского царства и всех произшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его российской державе и по сии времена»; указанные русские издания являются переводами с первоначальной немецкой версии — это первые 5 томов в: Müller G. F. Sammlung russischer Geschichte, Bd. 1—9. SPb., 1732—1764. Последние 5 томов находятся там же — в томе восьмом, частях 1—5, все они имеют общее название: Müller G. F. Sibirische Geschichte.

³⁶ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 1—21. М. — СПб., 1869—1921;

Соответствующее описание содержания архивов Дворцовой канцелярии опубликовано А. Е. Викторовым во 2-м томе издания³⁷.

Внешнеполитические документы

Архив ведомства иностранных дел описан в капитальном 4-томном труде Н. Н. Бантыша-Каменского, доведенном до 1800 г. Регесты материалов по датско/норвежско-русским связям помещены в 1-м томе³⁸. В XVII в. было подготовлено несколько архивных описей. Они представляют собой немалую ценность, так как здесь фигурируют документы, позднее уничтоженные или пропавшие³⁹. Опубликованные описи Посольского архива относятся к 1614 и 1626 гг.

Огромное количество изданных документов по внешнеполитической истории России извлечено как из московского Главного архива Министерства внутренних дел, так и из других государственных архивов. Подобные публикации часто отражали связи России с отдельно взятой страной. Так, например, сюда можно отнести сборник К. Якубова «Россия и Швеция в первой половине XVII в.», где приведены источники как из русских, так и шведских архивов. В этом же томе имеются реляции шведского резидента в Москве Карла Померенинга, предназначенные королеве Кристине⁴⁰. Одно из недавно изданных собраний источников посвящено в первую

помимо этого см.: Книги Московских приказов в фондах ЦГАДА. Опись 1495—1718 гг./Отв. ред. Черепнин Л. В. М., 1972.

³⁷ Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1584—1725. Вып. 1—2. М., 1877—1883.

³⁸ Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Т. 1—4. М., 1894—1902.

³⁹ Шмидт С. О. Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960; Опись архива Посольского приказа 1626 года./Сост. Гальцов В. И. Ч. 1—2. М., 1977.

⁴⁰ Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII века. Сборник материалов, извлеченных из Московского Главного Архива Министерства иностранных дел и Шведского Государственного Архива и касающихся истории взаимных отношений России и Швеции в 1616—1651 годах. М., 1897. (См. также: Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. Документы из советских архивов. М., Стокгольм, 1978.— *Прим. пер.*).

очередь экономическим и торговым связям между Россией и Швецией⁴¹.

Отношения между Россией и Персией отражены в собрании источников, изданном Н. И. Веселовским. Второй том этого труда хронологически охватывает времена Бориса Годунова, Василия Шуйского и начальный период правления царя Михаила Федоровича, тогда как третий доходит до 1621 г.⁴² Другие источники касаются связей России с кавказским регионом, они опубликованы С. А. Белокуровым. Отчасти это — его «Сношения России с Кавказом», где отражен период с 1578 по 1613 г., отчасти — его собрания разрозненных материалов, имеющих отношение к российской истории. Источники, касающиеся нескольких важнейших посольств, помещенные в первое из названных собраний Белокурова, переведены на английский язык и снабжены комментарием в прекрасном издании В. Э. Д. Аллена и А. Манго⁴³.

Предпринятое под руководством Н. В. Рождественского издание актов, составленных в эпоху Лжедмитрия, т. е. в 1603—1606 гг., освещает также взаимоотношения России с ее южными соседями⁴⁴. Г. Г. Пайчадзе опубликовал материалы о русско-грузинских связях в 1680-х и 1690-х гг.⁴⁵, а И. З. Цинцадзе вторично издал реляцию одного из российских посольств в Имеретии, находившегося там в 1650—

⁴¹ Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. [Сб. документов]. /Отв. ред. Вяткин М. П., Фирсов И. Н. М.—Л., 1960.

⁴² Веселовский Н. И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1—3. СПб., 1890—1898.

⁴³ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Материалы извлеченные из Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел. Вып. 1-й, 1578—1613 гг. М., 1889; Белокуров С. А. Материалы для русской истории. М., 1888; Russian Embassies to the Georgian Kings (1589—1605). Ed. Allen W.E.D. Vol. 1—2.

⁴⁴ Акты времени Лжедмитрия 1-го (1603—1606).— ЧОИДР, 1918, кн. 1.

⁴⁵ Материалы по истории русско-грузинских отношений (80—90-е годы XVII века)./Сост. Пайчадзе Г. Г. Т. 1. Тбилиси, 1974.

1652 г., снабдив ее грузинским переводом. Первая публикация этой реляции еще в 1788 г. находилась в редакторском портфеле «Древней Российской Вивлиофики», издание, в которое вошли реляции многих других посольств⁴⁶. Что же касается вышеупомянутого посольства, то материал о нем был опубликован в 1926 г. М. А. Полиевктовым⁴⁷.

Этот же автор работал в течение многих лет над проблемой истории русско-грузинских связей; он собрал в Посольском архиве и опубликовал систематизированные им «Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615—1640 гг.»⁴⁸, а также источники по истории российского посольства в Кахетию 1640—1643 гг.⁴⁹

Ряд других источников, имеющих отношение к положению в южных областях Московского государства и их связям с ближайшими соседями, можно найти в собрании «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.»⁵⁰ и в тех 5-ти томах «Русской исторической библиотеки», которые содержат «Донские дела»⁵¹.

Два тома материалов, касающихся польско-русских отношений, были изданы под редакцией С. А. Белокурова в «Сборнике Русского исторического общества». Они охватывают период с 1598 по 1615 г.⁵² Важным дополнением к ранее упомянутому 4-томному труду Н. Н. Бантыша-Каменского является его пуб-

⁴⁶ Цинцадзе И. З. Статейный список посла Толочанова в Имеретию 1650—1652 гг. Тбилиси, 1970; Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских..., т. 1—20. М., 1788—1791.

⁴⁷ Полиевктов М. А. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию (1650—1652 гг.). Тифлис, 1926.

⁴⁸ Полиевктов М. А. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615—1640 гг. Тбилиси, 1937.

⁴⁹ Полиевктов М. А. Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию (1640—1643 гг.). Тифлис, 1928.

⁵⁰ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Т. 1. XVI—XVII вв./Под ред. Кумыкова Т. Х., Кушева Е. Н. М., 1957.

⁵¹ РИБ, т. 18, 24, 26, 29, 34. СПб./Л., 1898, 1906, 1909, 1913, 1917.

⁵² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 4, 1598—1608; т. 5, 1609—1615. СПб., 1912—1913 (Сб. РИО, т. 137, 142).

ликация польско-русской корреспонденции за период с конца XVI в. по 1646 г. Работа с этим изданием облегчается тем, что в нем имеются примечания на полях, а также его систематизацией по хронологическому принципу⁵³.

Связи между Россией и странами, ныне вошедшими в состав Румынии, освещаются в 3-томном издании, охватывающем период с 1408 по 1711 г.⁵⁴

Тома 2—9 «Памятников дипломатических сношений древней России с державами иностранными» охватывают в первую очередь связи России с Австрийским домом в XVII столетии, а 10-й том посвящен отношениям с Ватиканом и итальянскими государствами⁵⁵.

«Акты Тургенева» включают в себя преимущественно документы из секретного архива Ватикана, а также дополнительные материалы, касающиеся вмешательства папского престола во внешнеполитические конфликты в Восточной Европе — в особенности в связи с деятельностью Лжедмитрия в начале столетия⁵⁶. Другие документы этого собрания могут служить иллюстрацией той истины, что в польско-русских пограничных конфликтах XVII в. весьма важным политическим средством являлась проблема вероисповедания. Таким образом, вся тургеневская коллекция прежде всего имеет научное значение для исследований отношений между Россией и Польшей; тем не менее в приложение к данной публикации входит материал, освещающий и отношения с ганзейскими городами⁵⁷.

⁵³ Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россиею и Польшею по 1700 год.— ЧОИДР, 1860, кн. 4; 1861, кн. 1; 1862, кн. 4.

⁵⁴ Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы в 3-х томах./Ред. колл. Гросул Я. С. и др. М., 1965, 1968, 1970.

⁵⁵ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 2—10. СПб., 1852—1871.

⁵⁶ Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. Т. 2. СПб., 1842. Имеется и латинское название этого труда: *Historica Russiae Monumenta...*

⁵⁷ Дополнение к актам историческим, относящимся к России. СПб., 1848. Имеется латинское название: *Supplementum ad Historica Russiae Monumenta...*

Еще одно собрание источников, ведущих свое происхождение из архивов Ватикана и Неаполя, было опубликовано Августином Тейнером. Хронологически эти материалы охватывают вторую половину XVII в.; тематически же они наибольший интерес представляют для ученых, занимающихся проблемами русско-польских и русско-турецких отношений. В особенности здесь богато представлены источники по истории попыток европейских стран создать альянс христианских держав, направленный против Турции⁵⁸.

В этой связи можно упомянуть еще одну публикацию⁵⁹, 1-й том которой охватывает период до 1700 г., а также крупное 3-томное издание документов, имеющих отношение к воссоединению Украины с Россией и датированных 1620—1654 гг.⁶⁰ Последняя из них содержит документы украинского, польского и российского происхождения. В 1965 г. упомянутый трехтомник был дополнен еще одним томом, где собраны материалы об освободительной войне украинского народа в 1648—1654 гг.; эти источники — исключительно польского происхождения, они опубликованы на языке оригинала и снабжены русским переводом⁶¹.

А. Ф. Прибрам издал донесения имперского посла Франца фон Лизола из Польши за 1655—1660 гг.⁶² Лизола являлся центральной фигурой на переговорах между Россией и Польшей. А. Рамбо опубликовал соб-

⁵⁸ Theiner A. Monumets historiques relatifs aux regnes d'Alexis Michaélowitsch, Féodor III et Pierre le Grand. Czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples. Rome, 1859.

⁵⁹ Documenta pontificum romanorum historiam Ucrainae illustrantia (1075—1953). Coll. Welykyj A. J. Vol. 1. Romae, 1953 (Analecta OSBM, Series II, Sectio III: Documenta romana ecclesia unitae in terris Ucrainae et Belorussiae, curra pp. basilianorum collecta et edita).

⁶⁰ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Т. 1, 1620—1647 гг.; т. 2, 1648—1651 гг.; т. 3, 1651—1654 гг.

⁶¹ Документы об освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг./Ред. колл. Гудзенко П. П. и др. Киев, 1965.

⁶² Pribram A. F. Die Berichte des kaiserlichen Gesandten Franz von Lisola aus den Jahren 1655—1660. Wien, 1887.

рание инструкций для французских посольств, направленных в Россию ⁶³.

Мишелем Лезюром и Базилем Спиридонакисом описаны хранящиеся во французских архивах материалы по франко-русским связям ⁶⁴, а Ж. Ломель опубликовал в трех томах реляции французского дипломата Антуана де Люмбра, который в середине столетия играл главную роль во французском посредничестве между Польшей и Швецией и поэтому для него не было секретом внешнеполитическое положение России ⁶⁵. Различные документы, освещающие отношения между Россией и Францией, собраны в 34-м томе трудов Русского исторического общества ⁶⁶.

Связи Алексея Михайловича с Венецией, Англией и Голландией отражены в реляциях, которые слал в Москву бывший на царской службе Джон Гебдон. Частично эти документы опубликованы И. Я. Гурляндом ⁶⁷. Ю. Н. Щербачев издал как собрание регестов по документам о датско-русских связях, хранящимся в Государственном архиве Дании ⁶⁸, так и русские акты, попавшие в это архивохранилище ⁶⁹.

Норвежский ученый Улаф Брех много занимался

⁶³ Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française, 8: Russie, t. I. Paris, 1890.

⁶⁴ Lesure M. Les sources de l'histoire de Russie aux archives nationales. Paris — Haag, 1970 (Études sur l'histoire, l'économie et la sociologie des pays slaves, XV); Spiridonakis B. G. Mémoires et documents du Ministère des Affaires Étrangères de France sur la Russie, 2e éd. Quebec, u.â. (1971).

⁶⁵ Lhomel G. de. Relations de Antoine de Lumbres, seigneur d'Herbington... touchant ses négociations et ambassades. T. 1—3. Paris, 1911—1913.

⁶⁶ Половцов А. А. и др. Дипломатическая переписка французских послов и посланников при русском дворе. Ч. 1. СПб., 1881. (Сб. РИО, т. 34.)

⁶⁷ Гурлянд И. Я. Иван Гебдон, комиссариус и резидент. (Материалы по истории администрации Московского государства второй половины XVII века). Ярославль, 1903.

⁶⁸ Щербачев Ю. Н. Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. М., 1893; печатались также в: ЧОИДР, 1893, кн. 1.

⁶⁹ Щербачев Ю. Н. Русские акты Копенгагенского Государственного Архива. СПб., 1897 (РИБ, т. 16).

изучением русских архивов. В своем обзоре материалов по теме датско/норвежско-русских отношений он во многих случаях приводит выдержки из упоминаемых документов⁷⁰.

Основная часть документов, опубликованных в собрании источников по русско-индийским отношениям в XVII в., принадлежит архиву Посольского приказа. На основе этих материалов можно сделать выводы о роли, которую играли индийские купцы в качестве торговых посредников между русскими и азиатскими рынками; кроме того, в указанных источниках содержится немало информации о русской таможенной политике⁷¹.

Источники, освещающие внешнеполитические отношения России со странами Дальнего Востока воспроизведены, кроме уже упоминавшихся публикаций по истории Сибири, в издании Дж. Ф. Бэдли «Россия, Монголия, Китай»⁷², где ряд документов приведен по-русски, а некоторые — в английском переводе. Такого же рода материалы опубликованы в 2-томном издании, посвященном русско-монгольским отношениям⁷³. Крупная 2-томная публикация «Русско-китайские отношения в XVII в.» охватывает период с 1608 по 1683 г. Поскольку целью издателей ее было собрать полный корпус важнейших источников по упомянутой теме, то неизбежными стали некоторые повторения документов, вошедших в более ранние издания, например в собрание Бэдли.

Опубликованные документы ведут свое происхождение отчасти из архивов центральных приказов и канцелярий (главным образом — из Посольского архива), отчасти — из ряда архивов местных, си-

⁷⁰ Broch O. Archivstudier i Russland. Mai-juni 1928. Oslo, 1928 (Avhandlingar utgitt av Det norske Videnskaps-akademi i Oslo, bd. 2. Hist.-Filos. Klasse, 1928, № 4). Покойный Кнуд Расмуссен готовился опубликовать отчеты О. Броча за последующие — 1929, 1930 и 1932— годы.

⁷¹ Русско-индийские отношения в XVII в. [Сб. документов.] / Сост. Лавренцова Т. Д. и др. М., 1958.

⁷² Baddeley J. F. Russia, Mongolia, China...

⁷³ Русско-монгольские отношения. [Сб. документов.] / Отв. ред. Златкин И. Я., Устюгов Н. В. Т. 1, 1607—1636; т. 2, 1636—1654. М., 1959; 1974 (АН СССР. Институт востоковедения. Материалы по истории русско-монгольских отношений).

бирских канцелярий. Что касается документов из упомянутых центральных архивов, то издателями были использованы не только фонды, непосредственно соответствующие теме издания. В научный оборот были введены документы из фондов сношений России со Швецией и Англией, благодаря чему появилась возможность понять тот интерес, который эти страны проявляли к установлению межгосударственных связей с Китаем через Россию ⁷⁴.

Ранее упоминавшийся обзор Сибирского приказа, составленный Н. Н. Оглоблиным ⁷⁵, имеет большое значение и с точки зрения внешней политики; сказанное относится также к подготовленному М. П. Пуцилло архивному указателю дел, относящихся к Сибири, подготовленному на материалах тогдашнего архива Министерства иностранных дел ⁷⁶.

Капитальным трудом является также подготовленное Н. Н. Бантышом-Каменским собрание эццерптов из источников по русско-китайским связям с середины XVII в. до 1792 г. Вопреки своему названию работа Бантыша-Каменского касается как дипломатических, так и торговых отношений ⁷⁷. В публикации путевых записок И. Идеса о поездке в 1692—1695 гг. в Китай издатель пользуется возможностью, чтобы там же привести текст статейного списка посольства, касающегося пребывания в Пекине ⁷⁸.

Статейные списки посольств в других странах изданы в «Путешествиях русских послов XVI—XVII вв.» ⁷⁹ Обширная реляция нидерландских

⁷⁴ Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы в 2-х томах / Отв. ред. Тихвинский С. Л. Т. 1, 1608—1683; т. 2, 1686—1691. М., 1969; 1972.

⁷⁵ Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа...

⁷⁶ Пуцилло М. П. Указатель делам и рукописям, относящимся до Сибири и принадлежащих Московскому Главному Архиву Министерства Иностранных Дел. М., 1879.

⁷⁷ Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882.

⁷⁸ Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695). / Вступ. ст., пер. и коммент. М. И. Казапина. М., 1967, с. 321—347.

⁷⁹ Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные спис-

послов и сообщения из их посольства в Москве за 1630—1631 гг. были опубликованы В. А. Кордтом и снабжены параллельными русскими переводами⁸⁰. Опираясь на материалы, связанные с тем же посольством, Х. Клутинг опубликовал протоколы, составленные русской стороной в качестве приложения к своей истории русского приказного языка в XVII в.⁸¹ Реляция нидерландского посольства в Швецию и Россию в 1615—1616 гг. была опубликована, также с параллельным переводом, А. Бекон⁸².

Различные источники по англо-русским отношениям частично опубликованы в начале нашего столетия И. И. Любименко, частично С. Коноваловым и Н. Эвансом в ряде номеров *Oxford Slavonic Papers*. В публикацию Эванса входят пять писем, которыми в период с 1597 по 1603 гг. обменялись Елизавета I и Борис Годунов⁸³.

ки./Отв. ред. Лихачев Д. С. М.—Л., 1954 (АН СССР. Литературные памятники).

⁸⁰ Донесения посланников республики Соединенных Нидерландов при русском дворе. Отчет Альберта Бурха и Иогана ван Фельтдриля о посольстве их в Россию в 1630 и 1631 гг. СПб., 1902 (Сб. РИО, т. 116).

⁸¹ Klueting H. Die niederländische Gesandtschaft nach Moskovien im Jahre 1630/31. Edition der russischen Protokolle und ihrer niederländischen Übersetzungen mit paleographischer und sprachlicher Beschreibung. Ein Beitrag zur russischen Kanzleisprache (Priказnyj jazyk) des 17. Jh. Amsterdam, 1976; En holländsk beskicknings resor i Ryssland, Finland och Sverige 1615—1616. Trenne reseberättelser, fran de tryckta och handskrivna holländska originalen översatta och utgivna av... S. Hildebrand (utg.), Stockholm, 1917.

⁸² Бек А. Х. Отчет Нидерландских посланников Рейноута ван Бредероде, Дидериха Басса и Альберта Иоахима об их посольстве в Швецию и Россию в 1615 и 1616 гг. СПб., 1878 (Сб. РИБ, т. 24).

⁸³ Ljubimenko I. I. Trois lettres inédites d'Elisabeth d'Angleterre à la cour de Russie (Mélanges d'histoire offerts à M. Charles Bemont. Paris, 1913); idem. Letters illustrating the relations of England and Russia in the XVIIth century (English Historical Review, 1917, Jan.); idem. The correspondance of the first Stuarts with the first Romanovs (Transactions of the Royal Historical Society, 4. ser., vol. 1, 1918); ср.: Валк С. Н. Инна Ивановна Любименко.— В кн.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков./Отв. ред. Смир-

Один из томов «Сборника Русского исторического общества» содержит источники по англо-русским отношениям с 1581 по 1604 г., а реляция посольства Микулина в Англию на рубеже XVI и XVII вв. опубликована в собрании источников кн. М. А. Оболенского⁸⁴. Другие документы к истории англо-русских связей имеются в «Материалах по Смутному времени» В. Н. Александренко⁸⁵, а также в публикации Т. Бёрха⁸⁶ и сборнике копий царских писем Ю. Толстого⁸⁷. Сжатая статья Дж. Фиппс представляет собой обзор английских архивных материалов русского происхождения (допетровская эпоха)⁸⁸.

Такое издание, как «Вести-куранты», т. е. собрания сообщений о зарубежных новостях, также помогают составить представление об уровне осведом-

нов И. И. М.—Л., 1960; Evans N. Queen Elisabeth I and Tsar Boris: Five Letters, 1597—1603 (Oxford Slavonic Papers, vol. VII, 1957); Konovalov S. Twenty Russian royal letters 1626—1634 (Oxford Slavonic Papers, vol. VIII, 1958); idem. Seven letters of Tsar Mikhail to King Charles I 1634—1638 (Oxford Slavonic Papers, vol. IX, 1960); idem. Patrick Gordon's Dispatches from Russia, 1667 (Oxford Slavonic Papers, vol. XI, 1964); idem. Sixteen Further Letters of General Patrick Gordon (Oxford Slavonic Papers, vol. XIII, 1967); idem. England and Russia: Two Missions, 1666—1668 (Oxford Slavonic Papers, vol. XIII, 1967); см. также: Meyer K. Bibliographie zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1972 (Bibliographische Mitteilungen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität Berlin, Bd. 10), S. 140.

⁸⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией /Ред. Бестужев-Рюмин Н. Т. 1, 1581—1604 гг. СПб., 1883 (Сб. РИО, т. 38). Статейный список посольства в Англию дворянина Микулина, 1600—1601 гг.— В кн.: Сборник кн. М. А. Оболенского. Вып. 1. М., 1838. См. также: Путешествия русских послов XVI—XVII вв....

⁸⁵ Александренко В. Н. Материалы по Смутному времени на Руси XVII в.— Старина и Новизна, кн. 14. М., 1911.

⁸⁶ A collection of the state papers... John Thurloe Ed. Birch T. Vol. 1—7. London, 1742.

⁸⁷ Толстой Ю. В. Списки с царских грамот, хранящихся в лондонском королевском архиве.— ЧОИДР, 1864, кн. 2.

⁸⁸ Phipps G. M. Manuscript Collections in British Archives Relating to Pre-Petrine Russia (Canadian-American Slavic Studies, Vol. 6, 1972).

ленности русского внешнеполитического ведомства и его информационной сети⁸⁹.

Русско-белорусские связи освещаются в двух собраниях источников, которые охватывают период с 1570 по 1686 г.⁹⁰ Среди других материалов они содержат выдержки из таможенных книг, распоряжения российского правительства в отношении торговли с белорусскими областями, а также прошения русских и белорусских купцов — короче, документы, которые опровергают, как об этом сказано в предисловии к изданию, «утверждения отдельных исследователей об определяющем влиянии на экономику Белоруссии торговли с Западной Европой». В многочисленных публикациях источников освещаются также связи с рядом наций и народностей, которые обитали внутри современных границ с СССР, однако рассматривать здесь все эти материалы не представляется возможным. Наконец, необходимо назвать изданные Г. В. Форстенем преимущественно зарубежные источники, освещающие внешнеполитическую историю стран Балтийского моря⁹¹.

Документы так называемого Тайного приказа опубликованы в трех томах Русской исторической библиотеки. Материалы этого издания, в особенности вошедшие в 21 том, судя по всему, содержат информацию для исследования процесса принятия решений в области внешней политики Московского государства⁹².

Хроники, которые в отношении столетий, предшествовавших XVII в., являлись одним из важнейших источников по истории России, в рассматриваемом

⁸⁹ Вести-куранты. /Под ред. Коткова С. И. (1600—1639). М., 1972; (1642—1644). М., 1976; (1645—1646, 1648). М., 1980; (1648—1650). М., 1983.

⁹⁰ Русско-белорусские связи 1570—1667 гг. [Сб. документов.] /Отв. ред. Абецедарский Л. С., Волков М. Я. Минск, 1963; Русско-белорусские связи во второй половине XVII в. (1667—1686 гг.). [Сб. документов.] /Отв. ред. Игнатенко А. П., Королева Р. Г. Минск, 1972.

⁹¹ Форстен Г. В. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. Вып. 2.— Записки Ист.-фил. факультета имп. СПб. университета, т. 31, 1893.

⁹² Дела Тайного приказа. Кн. 1—4. СПб., 1907, 1908, 1904 и Л., 1926 (РИБ, т. 21—23, 38).

мый период утратили значительную долю своего значения; вместе с тем они нередко и внешне принимают иной вид. Потребность, которую ранее удовлетворяли хроники, не исчезла, напротив, она прибавила в масштабе и разнообразии. Но одновременно появились другие способы ее удовлетворения там, где она касалась исторической памяти. Прежде всего одну из функций авторов хроник взяли на себя чиновники приказов и канцелярий с их архивами и книгами; затем пришла очередь более или менее связанных единой темой исторических сочинений — они в особенности вошли в моду в первые десятилетия столетия. Так Смутное время стало темой многих из этих «повестей» и сказаний. Наконец, произведения несколько иного типа, чем традиционные русские хроники, так называемые хронографы, становятся в XVII в. чрезвычайно популярными. Тем не менее полностью летописание все же вытеснено не было; оно сохранило жизнеспособность и в Москве, и в провинциальных центрах, но это, конечно, были слабые отблески былого величия этого жанра.

Хронографы

Что же касается хронографов, то сразу не так легко отыскать довольно многочисленные публикации их редакций, содержащих материал по XVII в. М. Н. Тихомиров издал «Новгородский хронограф XVII в.»⁹³, а С. Ф. Платонов поместил в своем собрании источников о Смутном времени выдержку из так называемого «Карамзинского хронографа»⁹⁴. Этот ученый в свою очередь заимствовал материал данного произведения в другом издании, которое также содержит выдержки источников, относящихся среди прочего к Московскому восстанию 1648 г., а именно в «Изборнике» А. Н. Попова⁹⁵. Последнее собрание

⁹³ Тихомиров М. Н. Новгородский хронограф XVII в.— В кн.: Новгородский исторический сборник, вып. 7. Новгород, 1940.

⁹⁴ Платонов С. Ф. Социальный кризис Смутного времени. Л., 1924.

⁹⁵ Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции./Сост. Попов А. (Н.) М., 1869.

включает в себя «русские» части редакции 1617 г., полный текст которой имеется в высшей степени непрофессиональном издании архимандрита Амфилохия⁹⁶. Наконец, фрагмент из хронографа 1617 г. опубликован также в Русской исторической библиотеке (т. 13, 2-е изд., 1909).

Хроники

Как уже было сказано, в XVII в. хроники изменили свой характер. Во многих случаях они превратились в тематически скомпонованные повествования о каком-либо определенном периоде, их авторы перестали включать в них сочинения своих предшественников о древнейших временах. Хорошим примером здесь служит «Новый летописец», описывающий события в период Смутного времени. Этот источник опубликован в 14-м томе Полного собрания русских летописей. Происхождение его не совсем ясно, но предположительно он был составлен при дворе Филарета, во всяком случае где-то в кругах, близких к верховной власти государства⁹⁷. Заново отредактированный и восполненный вариант «Нового летописца» опубликован вместе с «Летописью о многих мятежах и разорении Москвы...», которая была впервые издана Н. И. Новиковым в 1773, а затем в 1788 г.⁹⁸ Пока нет полной ясности о происхождении этого источника; некоторые ученые считают, что он был составлен при дворе Никона, другие — что он был создан в городской среде.

Примером истории, легитимирующей царскую династию, следующей традиции «Степенной книги», может служить сочинение Ф. Грибоедова о русских царях и

⁹⁶ Амфилохий, архимандрит. Летописец, списанный св. Дмитрием в Украине с готового 2-й редакции до 1617 г. с его примечаниями по полям, изображением его и 25-ю номерами снимков его почерка из 30 рукописей и печатных книг, ему принадлежащих, и диплома, ему поднесенного Московской духовной академией. М., 1892.

⁹⁷ Полное собрание русских летописей, изданное Археографической комиссией (далее: ПСРЛ), т. 14, ч. 1. СПб., 1910.

⁹⁸ Новиков Н. И. Летопись о многих мятежах и о разорении Москвы от внутренних и внешних неприятелей. Изд. 2-е. М., 1788. Первое издание датируется 1771 г., см.: Дмитриева Р. П. Библиография русского летописания, с. 9—10.

великих князьях⁹⁹. К источникам этого сочинения относятся, кроме «Степенной книги», 2-я редакция Хронографа, «Сказание» А. Палицына, различные документы из архивов приказов и т. д. «Мазуринский летописец» опубликован в ПСРЛ, том 31. Он повествует также о Московском восстании 1682 г., его происхождение можно предположительно отнести к административным кругам¹⁰⁰.

Сибирское летописание — продукт XVII в., но предметом его были прежде всего события XVI в. Большая часть этих летописей носит отчетливо официозный характер, отчего и является ценным источником, отражающим позицию официальной идеологии в вопросе завоевания Сибири в XVII в. Речь идет о Есиповской летописи, Строгановской летописи и Ремезовской летописи, называемой также «Историей Сибирской». Кунгурская летопись представляет собой образец казачьего летописания. Все упомянутые хроники опубликованы в Сибирских летописях, вышедших в 1907 г., а также в английском издании 1975 г. Ныне готовится их новое издание¹⁰¹. Кроме того, Кунгурская летопись имеется в специальном факсимильном издании, подготовленном Археографической комиссией в 1880 г.¹⁰²

«Пискаревский летописец» — источник неясного происхождения, но, судя по всему, был составлен в боярских кругах, которые симпатизировали Василию Шуйскому. Он охватывает период до 1645 г. и с особой доскональностью повествует о событиях в годы Смутного времени. Еще один хронограф, «Сокращенный временник», основывается отчасти на том же источнике, что и «Пискаревский летописец», хотя и освещает зна-

⁹⁹ Грибоедов Ф. История о царях и великих князьях земли Русской... СПб., 1896. (Памятники древней письменности и искусства. Вып. 121).

¹⁰⁰ ПСРЛ, т. 31. М., 1968.

¹⁰¹ Сибирские летописи. (СПб.?), 1907; см.: Подробный каталог..., с. 9; Yermak's Campaign in Siberia. A Selection of Documents translated from the Russian by Tatiana Minorsky and David Wileman. Edit. Armstrong T. London, 1975 (Works issued by the Hakluyt Society, second ser., № 146); Böncken F. Kurze sibirische Chronik (Die kungurische). Deutsch von Franz Böncken. SPb., 1883.

¹⁰² Краткая Сибирская летопись (Кунгурская). СПб., 1880. См.: Подробный каталог..., с. 60.

чительно больший период — до 1691 г. С целью сравнения информации, содержащейся в этих двух источниках, они опубликованы в общем издании¹⁰³. Хроники церковного и частного происхождения будут рассмотрены ниже.

Украинские летописи

Самая известная из украинских хроник — «Літопис Самовидця»; она имеется в нескольких изданиях, а именно: О. Бодянского (1846), О. И. Левицкого (1878), перепечатанной в Гарварде, и, наконец, Я. И. Дзиры (1971)¹⁰⁴ — издании, которое подверглось острой критике О. Прицаком¹⁰⁵. В «Літописе Самовидця», изданном Левицким, опубликован и «Хмельницький літопис», охватывающий период с 1636 по 1650 г. Этот источник повествует среди прочего о разорении страны во время войн. Здесь же приводится и «Краткое описание Малороссии», впервые опубликованное В. Рубаном в 1777 г. Оно оценивается как попытка придать летописи Г. И. Грабянки дидактическое направление. Судя по всему, такое изменение совпало с господствовавшими в ту эпоху вкусами, так как сочинение это, содержащее явно попытки установить связь между казацкой Украиной и Киевской Русью, было весьма популярным среди читателей XVIII в.¹⁰⁶ Летопись Грабянки — компиляторское сочинение, которое, как и многие названные выше, наиболее интересно благодаря своему отражению событий накануне и во второй половине XVII в.¹⁰⁷

¹⁰³ Материалы по истории СССР. /Отв. ред. Новосельский А. А. Т. 2. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955, с. 5—210.

¹⁰⁴ Бодянский О. М. Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобиях бывших в Малой России по его смерти. Доведена продолжателями до 1734 года. М., 1846; впервые опубликована в: ЧОИДР, 1846, кн. 1—2; Левицкий О. И. Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. С приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого описания Малороссии», «Собрания Исторического». Киев, 1878; Дзира Я. И. Літопис Самовидця. Київ, 1971 (Джерела з історії України).

¹⁰⁵ Літопис Самовидця... /Рец. О. Прицака.— A Review of Soviet Ukrainian Scholarly Publications, vol. 2, № 1. Fall 1971.

¹⁰⁶ См. прим. 104, сн. на О. И. Левицкого.

¹⁰⁷ Действия презельной и от начала поляков крвавшой небывалой брани Богдана Хмельницкого..., трудом Григория Грабянки

Столь же компилятивно «Сказание о войне Козацкой...», сочиненное С. Величко, который в своем произведении среди многих других авторов использует и С. Пуффендорфа. Сочинение Величко было вначале опубликовано в «Памятниках, издаваемых Временной комиссией для разбора древних актов», а затем в качестве тома, открывшего издание *Monumenta Litterarum Ukrainicarum*¹⁰⁸.

«Львівський літопис» несет на себе отчетливые следы сопереживания событий 1630-х гг. Он неоднократно публиковался, в последний раз — О. А. Бевзо, который издал и снабдил этот источник комментарием совместно с «Острожским літописцем»¹⁰⁹. В. Антонович опубликовал «Межигорський рукопис», включающий в себя хроники, посвященные Киеву и Волини, за периоды 1393—1611 гг. и 1612—1620 гг.

Следует признать, что однозначно определить происхождение украинских летописей не всегда легко, но тем не менее имеются весьма веские основания (такие, как служебное положение летописцев и их доступ к государственным архивам) относить их по преимуществу к вышедшим из административно-чиновничьих кругов.

собранный и самобытных старожилов свидетельству утвержденная. Року 1710. Киев, 1854; см.: Библиографический указатель..., вып. 7, с. 36, а также: D o g o s h e n k o D. A. Survey of Ukrainian Historiography. New York, 1957 (The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S. Vol. 5—6, 1957, № 4 (18)—1, 2 (19—20), p. 51—53; см., кроме того: Наріжний С. «Действія презельной брани» (Літопис Григорія Грабянки) (Праці Українського іст.-філол. товариства в Празі, т. другий, виданий на понашу голови товариства профессора Дмитра Антоновича. Прага, 1939).

¹⁰⁸ Величко С. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Составил Самоил Величко, бывший канцелярист канцелярии войска Запорожского. 1720. Т. 1—4. Киев, 1848—1864. См.: Библиографический указатель..., вып. 7, с. 31—32, а также: D o g o s h e n k o D. Op. cit., p. 46—50; Monumenta Litterarum Ukrainicarum, t. 1. Kiev, 1926.

¹⁰⁹ Бевзо О. А. Львівський літопис і Острозький літописець. Джерелознавче дослідження. Київ, 1970. Ранее эти источники были изданы в: Український історичний журнал, 1965, № 4—9. «Острозький літописець» опубликован также в: Исторический архив, т. 7. М., 1951.

ЦЕРКОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Летописи

Сохранившиеся летописи церковного происхождения весьма немногочисленны, но уже в вышеупомянутой рукописи мы находим монастырскую хронику, живым языком описывающую Киев и казацкую историю¹¹⁰. «Летописец 1619—1691 гг.» скорее всего также церковного происхождения, хотя его автор наверняка был близок к дворцовым кругам. Источник этот описывает главным образом события в Москве, он опубликован в ПСРЛ¹¹¹. Здесь же находится «Золотаревский летописец / Золотаревское сказание», повествующее о взятии Астрахани Степаном Разиным¹¹².

«Новгородская третья летопись» заканчивается событиями исхода XVII в., а в одной из своих версий — даже 1716 г. Прежде всего здесь описываются события церковной жизни, но встречается информация иного рода, например, о захвате шведами Новгорода в начале XVII в. В одном из приложений речь идет об осаде шведами Тихвинского монастыря в 1613 г.¹¹³

«Псковская первая летопись» касается истории Смутного времени и восстания 1648 г.¹¹⁴ Интересно отметить, что рукопись, которая доводит повествование до середины XVII в., в более позднем, критическом издании «Псковских летописей» выводится из «Псковской третьей летописи»¹¹⁵.

Об известном Соловецком монастыре имеется «Летописец Соловецкий, или Краткое летописание о начальном житии на Соловецком озере», источник, который в 3-м издании вышел под названием: «Летописец Соловецкий на 4 столетия, от основания Соловецкого

¹¹⁰ Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной России. Киев, 1888 (издание не верифицировано).

¹¹¹ ПСРЛ, т. 31. М., 1968.

¹¹² Там же.

¹¹³ ПСРЛ, т. 3. СПб., 1841.

¹¹⁴ ПСРЛ, т. 4. СПб., 1848.

¹¹⁵ Псковские летописи./Под ред. Насонова А. Н. Вып. 1. М.—Л., 1941 (Slavica-Reprint, 2. Den Haag, 1967); вып. 2. М., 1955.

монастыря до настоящего времени, т. е. с 1429 по 1833»¹¹⁶.

Синодальные акты и церковно-правовые документы

Отдельный корпус источников церковного происхождения — материалы Московских соборов, завершивших дело Никона. Они опубликованы в «Деяниях Московских соборов...»¹¹⁷ и частично — в «Дополнениях к Актам историческим»¹¹⁸. Другие документы того же происхождения стали доступны после опубликования Н. И. Субботиным «Материалов для истории раскола»¹¹⁹, Археографической комиссией — «Дела о патриархе Никоне»¹²⁰, а В. Палмером — 6-томного издания «Патриарх и царь», 1-й том которого озаглавлен: «Ответы смиренного Никона, митрополита милостью божьей, на вопросы боярина Симеона Стрешнева и возражения митрополита Газы Паисия Лигаридеса»¹²¹. Письма патриарха Никона царю Алексею Михайловичу за 1652—1658 гг. приведены в издававшихся Археографической комиссией «Письмах русских государей...»¹²². Некоторые другие церковные источники опубликованы во 2-м издании «Древней Российской Вивлиофики»¹²³.

Агиография

Что касается издания агиографической литературы (которая в известном смысле имеет ценность как исто-

¹¹⁶ М., 1815; 2-е изд. М., 1821; 3-е изд. М., 1833; 4-е изд. М., 1847. См. также: Castrén M. A. *Utdrag ur Solovetska klosterkgrönikan* (Suomi, 1843, Н. 4).

¹¹⁷ Деяния Московских соборов 1666 и 1667 годов, издание (второе) братства св. Петра митрополита, вновь проверенное по подлинной рукописи. М., 1893. Репринт: Slavistische drukken en herdrukken, t. 190. The Hague — Paris, 1970.

¹¹⁸ Деяния или постановления Московского Собора об исправлении церковного благочиния и о делах касающихся раскола.— Дополнения к Актам историческим. Т. 5. СПб., 1853, с. 439—510.

¹¹⁹ Материалы для истории раскола..., т. 1—9.

¹²⁰ Дело о патриархе Никоне; см.: Подробный каталог..., с. 63.

¹²¹ Palmer W. *Op. cit.*

¹²² Письма Русских государей и других особ царского семейства. Т. 1, 1526—1658. М., 1848; см.: Подробный каталог..., с. 61—62.

¹²³ Древняя Российская Вивлиофика..., т. 10—11. М., 1790.

рический источник), то это дало весьма слабые результаты. Большая часть того, что было создано в этой области в XVII в., по-прежнему скрыта в архивах. Нет ничего, что даже отдаленно могло бы сравниться с опубликованным в серии Археографической комиссии монументальным 14-томным изданием «Четых-Миней» Макария. В некоторой связи с последним можно назвать лишь «Житие и завешание святейшего патриарха Московского Иоакима»¹²⁴, «Житие преподобного Елеазара Анзерского»¹²⁵ и «Житие преподобного Никодима, кожеозерского чудотворца»¹²⁶ — произведения, которые, насколько известно, исследованию на предмет их ценности как исторического источника не подвергались.

Поместные архивы и расходные книги

Архивы церковных владений также по большей своей части оставались неопубликованными, но можно

¹²⁴ Публ. и предисл. Н. П. Барсукова. СПб., 1879. (Общество любителей древней письменности. Т. 47, № 13).

¹²⁵ Православный собеседник, 1860, январь — февраль; см.: Барсуков Н. Источники русской агиографии СПб., 1882; репринт: Leipzig, 1970, S. 192—193.

¹²⁶ Православный собеседник, 1865, март; см.: Барсуков Н. Источники..., с. 396—397; из числа других житий см.: Александр. Житие и подвизи отца нашего, воздержателя и столпа крепка и страдателя и наставника и учителя и затворника Борисоглебского монастыря, иже есть на Устье, старца праведна мужа Иринарха..., — РИБ, т. 13. Изд. 2-е, доп. СПб., 1909, с. XXXIX, стб. 1349—1416; см.: Барсуков Н. Источники..., с. 224—225; История о первом патриархе Иове Московском и всей России. — РИБ, т. 13. Изд. 2-е, доп. СПб., 1909, с. XXIII—XXIV, стб. 923—950; см.: Барсуков Н. Источники..., с. 262 и далее; Наседка Иван. О житии святого архимандрита Дионисия. — В кн.: Канон преподобному отцу нашему Дионисию, архимандриту Сергиевы Лавры, Радонежскому чудотворцу, с присовокуплением жития его. Изд. 2-е. М., 1855, с. 39—75; Азарьин Симон. Житие и подвиги преподобного отца нашего архимандрита Дионисия. — В кн.: Канон преподобному отцу..., с. 1—38; Барсуков Н. Источники..., с. 168—169; Иона Филиппов Суровцын. Сказание вкратце о житии преподобного старца Евфросина. / Публ. Адрианова С. А. — В кн.: Летопись занятий Археографической комиссии за 1900 г. Вып. 13. СПб., 1901, с. 1—32 (паг. 2); см.: Барсуков Н. Источники..., с. 185 и История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. / Под ред. Зайончковского П. А. История, зап. 131. М., 1976. Все названные здесь источники содержат материалы о Смутном времени.

назвать фонды патриаршего поместного архива, которые вошли в 3-й том актов феодального землевладения; среди других документов здесь приводится ряд жалованных грамот патриарха Филарета, относящихся к 1619—1622 гг.¹²⁷ Финансовая документация церковного происхождения издана Археографической комиссией в «Расходной книге Патриаршего Приказа»¹²⁸, которая предоставляет возможность составить впечатление об образе жизни высшего духовенства той эпохи.

Подобные же документы Казенного приказа опубликованы в 9-м томе Русской исторической библиотеки¹²⁹. В томах 12, 14 и 25 той же серии изданы акты по истории Холмогорской и Устюжской епархий и несколько приходо-расходных книг, а также вообще источники по различным сторонам жизни в северо-восточной России, среди которых встречается масса материала по истории культуры¹³⁰.

Следует назвать также осуществленную архимандритом Леонидом публикацию отдельных частей архива Ново-Иерусалимского монастыря, среди которых, кроме приходо-расходных книг, изданы также описи монастырского имущества, казны, жалованных грамот и т. д.¹³¹ Приходо-расходные книги владимирских и суздальских монастырей также были опубликованы¹³².

¹²⁷ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. Ч. 3. М., 1961.

¹²⁸ Расходная книга Патриаршего Приказа кушаньям, подававшимся патриарху Адриану и разного чина лицам с сентября 1698 по август 1699 г. СПб., 1890; см.: Подробный каталог..., с. 63.

¹²⁹ Приходо-расходные книги Казенного Приказа за 1613 и 1614 гг.—РИБ, т. 9. СПб., 1884.

¹³⁰ Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1—3. СПб., 1890, 1894, 1908 (РИБ, т. 12, 14, 25).

¹³¹ Леонид, архимандрит. Историческое описание ставропигиального воскресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря, составленное по монастырским актам настоятелем оного архимандритом Леонидом. (Без места и г. изд.); опублик. также в: ЧОИДР, 1874, кн. 3—4; 1875, кн. 1—3; см.: Библиографический указатель..., вып. 5, с. 69, 366.

¹³² Приходо-расходная книга суздальского Покровского девичьего монастыря на 1685 г.—Владимирские губернские ведомости, 1857, № 47—50; 1858; № 18—20; Приходо-расходная книга суздальского Спасо-Евфимиева монастыря 1697 г.—Владимирские губернские ведомости, 1856, № 4, ч. неофиц.; Приходо-расходная тетрадь игуменьи владимирского Успенского девичьего княгинина

Наиболее интересным примером публикации материала монастырского архива являются, возможно, «Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582—1706 гг)», так как они освещают среди прочего и деятельность Никона¹³³.

Источники по конфессиональным распрям

Среди не столь уж малочисленных собраний источников по конфликтам между представителями различных исповеданий «Памятники прений о вере...», в которых речь идет о теологической дискуссии между датчанами и русскими в связи с намеченным браком между принцем Вальдемаром Кристианом и Ириной Михайловной, занимают в сознании любого датчанина, естественно, особое место¹³⁴.

Материалы католической церкви

Наиболее значительные публикации источников по украинской (и белорусской) церковной и культурной истории проводились начиная с XIX в. и позднее в Риме, где архивы Ватикана поистине кажутся неисчерпаемыми. Особенно много как издатель здесь сделал А. Г. Великий. Из подобных публикаций можно назвать двухтомные *Documenta pontificum romanorum historiam Ucrainae illustrantia, 1075—1953*, 1-й том которых охватывает период до 1700 г.¹³⁵, *Monumenta Ucrainae historica...*, по меньшей мере 3 тома которых посвящены XVII в.¹³⁶, 13-томные *Litterae nuntiorum apostolicorum historiam Ucrainae illustrantes (1550—1850)*, из которых большая часть посвящена XVII в.¹³⁷,

монастыря 1629 г.— Владимирские губернские ведомости, 1857, № 32, ч. неофиц.

¹³³ РИБ, т. 5. СПб., 1878.

¹³⁴ Голубцов А. П. Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, 1644—1645 гг. М., 1891; опубл. также в: ЧОИДР, 1892, кн. 2.

¹³⁵ Documenta..., vol. 1.

¹³⁶ Monumenta Ucrainae historica. Edit. Septyckyj A. Rom, 1964 ff. Следующие тома верифицированы: vol. 1 (1075—1623), 1964; vol. 2 (1624—1648), 1965; vol. 4 (1671—1701), 1967.

¹³⁷ Litterae nuntiorum apostolicorum historiam Ucrainae illustrantes (1550—1850). Ed. Welykyj A. G. Romae, 1959 ff (An-

Litterae episcoporum historiam Ucrainae illustrantes (1600—1900), где 2-й и 3-й тома охватывают период с 1641—1690 гг.¹³⁸ и, наконец, по меньшей мере 7-томное издание *Litterae S. C. de Propaganda Fide Ecclesiam Catholicam Ucrainae et Bielarusjae Spectantes*, содержащее среди прочих источников богатые материалы по религиозным братствам¹³⁹.

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Приступая к рассмотрению сохранившихся и опубликованных личных архивов, следует заметить, что материал их в своей массе не слишком велик. Имеются в виду главным образом несколько частных поместных архивов, некоторые собрания, касающиеся торговой и мануфактурной деятельности, а также частные дневники и мемуары. Между дневниками и мемуарами, с одной стороны, и публицистическими произведениями — с другой, принято проводить границу. Впрочем, понятно, что разделение это между двумя категориями источников весьма условно и что трудно даже после тщательного изучения последовательно квалифицировать их согласно упомянутому принципу. Читателю необходимо учитывать эту трудность и относиться к предпринятой классификации как к несколько условной.

alecta Ordinis S. Basilii Magni, Series 2, Secto 3). Следующие тома верифицированы: vol. 1 (1550—1593), 1959; vol. 4 (1621—1628), 1960; vol. 5 (1629—1638), 1961; vol. 7 (1649—1651), 1962; vol. 8 (1652—1656), 1963; vol. 9 (1657—1659), 1963; vol. 10 (1659—1663), 1965; vol. 11 (1664—1669), 1967; vol. 12 (1670—1674), 1968; vol. 13 (1675—1683), 1969.

¹³⁸ *Litterae episcoporum historiam Ucrainae illustrantes (1600—1900)*. Edit. Welykyj A. G. Верифицированы: vol. 2 (1641—1664). Rom, 1973; vol. 3 (1665—1690). Rom, 1974.

¹³⁹ *Litterae S. C. De Propaganda Fide...*, vol. 3—7. Rom, 1956—1957. Не верифицированы. Источник: Sysyn F. (рец. на): Исаявич Я. Д. Джерела з історії української культури доби феодалізму, XVI—XVIII ст. Киев, 1972 (Recenzija, IV, 2, 1974, note 12). Наконец, можно указать на: *Epistolae metropolitaram Kioviensium Catholicorum, 1674—1713*. Ed. Welykyj A. G. Rom, 1958 (Documenta Romana Ecclesiae Catholicae in terris Ucrainae et Bielarusjae. *Epistolae metropolitaram, archiepiscoporum et episcoporum*, 3) (Analecta OSBM, Series 2, Sectio 3). Два первых тома этой серии не верифицированы.

Поместные архивы

Самый значительный из поместных архивов отражает управление гигантским помещичьим хозяйством Б. И. Морозова. Отчасти этот архив состоит из переписки, которую этот крупный феодальный магнат вел с управляющими своих разбросанных на большой территории имений, отчасти из прихода-расходных книг и копий кадастров, утраченных государственными архивами. Часть указанных материалов была опубликована в «Хозяйстве крупного феодала-крепостника XVII в.», часть — в весьма схожих «Актах хозяйства Б. И. Морозова»¹⁴⁰. Другой довольно хорошо сохранившийся архив относится к поместьям стольника А. И. Безобразова, которые представляли собой средний по величине комплекс имений. Наконец, можно назвать архив рода Пазухиных.

Архив Безобразова был положен в основу монографии 1929 г. А. А. Новосельского о вотчиннике и его хозяйстве в XVII в.¹⁴¹ Опубликован длинный ряд отдельных документов из различных поместных архивов. Так, например, С. А. Шумаков издал большое количество купчих крепостей¹⁴².

Архивы торгово-промышленных домов

Среди архивов торговых и промышленных домов самым значительным является Строгановский. Строгановы имели, например, в Соль-Вычегодске собственные канцелярии, где собирались всевозможные материалы—

¹⁴⁰ Хозяйство крупного феодала-крепостника..., ч. 1—2; Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова..., т. 1—2.

¹⁴¹ Новосельский А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М., 1929; репринт: Slavistische drukken en herdrukken, 152. Haag — Paris, 1968; часть документов Безобразовского архива опубликована в: Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда Безобразова). /Изд. Котков С. И., Тарабасова Н. И. М., 1965.

¹⁴² Шумаков С. А. Материалы для истории Нижегородского края. Вып. 1. Нижний Новгород, 1898; он же. Материалы для истории Рязанского края. Вып. 1. Рязань, 1898; он же. Тверские акты. Вып. 1—2. Тверь, 1896—1897; он же. Угличские акты. М., 1899; он же. Обзор грамот Коллегии экономии. Вып. 1. М., 1900; он же. Сотницы, грамоты, записи. Вып. 3. М., 1904.

от актовой документации до публицистических произведений. Отсюда ведет свое происхождение между прочим и так называемый «Строгановский сборник», представляющий собой отчасти книгу копий входящей и исходящей корреспонденции, отчасти — собрание довольно многочисленных публицистических сочинений, относящихся к Смутному времени.

Большинство писем опубликовано в «Актах Археографической комиссии», тома 2-й и 3-й, тогда как часть публицистических работ издана в «Русской исторической библиотеке», том 13-й, и других изданиях.

Среди публицистических произведений особый интерес представляет собой «Повесть како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов». Это — краткая редакция «Повести 1606 года», которая в свою очередь являлась составной частью «Иного сказания». Наконец, ряд документов из архивов Строгановых был опубликован в «Торговом доме XVI—XVII вв.» А. А. Введенского, где имеются также библиографические указания на более ранние публикации материалов из строгановских архивов. Актовые материалы, опубликованные в издании Введенского, касаются торгового двора, сельскохозяйственной экономики Строгановых, их торговли и мануфактур, а также их связей с инородцами Сибири. Старейшие источники этого собрания относятся к 1526 г., последний из них, опись имущества, датирован 1686 г.¹⁴³

Не столь велик другой архив, Калмыковых, откуда удалось извлечь свыше 100 дел, содержащих около 450 документов, которые освещают период с 1672 по 1701 г. Около 500 листов актов данного архива опубликовано в работе Н. А. Баклановой о торгово-промышленной деятельности Калмыковых¹⁴⁴. Они охватывают, помимо прочего материала, переписку между владельцами торгового дома и их доверенными людьми, различной формы контракты между работодателями и

¹⁴³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией..., т. 2—3; РИБ, т. 13. Изд. 2-е, СПб., 1909; Введенский А. А. Торговый дом XVI—XVII вв. — В кн.: Памятники социально-экономической истории России. /Под ред. Заозерского А. И., Кашина В. Н. Л., 1924.

¹⁴⁴ Бакланова Н. А. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в. с. 203—255.

наемной рабочей силой («наемные записи», «жилые записи»), а также часть в целом весьма редко публикуемых «поручных записей», которые составлялись, когда нанимались, например, экипажи для транспортных перевозок по рекам. Упомянутые контракты дают хорошее представление об условиях существования свободной рабочей силы. Наконец, данная публикация содержит приходо-расходные книги и счета.

Летописи

Среди публикаций летописи частного происхождения также представлены весьма скромно, однако и здесь сразу же можно упомянуть такие примеры, как «Бельский летописец», в котором повествуется о Смутном времени, или «Пинежский летописец». Первый памятник опубликован В. И. Корецким в одном из номеров журнала «Вопросы истории»¹⁴⁵, а также в 34-м томе ПСРЛ. «Пинежский летописец» был опубликован в одном из сборников А. И. Копаневым¹⁴⁶.

Мемуары и дневники

Желающим получить общее представление относительно опубликованных мемуаров и дневников можно порекомендовать обратиться к аннотированной библиографии «Истории дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях», том I, где нередко отсутствует даже попытка провести границу между весьма схожими жанрами мемуаров, дневников и публицистики¹⁴⁷.

Среди более или менее известных источников такого рода можно назвать повествование гетмана Станислава Жолкевского о войне с Россией в начале XVII в.¹⁴⁸,

¹⁴⁵ Корецкий В. И. Новое о крестьянском закрепощении и восстании И. И. Болотникова.— Вопросы истории, 1971, № 5, с. 130—152.

¹⁴⁶ Копанев А. И. Пинежский летописец XVII в.— В кн.: Рукописное наследие Древней Руси (По материалам Пушкинского дома). /Отв. ред. Панченко А. М. Л., 1972, с. 57—91.

¹⁴⁷ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах.

¹⁴⁸ Żółkiewski S. Początek i progres wojny moskiewskiej./ Edit. Maciszewski J. Warszawa, 1966; русский перевод издан

дневники, которые генерал Патрик Гордон вел на службе у Швеции, Польши и России во второй половине столетия¹⁴⁹, дневник И. Будило о событиях, относящихся к Смутному времени¹⁵⁰, дневник Яна Сапеги за тот же период¹⁵¹ и, наконец, воспоминания Яна Х. Пасека о его участии в русско-польской войне в конце 1650-х — начале 1660-х гг. Последнее сочинение переиздавалось множество раз¹⁵².

Из других польских мемуаров, непосредственно касающихся отношений с Московским государством, можно назвать «Сокровищницу памяти» М. Форбек-Леттова, придворного врача Владислава IV, которая содержит сведения о русско-польских отношениях как в начале столетия, так и во время украинских восстаний¹⁵³, мемуары канцлера Е. Оссолинского¹⁵⁴ и, наконец, мемуары Самуэла и Богуслава Казимира Маске-

Археографической комиссией: Жолкевский С. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871; см.: Подробный каталог..., с. 41, а также: История дореволюционной России..., т. 1, зап. 123; наконец, имеется английский перевод: *Żółkiewski S. Expedition to Moscow, a Memoir.* London, 1959.

¹⁴⁹ Gordon P. Tagebuch des Generals Patrick Gordon während seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen 1655—1661, und seines Aufenthaltes in Russland vom Jahre 1661 bis 1699, t. 1—3. Moskva, 1849—1852; Zu ersten Male vollständig veröffentlicht durch M. A. Obolenski und M. G. Posselt. Bd. 1—3. M.—SPb., 1849—1852; см. также: Gordon Patrick. Passages from the Diary of General Patrick Gordon of Auchleuchries in the Years 1635—1699, 1st edition, new impression. London, 1968 (см. библиограф. обзор на с. 197—217).

¹⁵⁰ Будило И. Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603—1613), известный под именем Истории ложного Дмитрия (Dmitra falszywego).— РИБ, т. 1. СПб., 1872, с. VI—VII, стб. 81—364.

¹⁵¹ Выписка из дневника московского похода Яна Петра Сапеги, с 1608 по 1611 год.— Сын отечества и Северный архив, 1838, т. 1, № 1/2, отд. 3, с. 29—64; без сокращений опубликован в: *Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. Zbiór materiałów.*/Wyd. A. Hirschberg. Lwów, 1901.

¹⁵² Pasek J. Ch. Pamiętniki./Opracował Roman Pollak. Warszawa, 1971. См. также: *Ilse H. Udlaendinges rejser i Danmark indtil år 1700. En bibliografisk fortegnelse.* København, 1963, pos. 71.

¹⁵³ Vorbeck-Lettow M. Skarbnica pamięci. Pamiętnik lekarza króla Władysława IV. Wrocław, 1958.

¹⁵⁴ Ossoliński J. Pamiętnik 1595—1621. Wrocław, 1952.

вичей¹⁵⁵. В 1-м томе «Русской исторической библиотеки» также собран ряд дневниковых материалов, ведущих происхождение от эпохи Смутного времени¹⁵⁶.

Восстание стрельцов рассматривается с различных позиций в повествованиях соответственно А. А. Матвеева¹⁵⁷ и С. А. Медведева¹⁵⁸. Сочинение Сильвестра стоит на границе двух жанров — летописи и мемуаров. Его труд был создан при дворе, и он сумел использовать имевшиеся там материалы.

«Житие протопопа Аввакума» — одно из известнейших произведений русской мемуарной литературы; имеется множество его изданий и переводов, вокруг него сложилась большая исследовательская литература¹⁵⁹. Автор был священником, являясь одним из самых

¹⁵⁵ S a j k o w s k i A. Pamiętniki Samuela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów. Wrocław, 1961.

¹⁵⁶ РИБ, т. 1. СПб., 1872.

¹⁵⁷ Матвеев А. А. Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева. — В кн.: Записки русских людей./Публ., предисл. Сахарова И. П. СПб., 1841, с. I—VIII, 1—94.

¹⁵⁸ Сильвестр (Медведев С. А.) Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве — ЧОИДР, 1894, кн. 4, отд. 2, с. I—LII, 1—197. См. другие издания: История дореволюционной России..., зап. 231(1), 231(2). Кроме того, см.: Колосова Е. В. «Созерцание краткое» Сильвестра Медведева и традиции русской исторической повести в XVII в. В кн.: Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.)./Отв. ред. Робинсон А. Н. М., 1971 (Исследования и материалы по древнерусской литературе, вып. 3).

¹⁵⁹ Аввакум. Житие. (Первая, вторая и третья редакция)./ Предисл., указ. разночт., хронол. указ. Барскова Я. Л. — В кн.: Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1. Вып. 1, Л., 1927, с. VII—XVII, стб. 1—240 (РИБ, т. 39); Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения./Под ред. Гудзий Н. К. М., 1960; Робинсон А. И. Жизнеописание Аввакума и Епифания. Исследование и тексты. М., 1963; Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания./Отв. ред. Малышев В. И. Л., 1975 (здесь приводится недавно найденный автограф жития Аввакума, сводимый к третьей редакции сочинения); Das Leben des Protopopen Avvakum von ihm selbst niedergeschrieben./Herausg. Hildebrandt G. Göttingen. 1965; La vie de l'archiprêtre Avvakum, écrite par lui-même, et sa dernière épitre au tsar Alexis./Ed. Pascal P. Paris, 1960; Life of the Archpriest Avvakum by himself./Ed. by Harrison J. & Mirrless H. I. ed. 1924; 2. ed. Hamden, Conn., 1963. О других изданиях текста «Жития» в исследовательской литературе см., напр., в: Малы-

выдающихся борцов и мучеников старообрядчества. Деятельность его была последовательно направлена против сторонников реформ в церкви и правительстве. Кроме описания борьбы, связанной с церковным расколом, «Житие» содержит богатые сведения о социальной и культурной жизни, современной его автору.

ПУБЛИЦИСТИКА

Что касается жанра публицистики, то начало XVII в. отмечено замечательной плодотворностью. Появляется множество сказаний, повестей, «чудес», «слов» и т. д., и многие из этих сочинений представляют значительную ценность как источники. Однако в дальнейшем на протяжении столетия заметна некая деградация источниковой ценности этого жанра — по мере того, как к повествованиям примешивается все больше легендарных сюжетных черт. Тем не менее произведения эти остаются прекрасным источником для исследования культурного климата эпохи, это касается также и тех сочинений, которые можно отнести к «демократической сатире»¹⁶⁰.

Другую интересную и ценную группу источников представляют собой описания России, сделанные иностранцами, это прежде всего заметки путешественников. В. О. Ключевский посвятил одну из своих известнейших работ именно этой категории источников¹⁶¹.

шев В. И. Библиография сочинений протопopa Аввакума и литературы о нем 1917—1953 годов.— Труды Отдела древнерусской литературы АН СССР, Институт русской литературы. Т. 10. Л., 1954, с. 435—446.

¹⁶⁰ Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира XVII века. Изд. 2-е, доп. М., 1977; среди многочисленных работ по источниковедению публицистики XVII в. необходимо выделить труд: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. Изд. 2-е. СПб., 1913. (Соч., т. 2); репринт: Russian Reprint Series, XXXVIII, 2. The Hague, 1966; критику последнего см., в: Дмитриева Р. П. Библиография русского летописания..., зап. 892.

¹⁶¹ Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. Пгд., 1918. Первое издание вышло в 1866 г. в виде отдельной книги в серии «Московское государство по описаниям иностранцев XVII—XVIII вв.»

Русская публицистика

Многие из русских публицистических работ о Смуте вошли в 13-й том «Русской исторической библиотеки», однако позже они были изданы и самостоятельно. Это относится прежде всего к «Сказанию Авраамия Палицына», повествующему об осаде Троицкого монастыря в 1606 г.¹⁶², «Иному сказанию»¹⁶³, «Повести 1606 г.»¹⁶⁴ и «Временнику Ивана Тимофеева» с его оценкой ряда политических фигур, завершавшегося XVI и началом XVII столетий, а также описанием положения в Новгороде во время шведской оккупации в 1608 г.¹⁶⁵

Здесь же необходимо назвать «Повесть книги сея от прежних лет...» И. М. Катырева-Ростовского, в которой он, помимо прочего, описывает свои впечатления от участия в военных действиях во время Смуты, завоевания поляками Москвы и последующего их изгнания¹⁶⁶.

Г. К. Котошихин

Совершенно особое место в ряду источников занимает труд Григория Котошихина о России в эпоху Алексея Михайловича¹⁶⁷. Котошихин служил в центральной администрации России, но бежал за рубеж и

¹⁶² Сказание Авраамия Палицына./Под ред. Черепнина Л. В. М.—Л., 1955.

¹⁶³ «Иное сказание о самозванцах». То же сказание, помещенное в Хронографе.— В кн.: Временник имп. Московского общества истории и древностей российских. Кн. 16, 1853, отд. 2; РИБ, т. 13. Изд. 2-е, доп. СПб., 1909, с. VII—VIII, стб. 1—144. Сочинение «Иного сказания» было реакцией на произведение Авраамия Палицына.

¹⁶⁴ «Повесть 1606 года» входит, как указывалось, в «Иное сказание», см. прим. 163, а также: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания..., с. 4

¹⁶⁵ Временник (Ивана Тимофеева)./Под ред. Адриановой-Петрец В. П. М.—Л., 1951.

¹⁶⁶ Катырев-Ростовский И. М. Повесть книги сея от прежних лет...— РИБ, т. 13. Изд. 2-е. СПб., 1909, с. XIX—XXII, стб. 559—712.

¹⁶⁷ Colossichin G. Beskrifning om Muschofsche Rijkets Staat (1669). Stockholm, 1908; Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4-е./Публ. и предисл. Барсукова А. П. СПб., 1906.

окончил жизнь в Швеции, где по предложению шведских властей написал свое сочинение. Он чрезвычайно остро критикует многие стороны русского общества в целом и систему управления России, хотя и пытается приправить это горьким юмором. Само собой разумеется, книга Котошихина — важный источник для реконструкции структуры и функциональных особенностей российской администрации.

Описание России иностранными авторами

Rossica нерусского происхождения, в том числе заметки иностранных путешественников, с течением времени стала широко издаваться. Без сомнения, лучший обзор этих изданий содержится в специализированных печатных каталогах уникального в смысле полноты собрания Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде¹⁶⁸. Эти каталоги отличаются от библиографий и обзоров Ф. Аделунга, В. А. Кордта и Х. Нерхуда (H. Nerhood) тем, что в них включены лишь те авторы, которые лично бывали в России — данный критерий был решающим при составлении этих обзоров¹⁶⁹.

Наиболее известным общим описанием России XVII в. является труд Адама Олеария¹⁷⁰.

¹⁶⁸ Catalogue de la section des Russica, ou écrits sur la Russie en langues étrangères. SPb., 1873; репринт: Amsterdam, 1964, издание охватывает материал, опубликованный до 1869 г.; дореволюционные издания по истории СССР в иностранном фонде Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вып. 1: История СССР с древнейших времен до конца XVII в.; вып. 2: Образование Российской империи (1682—1725)./ Сост. Гольдберг А. Л. Л., 1962, 1966. Обзор Гольдберга более полон, чем предыдущий Каталог..., но он отпечатан, к сожалению, лишь в 100 экз.

¹⁶⁹ Adelung F. v. Kritisch-literarische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind, Bd. 1—2. SPb., 1846; репринт: Amsterdam, 1960. Кордт В. Чужоземни подорожни по східній Европи до 1700 року. Київ, 1926 (Українська Академія наук. Збірник іст-філол. відділу, № 38); Nerhood H. To Russia and Return. An annotated bibliography of traveller's english language accounts of Russia from the ninth century to the present. Columbus, 1969.

¹⁷⁰ Olearius A. Oft beehrte Beschreibung der Newen Orientalischen Reise. Schleswig, 1647; Zudg.: idem. Vermehrte

Произведение Олеария — не просто путевые заметки, это отчасти и исследовательская работа, что следует, между прочим, и из широкого использования им трудов своих предшественников. Так 2-е издание его труда сопровождается библиографией из 160 названий книг. Олеарий был уникалом в том смысле, что необычайно подробно описывал свои источники. Среди произведений, на которые опирался Олеарий, была и русская хроника шведа Петра Петрея ¹⁷¹.

Как пример тех нередко чрезвычайно кружных путей, которыми прошли сведения, затем использованные Олеарием, а также в качестве призыва к источниковедческой бдительности можно указать здесь, что и Петрея не всегда следует относить к первоисточникам. Так, при подготовке немецкого издания своего труда он использовал некий *Tractat, darinn... der Moscoviten oder Rüssen Religion, Ceremonien, Gesetzen, Polycey und Kriegshandel, wie auch des Landts beschaffenheit beschrieben wird*. Этот трактат — также «заимствование» из работы голландца Иохана Данкерта ¹⁷². Наконец, примерно треть последнего произведения взята непосредственно из Герберштейновых *Rerum Moscoviticarum Commentarii*, а поскольку этот путешественник был в России в начале XVI в., то имеется реальная опасность столкнуться в заметках Олеария с анахроничными элементами ¹⁷³.

Moskowitzische Reise und Persianische Reisebeschreibung. Schleswig, 1656. См. русский перевод, осуществленный А. М. Ловягиным по 1-му изд.: О л е а р и й А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906; англ. пер.: The Travels of Olearius in Seventeenth-Century Russia./ Ed. Baron S. H. Stanford, 1967; недавнее немец. изд.: Olearius A. Moskowitzische und Persische Reise. Berlin, 1959; отдельные части повествования А. Олеария изложены в: Andersen S. O. Den persianske rejse. København, 1976.

¹⁷¹ Полные названия, а также перечень русских переводов см. в: Дмитриева Р. П. Библиография русского летописания..., с. 279—280. Regni Muschovitici Sciographia. Stockholm, 1615; Historien und Bericht von dem Grossfürstentumb Muschow. Leipzig, 1620.

¹⁷² Danckaert J. Beschryvinge van Moscovien ofte Ruslant. Amsterdam, 1615. См. также: Adelung F. v. Op. cit., Bd. 2, S. 293.

¹⁷³ Обзор многих изданий такого рода см. в: Дмитриева Р. П. Библиография русского летописания..., с. 277 и далее.

Обстановка в России в начале XVII в. среди других описаний отражена также в сочинениях таких авторов, как Конрад Буссов, Жак Маржерет, Исаак Масса, Петр Петрей, Х. Г. Паерле, Жак-Огюст де Ту и Аксель Гюльденстиерн. Буссов был наемным солдатом, служившим и в войсках Болотникова во время боев за Калугу и позже — в польской армии, когда она брала Москву в 1611 г. Как источник его сочинение ценится особенно высоко исследователями действий войск интервентов на русской земле. Последнее советское издание «Московской хроники» Буссова вышло в 1961 г. Имеется издание и на немецком языке, но под другим названием¹⁷⁴.

Маржерет также был наемным солдатом, впрочем, он и служил вместе с Буссовом. Он в полном смысле слова непосредственный очевидец многих событий, произошедших после вторжения в Россию первого лжепретендента на трон. Однако несмотря на то, что он принимал участие в событиях в Москве 1611 г., его сочинение завершается уже 1606 г. Труд Маржерета вышел в Париже в 1607 г., а позднее был переведен Н. Г. Устряловым на русский язык — он вышел в изданных последним «Сказаниях современников о Дмитрии Самозванце»¹⁷⁵. Несколько повествований голландцев о Смуте напечатано в «Сказаниях Массы и Геркмана о Смутном времени в России», изданных

¹⁷⁴ Bussow C. Relatio. Das ist Summarische Erzehlung vom eigentlichen Ursprung dieses itzigen blutigen Kriegs-Wesens in Moskowiter-Land oder Reussland (Сказания иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1851); издание снабжено и латинским названием: Regum Rossicarum scriptores exteri; Буссов К. Московская хроника. 1584—1613. М.—Л., 1961 (здесь помещены параллельно русский и немецкий тексты). Кроме этого, см.: Det kongelige Bibliotek. København, Ny Kgl. S. Fol. № 328.

¹⁷⁵ Маржерет Ж. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского, с присовокуплением известий о достопамятных событиях четырех царствований, с 1590 года по сентябрь 1606 года.— В кн.: Устрялов Н. Г. Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Изд. 3-е Ч. 1. СПб., 1859; Margeret J. Estat de l'Empire de Russie, et Grand Duché de Moscovie. Avec ce qui s'y est passé de plus mémorable et Tragique, depuis l'an 1590, jusques en l'an 1606. Paris, 1607; вторично печ. в: Paris, 1669.

Археографической комиссией¹⁷⁶. Новый перевод сочинения Массы вышел на русском языке в 1937 г. Голландский текст и французский перевод этой книги помещены в *Histoire des Guerres de la Moscovie (1601—1610)*¹⁷⁷.

История России шведа Петрея в части, касающейся XVII в., основана главным образом на собственных изысканиях автора. На этом принципе построено, например, сообщение о действиях шведского экспедиционного корпуса в 1611—1612 гг. в районе Новгорода. Как указывалось, шведское издание этого произведения 1615 г. вышло под названием *Regni Muschovitic Sciographia*¹⁷⁸. Русское издание 1860-х гг. является переводом немецкой версии произведения¹⁷⁹. Перу Петрея принадлежит и гораздо менее известное *Een wiss och sanfärdigh Berättelse om några Förändringar som i thesse framledne åhr uthi Storfurstendömet Moskow skedde äre...*, вышедшее в Стокгольме в 1608 г. Как шведский текст, так и русский перевод Г. М. Коваленко опубликованы в 1976 г.¹⁸⁰

Сообщения Маржерета и Буссова дополняются путевыми записками Георга Паерле (*Beschreibung der Moscouitterischen Rayss...*), которые, насколько известно, на языке оригинала не опубликованы, но зато они изданы в русском переводе¹⁸¹.

Жак-Огюст де Ту сам в России не бывал, но он основал свою книгу на повествованиях очевидцев и других источниках, которые он указывает. Сообщение автора о лицах и событиях при Лжедмитрии I и Лжедмитрии II находится в 135-м томе его 138-томной *Historiarum sui temporis*, вышедшей в Париже в 1604—1609 гг.

¹⁷⁶ Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России.— В кн.: Сказания иностранных писателей о России. Т. 2. СПб., 1868.

¹⁷⁷ Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937; Massa I. Histoire de Guerres de la Moscovie (1601—1610), t. 1—2. Bruxelles, 1866.

¹⁷⁸ См. выше, прим. 171.

¹⁷⁹ См. там же.

¹⁸⁰ Реляция Петра Петрея о России начала XVII в./ Отв. ред. Буганов В. И. М., 1976.

¹⁸¹ Паерле Г. Записки Паерле о путешествии из Кракова в Москву и обратно, с 19 марта 1606 г. по 15 декабря 1608 г.— В кн.: Устрялов Н. Г. Сказания современников..., с. 145—234, 396—420.

Русский перевод «Сказания о Димитрии Самозванце» входит в «Сказания современников о Димитрии Самозванце»¹⁸².

Датчанин Аксель Гюльденстиерне вел свой весьма обширный путевой дневник в 1602—1603 гг. во время исполнения им обязанностей главы великого посольства, отправленного в Москву с целью сватовства герцога Ганса. Гюльденстиерне был в это время уже пожилым человеком и по дороге из Москвы умер. Среди прочего в его дневнике отражены последствия голода — одной из самых страшных катастроф такого рода в русской истории вообще. Датское издание этого произведения, осуществленное Л. Энгельстофтом, неполно¹⁸³. Полный русский перевод рукописи был предпринят Ю. Н. Щербачевым¹⁸⁴.

Наконец, нужно упомянуть о том, что Соня Э. Хоув собрала ряд повествований английских очевидцев Смутного времени¹⁸⁵. Подобные антологии, собранные из путевых заметок, в общем, были популярны всегда; преследуя более или менее научные цели, их издавали в большом количестве. В качестве последних изданий такого рода могут быть названы публикации Франчески Уилсон¹⁸⁶ и Энтони Кросса¹⁸⁷.

Обратившись ко второй половине XVII в., мы увидим, что здесь над всеми возвышается, как говорилось ранее, Олеарий. Из других известных авторов повествований о России назовем Августина Мейерберга, Сэмюэля Коллинса, Николаса Витсена, Йохана Стрейса,

¹⁸² Устрялов Н. Г. Сказания современников..., с. 319—353, 453—457.

¹⁸³ Engelstoft L. (udg.) Udtog af Rigsraad Axel Gyldensternes Dagbog, holden paa hans Reise til og under hans Ophold i Moskow 1602—1603 (Historisk Calender, 1. Aargang, 1814).

¹⁸⁴ Гюльденстиерне А. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в Москву. 1602./Публ. Ю. Н. Щербачева.— ЧОИДР, 1911, кн. 3(238), отд. 2, с. 1—63.

¹⁸⁵ Howe S. E. The False Dmitri: A Russian Romance and Tragedy, Described by British Eye Witness, 1604—1612. London, 1916; reprint.

¹⁸⁶ Wilson F. Muscovy. Russia through Foreign Eyes 1553—1900. London, 1970.

¹⁸⁷ Russia under Western Eyes 1517—1825./Ed. Cross A. London, cop. 1971.

Конрада фан Кленка, Гю Мьежа, Павла Алеппского, Юрия Крижанича, Гильома Боплана и Ж. Савари. Наряду с названными заслуживают упоминания Эрколь Зани и Джованни Баттиста Пачикелли. Живое написанное повествование очевидца Зани вышло в Болонье в 1690 г. под названием *Relazioni e viaggio delle Moscovia*¹⁸⁸.

Майерберг прибыл в 1661 г. в Москву в качестве посла императора, а вернулся в Вену в 1663 г. Он использовал собранные материалы и как историк, и как исследователь современности. Вскоре после завершения поездки была издана его книга *Iter in Moschoviam...*¹⁸⁹. В прилагавшемся к ней альбоме был помещен целый ряд рисунков, исполненных во время путешествия членами свиты Майерберга¹⁹⁰. Русский перевод этого произведения относится к 1870-м гг.¹⁹¹, альбом же издавался неоднократно, в том числе в 1903 г.— как двухтомник, снабженный комментариями¹⁹².

Английский врач Алексея Михайловича Коллинс описал прежде всего то, что он знал лучше, а именно жизнь при царском дворе. Английское издание его книги «Нынешнее состояние России...» выходило в 1667 и 1671 гг.¹⁹³ Русское издание было опубликовано в

¹⁸⁸ Pacichelli G. V. Memorie de'viaggi per l'Europa Christiana, scritte a diversi in occasion de'suoi ministeri dall'abate, 4 v. in 5. Napoli, 1685; среди прочих стран здесь рассматриваются Польша, Чехия и Россия. О состоянии изучения России в Италии см.: Cronia A. La conoscenza del mondo slavo in Italia. Bilancio storico-bibliografico di un millennio. Padova, 1958.

¹⁸⁹ Mayerberg A. v. *Iter in Moschoviam* A. de Mayerberg et H. Calvucci, ab Imperatore Leopoldo ad Tzareem Alexium Mihalowitz anno MDCLXI ablegatorum, u. s., u. â.

¹⁹⁰ См.: Алпатов М. А. Русская историческая мысль. XVII — первая четверть XVIII в., с. 119.

¹⁹¹ Майерберг А. фон. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом.— ЧОИДР, 1873, кн. 3, отд. 4, с. I—VIII, 1—104; кн. 4, отд. 4, с. 105—108; 1874, кн. 1, отд. 4, с. 169—216, I—XXIX.

¹⁹² Альбом Майерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. Т. 1—2. СПб., 1903.

¹⁹³ Collins S. The present State of Russia in a letter to

середине прошлого столетия, неоднократно печатались фрагменты книги.

Н. Витсен, голландский купец, а позднее бургомистр Амстердама, написал «Московское путешествие 1664—1665 гг.», которое в последнем издании вышло в 3-х томах. Из них первый содержит «Дневник», второй — «Посещение Никона», а третий — «Комментарии»¹⁹⁴. Витсен является также автором известной *Noord en Oost Tatarye (Amsterdam, 1692)*, в которую входит одно из интереснейших описаний Сибири той эпохи, созданное хорватом Юрием Крижаничем при деятельной поддержке датского дипломата Хильдебрандта фон Горна¹⁹⁵. Что же касается датских дипломатов в Москве, то упоминания здесь заслуживают лишь описание пребывания в России Ханса Ольделанда, изданное по-русски¹⁹⁶. Датская рукопись этого произведения хранится в Королевской библиотеке в Копенга-

a friend at London written by an eminent person residing at the Great Tzars Court at Mosco for the space of nine years. London, 1667; Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Соч. С. Коллинса, который девять лет провел при дворе Московском и был врачом царя Алексея Михайловича.— ЧОИДР, 1846, кн. 1, отд. 3, с. III—VIII, 1—47.

¹⁹⁴ Witsen N. *Moscovische Reyse 1664—1665*. Bd. 1—3. s'Gravenhage, 1666—1667 (Werken uitgegeven door de Linschoten—Vereeniging, LXVI, LXVII, LXVIII). В России был издан фрагмент рукописи 2-го тома: Витсен Н. Записка о небольшой поездке, совершенной мною, во время нашего пребывания в Москве, в Новый Иерусалим, где живет его святейшество патриарх российский.— Исторический вестник, 1899, т. 77, № 9, с. 874—879.

¹⁹⁵ Крижанич Ю. История о Сибири.— В кн.: Титов А. Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. Напротив, это произведение автора не входит в: Крижанич Ю. Собр. соч., вып. 1—3.— ЧОИДР, 1891, кн. 1, 2; 1892, кн. 3; 1893, кн. 2; Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введ., тексты и коммент. Т. 1, ч. 2 (2-я половина XVII века). Иркутск, 1936. (Имеется также немецкое название: *Sibirien nach den Berichten des westeuropäischen Reisenden und Schriftsteller*), s. 75—79.

¹⁹⁶ Роде А. Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда 1659 г., составленное посольским секретарем А. Роде.— Голос минувшего, 1916, № 7/8, с. 355—398.

гене¹⁹⁷. Основное внимание автор уделил жизни колонии для иностранцев в Москве, Немецкой слободе.

И. Стрейс, среди сочинений которого есть и история Степана Разина, был лично принят Разиным в Астрахани. Его путевые заметки вышли первым изданием в Амстердаме в 1676 г., затем они были переведены на многие языки и включены в ряд антологий¹⁹⁸.

Годом позже из печати вышло анонимное описание посольства в Москву Конрада (Кунрада) фан Кленка. Голландский текст был снабжен русским переводом, а в следующем издании источника подробным вступлением, издание было осуществлено Археографической комиссией под названием «Посольство Кунрада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу»¹⁹⁹. Это произведение отличается чрезвычайно детализированным описанием топографии страны и структуры ее администрации.

В 1663—1664 гг. в России, Швеции и Дании побывал Чарльз Говард, граф Карлейль. Один из сопровождав-

¹⁹⁷ Andreas Rhode, secreterer på reysen: Hans Oldelands sidste reyse..., marts-juni 1659. Gl. Kgl. Samling, 2688; в Копенбургской библиотеке хранится также: Hans Oldelands memorial anlangende dend sidste reyse til Muscou. Ny Kgl. Samling, fol. 640, т. е. «Мемориал Ханса Ольделанда, касающийся его последнего путешествия в Москву».

¹⁹⁸ Стрейс Я. Я. Три путешествия. М., 1935, с. 139—348; Struys J. J. Drie aanmerkelyke en seer rampspoedige Reyzen door Italien, Griekenlandt, Lylandt, Moscovien, Tartaryen, Meden, Persien, Oost-Indien, Japan en verscheyden andere Gewesten. Amsterdam, 1676.

¹⁹⁹ Коэйт Б. Исторический рассказ или описание путешествия господина Кунраада фан-Кленка, чрезвычайного посла высокомогущих Штатов и его высочества господина принца Оранского, к великому государю царя и великому князю Московскому.— В кн.: Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу./Пер., вступ. статья и прим. Ловягина А. М. СПб., 1900; см.: Подробный каталог..., с. 41. А. М. Ловягин полагает, что автором «Исторического рассказа» является Б. Коэйт. В названном здесь издании А. М. Ловягин поместил обширный обзор голландских сочинений о России, вышедших ранее. Historisch Verhael of Beschrijving van de Voyagie, gedaan onder de Suite van den Heere Koenraad van Klenk, extraordinaris Ambassadeur... aan zijne Zaarsche Majesteit van Moscovien. Amsterdam, 1677 (также лат. название: Descriptio Itineris Moscovitici).

ших его, Гю Мъеж, составил описание истории посольства²⁰⁰. Задачей Карлейля было попытаться добиться в России торговых привилегий для Англии.

Дважды приезжал в Россию со своим отцом, Макарием, патриархом Антиохийским, Павел Алеппский: первый раз в 1655—1656 гг., второй — в 1666—1669 гг. Арабский оригинал описания этих путешествий переведен на русский, а также (с некоторыми сокращениями) на английский. Этот источник снабжен обширными топографическими подробностями²⁰¹.

Автором описания, целиком посвященного Украине, стал военный инженер Г. Левассер-де-Боплан. В 1630—1640 гг. Боплан работал в качестве инженера-фортификатора на Правобережной Украине, где описал топографические особенности и военно-политическое поло-

²⁰⁰ Miège G. A relation of three embassies from his sacred majestie Charles II to the great duke of Muscovie, the king of Sweden, and the king of Denmark. Performed by the right honourable the earle of Carlisle in the years 1663 and 1664. Written by an attendant on the embassies and published with his lps. approbation. London, 1669; кроме того, России посвящена часть след. сочинения: *A Journey to Russia in 1663.*/Ed. Margoliouth H. M. London, 1926; о др. изданиях см.: Isløe H. *Op. cit.*, pos. 79; (Мъеж Г.). Описание Московии при реляциях гр. Карлейля./Предисл. и прим. Павловского И. Ф.—Историческая библиотека, 1879, т. 5, с. 1—46.

²⁰¹ (Павел Алеппский). Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в первой половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским./Пер. и предисл. Муркоса Г. А.—ЧОИДР, 1896, кн. 4, отд. 3, с. 1—X, 1—156; 1897, кн. 4, отд. 3, с. 1—VIII, 1—202; 1898, кн. 3, отд. 3, с. 1—IV, 1—208; кн. 4, отд. 3, с. 1—V, 1—195; 1900, кн. 2, отд. 3, с. 1—V, 1—246; (Paul d'Aleppo). *Voyage du Patriarche Macaire d'Antioche. Texte arabe et traduction...*, Paris, 1930 (*Patrologia Orientalis*, t. 22, fasc. 1); (Paul of Aleppo). *The Travels of Macarius...*, London, 1936; это — фрагменты из: Palmer W. *Op. cit.* В. Палмер в свою очередь взял перевод текста источника в: (Paul of Aleppo). *The Travels of Macarius, Patriarch of Antioch, Written by his Attendant, Archdeacon Paul of Aleppo in Arabic. Translated by F. C. Belfour*, 9 pts. in 2 vols. London, 1829—1836. Kratschkowski I. J. *Die Beschreibung der Reise des Makarius von Antiochien als Denkmal der arabischen geographischen Literatur und als Quellenwerk für die Geschichte Russlands im 17. Jh.* (Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Abteilung, 1953, № 1); ранее напечатано в: *Советское востоковедение*, т. 6, 1949, с. 185—198.

жение этого края. Первое издание его работы вышло, судя по всему, в Гданьске в 1650 г., так сообщает Аделунг; впрочем, вообще-то принято ссылаться на издание г. Руана, датируемое 1660 г. Справочные пособия расходятся в указаниях относительно названия последнего издания, в то время как Аделунг приводит его как *Description d'Ukraine...*

Наконец следует упомянуть о несколько иной публицистической форме — справочной книге купца, составленной Ж. Савари²⁰². В книге Савари имеется целая глава о России, в основном об Архангельске; здесь автор энергично проводит ту мысль, что французы с большим успехом, чем голландцы, могли бы развивать торговлю на Балтийском море, а также и с Россией.

ТЕМАТИКА ИСТОЧНИКОВ

В завершение необходимо рассмотреть совершенно незначительную группу публикаций, в которых источники подобраны по отдельным темам.

Смута и классовая борьба

Как уже упоминалось, два тома «Русской исторической библиотеки», а именно т. 1 и 13, целиком посвящены Смутному времени. Сказанное можно отнести и к «Временнику Ивана Тимофеева»²⁰³. Этот же период

²⁰² Beauplan G. le V., Sieur de. Description d'Ukraine, qui sont plusieurs provinces du Royaume de Pologne, contenues depuis les confins de la Moscovie jusqu'aux limites de la Transylvanie; avec les moeurs des habitants, façon de vivre et de faire la guerre. Rouen, 1660; idem. A Description of Ukraine; with the customs, manner of living, and of managing the war of these people. (A Collection of Voyages and Travels./Edit. Churchill A., Churchill J. C. 3rd ed., vol. 1. London, 1744; reprint: New York, 1959); Боплан Г. Описание Украины от пределов Московии до границ Трансильвании, составленное Гильомом Левассер-де-Боплан.— В кн.: Ляскоронский В. Г. Гильом Левассер-де-Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России. Киев, 1901, с. 1—VII, 1—44; новейшее издание этого труда: Eryka Lassoty i Wilhelma Beauplana opisy Ukrainy./Edit. Wójcik Z. Warsawa, 1972. Savary J. Le parfait négociant ou instruction générale pour ce qui regarde le commerce de toute sorte de marchandises, tant en France que des pays étrangers. Paris, 1675.

²⁰³ РИБ, т. 1: Памятники, относящиеся к Смутному времени. СПб., 1872; т. 13: Памятники древней русской письменности, от-

освещается в собрании документов и других материалов «Восстания И. Болотникова»²⁰⁴ и публикации Г. Н. Анпилогова²⁰⁵. Кроме того, источники по крестьянским войнам и городским восстаниям помещены М. Н. Тихомировым в его книге о классовой борьбе XVII в.²⁰⁶, а также опубликованы в изданиях, посвященных восстанию Степана Разина²⁰⁷, воспоминаниям²⁰⁸ и сообщениям²⁰⁹ иностранных авторов об этом восстании.

Кроме того, можно назвать публикации, посвященные городским восстаниям в Московском государстве XVII в.²¹⁰, восстанию 1662 г.²¹¹ и стрелецкому восстанию 1682 г.²¹² И. В. Степанов подготовил подробный обзор источникового материала, касающийся исключительно крестьянской войны 1670—1671 гг.²¹³, включив его в свою монографию, написанную на эту тему. Наиболее исчерпывающая, но несколько устаревшая библиография опубликованных источников по теме данной главы помещена в статье М. Н. Сменковского²¹⁴.

носящиеся к Смутному времени. СПб., 1891; изд. 2-е. СПб., 1909; Временник (Ивана Тимофеева); см. также авторизованный указатель источников в: Костомаров Н. И. Смутное время..., т. I. с. 1—6.

²⁰⁴ Восстание И. Болотникова. Документы и материалы./ Сост. Копанев А. И., Маньков А. Г. М., 1959.

²⁰⁵ Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII века. М., 1967.

²⁰⁶ Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в.

²⁰⁷ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. [Сб. документов.]/Сост. Швецова Е. А. Т. 1. М., 1954; т. 2, ч. 1. М., 1957; т. 2, ч. 2. М., 1959; т. 3. М., 1962; т. 4, доп. М., 1976.

²⁰⁸ Записки иностранцев о восстании Степана Разина./Под ред. Манькова А. Г. Л., 1968.

²⁰⁹ Иностранные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования./Под ред. Манькова А. Г. Л., 1975.

²¹⁰ Городские восстания в Московском государстве XVII в. [Сб. документов.]/Сост. Базилевич К. В. М.—Л., 1936.

²¹¹ Восстание 1662 г. в Москве [Сб. документов.]/Отв. ред. Буганов В. И. М., 1964.

²¹² Восстание в Москве 1682 г. [Сб. документов.]/Отв. ред. Буганов В. И. М., 1976.

²¹³ Степанов И. В. Крестьянская война в России в 1670—71. Восстание Степана Разина. Т. 1, с. 5—101.

²¹⁴ Сменковский М. Н. Ст. Разин в науке, литературе и искусстве.— Каторга и ссылка, 1932, № 7—9.

История Сибири

Достаточно полное впечатление об источниках по истории Сибири в XVII в. можно составить себе, обратившись к монографиям А. И. Андреева²¹⁵ и В. Г. Мирзоева²¹⁶, библиографическим обзорам в ранее упомянутых трудах В. Г. Ланцева и Р. Фишера²¹⁷, а также обзору документальных источников Н. Н. Оглоблина²¹⁸.

Мануфактуры

История мануфактуры в России отражена, среди других публикаций, в крупном собрании источников о крепостной мануфактуре²¹⁹, где собран материал, например, о добыче руды, владельцах заводов и их привилегиях, положении с рабочей силой, производимом товаре, а также его сбыте и ценах на него. В первом томе собраны материалы о железоделательных заводах Тулы и Каширы, во втором — о медеплавильных и железоделательных заводах Олонца и в третьем — о царских текстильных мануфактурах.

Смешанная тематика

Для не владеющих русским языком также имеется возможность ознакомиться с русскими источниками — посредством переводов. В качестве примера упомянем публикации Р. Е. Ф. Смита²²⁰, Р. Хелли²²¹, коллектива

²¹⁵ Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. XVII в. Изд. 2-е, испр. и доп. М.—Л., 1960.

²¹⁶ Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в.

²¹⁷ Lantzeff G. Op. cit.; Fisher R. H. The Russian Fur Trade (1550—1700).

²¹⁸ Оглоблин Н. Н. Обзорение...

²¹⁹ Покровский М. Н. Крепостная мануфактура..., ч. 1—3.

²²⁰ Smith R. E. F. The Enserfment of the Russian Peasantry. London, 1968.

²²¹ Hellie R. Readings for Introduction to Russian Civilization. Muscovite Society. Chicago, 1967.

под руководством Г. Вернадского²²² и совместную работу М. Ларана и Ж. Соссэ²²³.

Известным изобразительным источником к истории России XVII в. является, кроме уже названных работ Олеария и Майерберга²²⁴, труд шведского инженера-фортификатора Эриха Палмквиста. Палмквист прибыл в Москву со шведским посольством 1673—1674 гг.; здесь он делал наброски путей, годных для вторжения, но одновременно и зарисовки памятников русской культуры. Великолепное издание его наследия, снабженное фотолитографиями и фототипиями, вышло в 1898 г. в Стокгольме под названием: «Некоторые сделанные во время последнего Королевского посольства к Московскому царю наблюдения России, ее путей, проходов с крепостями и границ»²²⁵.

²²² A Source Book for Russian History from Early Times to 1917./Sen. edit. Vernadsky G. Vols. 1—3. New Haven, 1972.

²²³ Laran M., Saussay J. La Russie ancienne, IX—XVIIe siècles. Paris, 1975 (Documents pour l'histoire des civilisations).

²²⁴ См. прим. 170, 189—192.

²²⁵ Palmquist E. Någre widh Sidste Kongl. Ambassaden till Tzaren i Muskou gjorde Observationer öfwer Ryszlandh, dess Wägor, Pasz med Fästningar och Gräntzer./Edit. Sandgren K., Lagrelius A. Stockholm, 1898.

ПОСЛЕСЛОВИЕ (Коротко об авторе)

Свен Оге Кристенсен, известный датский историк, родился в 1942 г. В 1961 г. он окончил Сорёсскую академию и вскоре был призван в армию. После возвращения поступил в Копенгагенский университет, где изучал славистику, причем в весьма широком диапазоне. Кристенсена привлекала не только филология, но и социология, а также история России и других восточноевропейских стран. Благодаря Советско-датскому соглашению об обмене в области культуры, науки и техники он получил в 1967—1968 гг. возможность стажироваться в Ленинградском государственном университете на филологическом факультете.

В результате многолетней работы к 1972 г. им была подготовлена магистерская диссертация на тему истории датско-русских отношений в 1656—1659 гг. Труд этот был основан на многочисленных источниках датских архивных фондов, а также на фотокопиях документов ЦГАДА, изготовленных по инициативе ныне покойного Кнуда Расмуссена и представляющих собой отдельную коллекцию. Этот крупный датский историк и архивист сыграл большую роль в становлении молодого ученого — он заинтересовал Кристенсена проблемами русской палеографии, архивного дела и дипломатики, в которых сам обладал глубокими познаниями.

После получения звания магистра С. О. Кристенсен преподавал русский язык в гимназии, а с 1973 г. он принимает участие в исследовательской работе Славянского института Копенгагенского университета. Аспирантура в этом научном центре, объединившем лучшие силы датской славистики (в 1970-х гг. здесь работали такие крупнейшие историки и филологи, как К. Расмуссен, Б. Нёрретрандерс, Х. Баггер, Н. Е. Росенфельдт, К. Стiefe, Х. К. Сёренсен, С. Сурланд и др.), многое

дала молодому исследователю; здесь он начинает глубокие изыскания, связанные с проблемами феодальной разобщенности (на русских и польских материалах). В этот же период он много и плодотворно работал над отдельными вопросами внешнеполитической истории стран Балтийского моря, а также закончил свой труд об изгоях, основанный на смоленских источниках, и обширный обзор исследований по истории России XVII в., предлагаемый советскому читателю.

Кристенсен стал инициатором издания и одним из 6 авторов крупнейшей из написанных когда-либо на датском языке трехтомной «Истории России», вышедшей в свет в Копенгагене в 1983 г.

Ученый является активным общественным деятелем современной Дании. С 1981 г. он работает в Комитете по безопасности и разоружению, а с 1982 г.— заведующий секретариатом этой организации, объединившей миролюбивые силы страны. Одновременно он ведет большую научно-исследовательскую работу в сфере деятельности Комитета, под эгидой которого было опубликовано 34 научных труда, посвященных проблемам общей безопасности и разоружения. С. О. Кристенсен продолжает активно работать над рядом актуальных историографических проблем.

В. Е. Возгрин

¹ Леопольд фон Ранке (1795—1886) — известный немецкий историк, изучавший главным образом политическую и дипломатическую историю Западной Европы XVI—XVII вв. Основатель объективной исторической школы, соединенной со строгой критикой источников и считавшей, что писать историю следует «как оно в действительности было». Применительно к историческому и историографическому исследованию данный подход обнаруживает свою приверженность к доктрине позитивизма, означающий, по-видимому, стремление исследователя к объективному анализу исторических концепций предшествующих историков без выражения собственной позиции по всем разбираемым вопросам.

В книге мы находим прежде всего обзор основных концепций и суждений историков различной идейной направленности как предшествующего периода, так и настоящего времени, причем без указания на то, какие из них автор считает верными, а какие — нет. Согласно авторскому замыслу, решение этого вопроса — дело самого читателя.

² Переходный характер мировой истории в XVII в. признается в настоящее время большинством исследователей. Как в Европе, так и в России это было время больших качественных изменений в развитии общества и государства, суть которых состояла в переходе от феодализма к новому времени. В странах Западной Европы он выражался в бурном росте капиталистических отношений и ознаменовался буржуазной революцией в Англии, эпохой великих географических открытий, секуляризацией духовной жизни, развитием рационалистической философии (Декарт, Коперник, Галилей и Спиноза). В странах Восточной Европы процессы социально-экономического развития протекали по-иному: здесь полным ходом идет развитие феодальных отношений, нашедшее свое законченное выражение в закреплении крестьянства, поляризации сословных отношений, необычайно высокой самостоятельной роли государства.

³ Идейные противники славянофилов — западники, исходя из философии Гегеля и исторической школы права Савиньи и Пухты, выступая за развитие России по западноевропейскому пути, создали цельную и логичную концепцию русского исторического процесса. Сформировавшаяся в русле данного идейного

направления государственная школа русской историографии (работы представителей которой широко использует Кристенсен на протяжении всей своей книги) сыграла решающую роль в научной разработке истории России. Наиболее видными представителями этого научного течения являлись С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, В. И. Сергеевич, а с некоторыми оговорками также В. О. Ключевский и П. Н. Милюков. В области философии и истории права к указанному направлению принадлежали А. Д. Градовский, С. А. Муромцев, Н. М. Коркунов, М. Ф. Владимирский-Буданов, В. Н. Латкин и многие другие выдающиеся русские ученые. Представляя историю как закономерный органический процесс, они обратили внимание на ряд особенностей русского исторического развития. Среди них они указывали прежде всего на особые географические условия и связанный с этим процесс колонизации новых земель как фактор, способствующий развитию социальных отношений вширь. Исходя из этого, полагали они, социально-экономическое развитие России шло другими темпами и имело другую направленность, чем в странах Западной Европы. Социальные противоречия в России не вели к столь четкой поляризации классово-сословных сил: они снимались за счет оттока недозволенных элементов на окраины государства. В результате принципиально другими (по сравнению с Европой) были отношения сословий с государством. Сословное начало в России было не столько продуктом процесса социально-экономического развития, сколько выросло из потребности функционирования системы управления обществом как единого целого. Так возникла известная концепция закрепощения и раскрепощения сословий государством. Согласно этой концепции, в условиях господства натурального хозяйства, слабого развития обмена и товарно-денежных отношений обеспечение мобилизации материальных и людских ресурсов могло производиться только за счет раскладки повинностей по различным слоям населения. Таким образом, государство предстает как демиург сословного строя — оно рассматривается как сила, стоящая над обществом, над классами, но в то же время выражающая состояние общества. Раскрепощение сословий — также предстает как сознательный акт государственной власти, осознавшей необходимость этого шага в новых исторических условиях. Концепция русского исторического процесса, как видим, представляла собой вполне стройное и оригинальное научное построение, много давшее для развития исторической науки в свое время и во многом не утратившее своего значения до настоящего времени. Исходя из представления о государстве как решающей или во всяком случае одной из определяющих сил в историческом процессе вообще и русском в частности, историки государственной школы (Соловьев, Кавелин и Чичерин) особое внимание уделяли переломным эпохам в его развитии. В связи с этим центральной темой для них явилась эпоха реформ Петра I, когда при активном участии государства была осуществлена быстрая и весьма решительная модернизация всего сословного строя, перестройка аппарата управления и армии.

Отметим, что Кристенсен, излагая взгляд ведущих русских историков — Соловьева и Ключевского — на XVII в. и петровскую реформу, не ставит своей задачей связать их оценку данной исторической эпохи с их общей исторической концепцией и тем более с ее развитием.

⁴ Речь идет о различном понимании феодализма в теоретическом отношении. Марксистская историография исходит из понимания его как определенной социально-экономической формации, характеризующейся прежде всего специфическими доминирующими (феодальными) отношениями собственности на средства производства (землю), наличием двух основных классов — феодалов и зависимого крестьянства, а также соответствующей политической надстройкой (как правило — монархия). Немарксистская историография традиционно вкладывает в это понятие главным образом юридический смысл — феодализм предстает прежде всего как система политических отношений. В трудах Гизо, Фюстель де Куланжа, П. Г. Виноградова мы находим именно такое понимание феодализма как определенной системы социальных отношений, характеризующейся рядом основных признаков: связь верховной власти с земельной собственностью; раздробление территории на домены — сеньории с объединением их вассальной иерархией; условный характер землевладения (его подчиненность службе). В наиболее общей форме феодализм в противоположность последующему государственному строю характеризуется Б. Н. Чичериным как система господства частного или гражданского права, при которой общественной связью могло служить имущественное начало, свободный договор, порабощение одного класса другим. Н. П. Павлов-Сильванский в принципе разделял эти взгляды и считал, хотя и с рядом оговорок, возможным распространить их на социальные отношения древней Руси. Своеобразным развитием данной теории явилась концепция государства — вотчины Н. И. Кареева.

⁵ Констатируемое расхождение советской и датской историографии проблемы объясняется, вероятно, в данном случае не столько различием общетеоретических подходов к проблеме абсолютизма, сколько реально существовавшей спецификой двух его вариантов — скандинавского и русского. Во всяком случае, в советской историографии ряда стран Европы, в том числе скандинавского абсолютизма (Дании, Швеции), имеет место и то представление об изменении положения дворянства, которое свойственно датской историографии.

⁶ Проблема абсолютизма принадлежит к числу центральных в современной западной науке. Анализ ее проводится по следующим крупным вопросам: определение понятий и терминов абсолютизма; выработка основных категорий, позволяющих выделить это явление из всей совокупности социальных процессов; типология абсолютистских режимов; периодизация абсолютизма как в рамках самого этого явления (выделение этапов его развития), так и в масштабах всего исторического процесса как одной из

форм государства. Для современной западной историографии характерны три основных направления в изучении проблемы: правовое, понимающее абсолютизм идеалистически, через сферу идей, политику и законодательство; социологическое, ставящее целью построение социологической модели абсолютизма и изучение различных факторов, влияющих на его развитие, в том числе экономического и социального (структура общества, сословное деление, положение и функционирование различных социальных слоев); социально-психологическое, состоящее главным образом в изучении восприятия современниками различных сторон и атрибутов абсолютной монархии (личность монарха, символика королевской власти, ее отражение в литературных и изобразительных памятниках и архитектуре). В настоящее время прослеживается сближение указанных направлений и интеграция их методов.

Дискуссионной проблемой продолжает оставаться вопрос об определении понятия «абсолютизм», критериях его изучения. Отправной точкой современных дискуссий по этим вопросам остается доклад Р. Мунье и Ф. Хартунга на X Международном конгрессе историков — «Некоторые проблемы абсолютной монархии». Мунье предлагал «за определение абсолютизма признать то, что современники думают об их функционирующих правительствах», ограничивая при этом современников сторонниками абсолютизма и исключая его противников. По мнению Хартунга, под абсолютизмом «в общепринятом смысле» следует понимать монархическое правительство, которое в осуществлении своей власти не ограничено местными автономными учреждениями. Неоднозначность подхода к проблеме в этом докладе получила продолжение в последующей литературе вопроса. Достаточно сказать, что проблема абсолютизма явилась предметом обсуждения практически на всех последующих Международных конгрессах историков. В определении понятия абсолютизма прослеживается влияние идей права, социальной психологии, истории общественной и политической мысли, комбинирования различных факторов, принципиальный отказ от выработки общих понятий, признание необходимости поиска новых подходов к этой трудной проблеме. В сводных трудах по истории Европы периода абсолютной монархии это понятие используется как общепринятое и наполняется различным фактическим содержанием (по преимуществу история государственных институтов, войн, дипломатических отношений, событий культурной жизни). В одном из новых изданий по всемирной истории в предисловии к тому об абсолютизме констатируется важность проблемы возникновения крупнейших монархий Европы и необходимость анализа соотношения личности, событий и структур, но отмечается ее трудность и неизученность. В. Хубач в сводной работе об абсолютизме специально подчеркивает, что его цель состоит не в синтезе, а в установлении канвы событий. Р. Виттрам считает, что понятия «феодализм», «абсолютизм» — это лишь инструмент, нечто условное, идеальное, существующее только в воображении историка, а не в реальной жизни. См. также: Hubatsch W. Das Zeitalter des

Absolutismus 1600—1789. Braunschweig, 1965; Wittram R. Peter I—Czar und Kaiser: Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Göttingen, 1964; Fischer Weltgeschichte. Frankfurt am Main, 1981. Pillogée S. Apogée et déclin des sociétés d'ordres 1610—1787. Paris, 1969; Chagniot J. Les temps modernes 1661—1789. Paris, 1973; Der Aufgeklärte Absolutismus. Köln, 1974; Mandrou R. L'Europe 'absolutiste'. Raison et raison d'Etat 1649—1775. Paris, 1977.

В качестве попытки синтеза различных подходов к проблеме можно рассматривать применение в новейших работах методов социологии. Они позволяют выйти за пределы правового подхода к изучению государства, включить в поле исследования вопросы социальной структуры общества. Тенденции рассматривать абсолютизм только как абстрактное, условное или чисто юридическое понятие не исчерпывают содержания новейших работ. Для объяснения абсолютизма, его развития и функционирования изучаются социально-экономические факторы, влияние географических условий, характер феодальной системы хозяйства, иерархия феодального общества (система вассалитета, ленных отношений), эволюция абсолютизма и его социальных институтов (фиск, армия, право, отношения с церковью). Предметом изучения стали вопросы социальной стратификации феодального общества, отношений его отдельных групп к монархической власти. Специальные исследования посвящены правящей верхушке, составу аппарата управления абсолютистских режимов стран Европы. См.: Kammler H. Die Feudalmonarchien: Politische und Wirtschaftlich — sociale Faktoren ihrer Entwicklung und Funktionsweise. Köln — Wien, 1974; Raeff M. Comprendre l'ancien régime russe: Etat et société en Russie Impériale. Paris, 1982; Mousnier R. La monarchie absolue en Europe du V-e siècle à nos jours. Paris, 1982.

При анализе состояния разработанности концепции абсолютизма в западной историографии особый интерес представляют те работы, в которых подводятся итоги и намечаются перспективы дальнейших исследований проблемы. Ряд авторов признают важность выработки общей концепции его как монархии с неограниченной властью. См.: Louis XIV and absolutism. London, 1976; L'Absolutism éclairé. Budapest — Paris, 1985.

⁷ Дискуссия об абсолютизме в отечественной историографии 1968—1975 гг. сосредоточила внимание на вопросе о его социальной и классовой природе. В центре дискуссии оказалась проблема соотношения феодальных и буржуазных элементов в его социальной природе. В ходе дискуссии большинство историков не поддержало тезис предшествующей историографии 50-х гг. о «равновесии сил» между дворянством и буржуазией как необходимым и достаточным условием существования абсолютизма вообще и русского абсолютизма в частности. При рассмотрении социальной природы русского абсолютизма и оценке его места в русском историческом процессе по этому вопросу выявились различные точки зрения. Исходя из тезиса об отсутствии баланса классовых сил дворянства

и буржуазии в России XVII—XVIII вв., А. Я. Аврех сделал вывод о том, что «абсолютизм — это такая феодальная монархия, которой присуща, в силу ее внутренней природы, способность эволюционировать и превращаться в буржуазную монархию» (Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России.— История СССР, 1968, № 2, с. 87; он же. Утраченное равновесие.— История СССР, 1971, № 4). Он отстаивал, далее, спорную точку зрения о насаждении буржуазных отношений государством «сверху», причем определял абсолютизм как «дитя предбуржуазного периода» развития, социальной опорой которого является крестьянство. В свою очередь М. П. Павлова-Сильванская предложила интерпретировать русский абсолютизм как восточную деспотию, которая «формируется в борьбе с монгольской империей и ее наследниками на базе натурального хозяйства и общинной организации деревни, а затем укрепляется в процессе создания поместной системы, закрепощения крестьянства и перехода к внешней экспансии» (Павлова-Сильванская М. П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России.— История СССР, 1968, № 4, с. 83).

Рассматривая вопрос о социальной природе и классовой базе русского абсолютизма Н. И. Павленко пришел к выводу о противоречиях между дворянством и боярством как социальной основе для самостоятельности абсолютистского государства. По его мнению, «оппозиционной силой по отношению к самодержавию и абсолютизму выступали княжеско-боярские группировки в XVI в. и земельная аристократия в XVIII в.» (Павленко Н. И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России.— История СССР, 1970, № 4, с. 72). Эту точку зрения поддержал и признал перспективной А. А. Зимин (История СССР, 1972, № 4). А. Л. Шапиро связал вопрос о социальной природе абсолютизма и ее изменении с проблемой прогрессивности абсолютизма. Абсолютизм, по его мнению, был исторически прогрессивен до тех пор, пока он способствовал ликвидации феодальной раздробленности, и регрессивен с того момента, когда он начал тормозить развитие буржуазных отношений (Шапиро А. Л. Об абсолютизме в России.— История СССР, 1968, № 5). Большая группа историков объясняла русский абсолютизм, исходя из наличия в России XVII в. двух социально-экономических тенденций (две стадии — «восходящая» и «нисходящая» по М. В. Нечкиной): укрепления феодальных и крепостнических отношений, с одной стороны, и генезиса капитализма — с другой.

Л. В. Черепнин — исследователь русского централизованного государства — в ряде работ и выступлений предлагал социальную природу абсолютизма в общенсторической перспективе понимать как баланс классовых сил дворянства и буржуазии, но не вкладывать в термин «баланс» представления о механическом равенстве сил двух классов. (Черепнин Л. В. К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XIV—XVIII вв).— В кн.: его же. Вопросы методологии исторического исследования. М.,

1981.) А. А. Преображенский отметил значение классовой борьбы в процессе утверждения и развития абсолютизма, показал значение борьбы посадского населения России XVII в. для развития сословного представительства и утверждения абсолютизма. По его мнению, источники подтверждают наличие генезиса капитализма в России XVII в. и влияние его на утверждение и последующее развитие абсолютизма. (Преображенский А. А. О некоторых спорных вопросах начального этапа абсолютизма в России.— История СССР, 1971, № 2.) По мнению С. М. Троицкого, переход от сословно-представительной монархии к абсолютизму был прямым следствием роста буржуазных отношений и формирования буржуазии как класса. (Троицкий С. М. О некоторых спорных вопросах истории абсолютизма в России.— История СССР, 1969, № 3.) М. Я. Волков поставил вопрос о наличии альтернативы социально-экономического развития России в XVII в.— по феодально-крепостническому или буржуазному пути. По его мнению, в обществе шла борьба за выбор пути социально-экономического развития, и утверждение абсолютизма в России петровского времени следует рассматривать как результат и фактор этой борьбы, (Волков М. Я. О становлении абсолютизма в России.— История СССР, 1970, № 1.) Логическим выводом из этой концепции было положение о реакционности петровского абсолютизма, затормозившего развитие России по буржуазному пути и насадившего крепостное право в интересах дворянства. Автор, однако, сильно преувеличил степень развития буржуазных отношений в России XVII в. и, как следствие этого, переоценил возможность альтернативы социально-экономической эволюции и реакционность абсолютизма в эту эпоху.

Дискуссия об абсолютизме показала, что вопросы складывания предпосылок, утверждения и развития абсолютизма в России вызывают различные трактовки в историографии и нуждаются в дальнейшем изучении. Как историческое явление абсолютизм имел место и в Европе и в России. Однако, если в Западной Европе он в значительной степени являлся продуктом баланса классовых сил дворянства и буржуазии, то в России существовала большая специфика: абсолютизм формируется здесь еще до появления буржуазных отношений или в лучшем случае в период их зарождения. Это привело к огромной самостоятельности государства в России и сделало его субъектом исторического процесса в большей степени, чем это было в Европе. Отсюда происходил целый ряд особенностей абсолютистского государства в России.

Дискуссия об абсолютизме вызвала большой интерес в зарубежной историографии: Gerschenkron A. Soviet Marxism and Absolutism.— In.: Slavic Review, vol. 30, № 4, December 1971; Grumey R. Russian Absolutism and the Nobility.— In.: Journal of modern history, vol. 49, № 3, September 1977; Mosse W. Some Recent Trends in the Historiography of the Russian Ancien Regime.— In.: The Historical Journal, vol. 24, № 4, December 1981.

⁸ Проблема сравнительного изучения абсолютизма России и Западной Европы все более становится предметом специального исследования в новейшей историографии. Эта тема явилась предметом активного обсуждения на последнем (XVI) Международном конгрессе историков. Исследователи стремятся раскрыть черты сходства и различия русского государства с абсолютистскими режимами Запада и Востока. (Подробнее см.: Шмидт С. О., Гутнова Е. В., Исламов И. М. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (опыт сравнительного изучения).— Новая и новейшая история, 1985, № 3.) В последние годы обсуждение проблем сравнительного анализа и типологии абсолютистских режимов приобрело новый импульс и в западной исторической мысли. Показательна в этом отношении серия работ видного английского историка Э.Дж. Хобсбаума, а в последующее время — П. А. Андерсона, Т. Скокпол, а также М. Фулброк. (Hobsbawm E. The Age of Revolution 1789—1848. London, 1962; Anderson P. Lineages of the Absolutist State. London, 1974; Skocpol T. States and social Revolutions. Cambridge, 1979; Fulbrook M. Piety and politics. Religion and the rise of Absolutism in England. Wurtemberg and Prussia. Cambridge, 1983.)

Наиболее подробную теоретическую разработку проблемы находим в работе английского историка Андерсона — «Пути развития абсолютистского государства». «Абсолютизм, — считает он, — это не столько баланс сил между классами, сколько новая форма правления на старой основе, аппарат феодального господства дворянства». Исходя из этого общего понимания абсолютизма, автор дает характеристику двух основных исторических типов абсолютизма — западноевропейского и восточноевропейского, критерий подразделения которых состоит в специфике развития феодальных отношений в этих регионах. В Западной Европе с переходом от натуральных форм ренты к денежной социально-экономический контроль феодалов над крестьянством ослабевал, что потребовало от них укрепления своей власти — отсюда ее направление развития в сторону централизации, утверждения абсолютизма. Из хаоса феодальных войн (Алой и Белой Роз, Столетней, Кастильской гражданской войны) появились «новые» монархии во время правления Людовика XI во Франции, Фердинанда и Изабеллы в Испании, Генриха VII в Англии и Максимилиана в Священной Римской империи. Это нашло выражение в укреплении аппарата королевской власти, чьей постоянной политической функцией было подавление крестьянства и плебейских масс у подножья социальной иерархии. Государственная машина, кроме того, предназначалась для подавления групп и индивидов в рамках самого господствующего класса. Великий кризис, потрясший экономику Европы в XIV—XV вв., имел свои последствия на Востоке Европы (к востоку от Эльбы). На протяжении XVI в. в результате этого началась сеньориальная реакция, выражавшаяся в более интенсивной феодальной эксплуатации крестьянства. Практическим результатом этого в Пруссии и России стал восточный абсолютизм, современ-

ный западному, однако принципиально отличный по своему происхождению. Если абсолютистское государство на Западе было развернутым политическим аппаратом феодального класса, который принял коммутацию повинностей (замену натуральных на денежные), то абсолютистское государство на Востоке, напротив, было репрессивной машиной феодального класса в условиях консолидации крепостничества и скудного развития городской автономии. См. также: Hoffmann P. *Entwicklungsstapfen und Besonderheiten des Absolutismus in Russland.*— In.: *Der Aufgek-lärte Absolutismus.* Köln, 1974; *L'Absolutism éclairé.* Budapest—Paris, 1985.

⁹ Проблема соотношения служилых знати и центральной власти в русском государстве XVI—XVII вв. стала предметом рассмотрения целого ряда новых конкретных исследований Г. Алека, А. Клеймолы, Р. Крамми и др. западных историков на основе просопографического метода. Просопографический метод, или метод коллективной биографии, состоит во всестороннем изучении личного состава какого-либо учреждения или страта общества за определенное время его существования для получения выводов о самом этом учреждении или социальном слое. Практическое осуществление этой методики выражается в том, что самые разнообразные сведения о личном составе или штатах какого-либо учреждения (напр., Боярской думы), полученные из всех возможных источников, группируют по определенным вопросам или рубрикам (экономическое положение, статус, чин, образование и т. п.) и затем обрабатывают на ЭВМ для установления взаимосвязи между этими показателями. Таким образом, в рассматриваемой историографии изучаются главным образом верхи правящего класса и состав важнейших государственных учреждений. См.: Alef G. *Aristocratic Politics and Royal Policy in Muscovy in the Late Fifteenth and Early sixteenth Centuries.*— *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte.* Berlin, 1980; Kleimola A. *Military Service and Elite Status in Muscovy in the Second Quarter of the sixteenth Century.*— *Russian History*, vol. 7, part. 1—2, 1980; *Russian Officialdom.* Chapel Hill, 1980.

В центре внимания находится при этом изучение Боярской думы и боярской аристократии. Как подчеркивает новейший исследователь этой проблемы — американский историк Р. Крамми в своем специальном исследовании Боярской думы этого периода — «Аристократы и служилые: боярская элита в России 1613 — 1689 гг.», она представляла собой «высший консультативный орган московской политической системы и центр царской администрации и судебной системы. По существу, это была неформальная группа выдающихся советников и чиновников царя». Боярская аристократия рассматривается как своего рода властвующая элита изучаемой эпохи, поскольку решения царя и думы, а точнее узкого круга советников, служили директивой для всего военно-бюрократического аппарата как в центре, так и на местах, где они проводились в жизнь местными властями. Признается целесообразным

рассмотрение состава Боярской думы как единого социального слоя, обладающего определенным статусом и привилегиями в рамках политической системы формирующегося самодержавного государства. Боярская аристократия представляется достаточно гомогенной социальной группой, имеющей определенный статус, престиж и благосостояние, традиции и корпоративную психологию. Однако, если рассматривать ее как властвующую элиту, то, по мнению Крамми, необходимо выделить в ее рамках собственно две различных элиты: традиционную группу знати, занимающую, как правило, высшие военные должности, и бюрократию, порожденную развитием административного аппарата. Исследование доводится до конца XVII в., когда дума постепенно утрачивает свой статус, хотя еще остается центром власти. В петровскую эпоху эта тенденция находит свое завершение в ликвидации Боярской думы и формировании правящей элиты нового типа (замена принципа родовитости принципом чиновной выслуги). (Сгum me y R. Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia 1613 — 1689. Princeton, 1983.)

¹⁰ Проблемы социальных сдвигов в думе и эволюции ее состава в рассматриваемый период освещены в следующих трудах: Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. СПб., 1988; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962; Станиславский А. Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа.— В кн.: Актовое источниковедение. М., 1979; Медушевский А. Н. Вопросы источниковедческого изучения социальной базы русского абсолютизма.— В кн.: Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984.

¹¹ Проблема Земских соборов, как справедливо указывает автор, является одной из центральных для понимания российской государственности. Вопрос этот рассматривался в историографии с диаметрально противоположных позиций. Излагаемая автором историографическая дискуссия восходит к спорам прошлого века, когда либеральные историки в период расцвета конституционных идей в России пореформенного периода и особенно конца XIX — начала XX вв. стремились найти историческое обоснование ограничению самодержавия. В этом отношении наиболее характерно внимание ко всякого рода сословным и сословно-представительным учреждениям, Земским соборам, истории местных сословных учреждений. Данный взгляд получил особенно четкое выражение в трудах В. И. Сергеевича, В. Н. Латкина и Н. П. Павлова-Сильванского. Они отстаивали концепцию, согласно которой Земские соборы в России могут рассматриваться как учреждения по своему социальному происхождению и функциональному назначению близкие или даже аналогичные сходным учреждениям на Западе. Данная постановка вопроса обусловила обращение к сравнительно-историческому методу для его решения. Обоснованный в правовой

литературе Ф. В. Тарановским, этот метод был использован Н. И. Кареевым и особенно Н. П. Павловым-Сильванским для сравнительного изучения сословно-представительных учреждений феодального периода. Окончательный вывод формулировался следующим образом: «Наше Московское государство с его Земскими соборами,— писал Н. П. Павлов-Сильванский,— было таким же сословным государством, как западные сословные государства с их генеральными штатами, ландтагами, кортесами и т. д. И наш государственный порядок московской эпохи XVI—XVII вв. вырос так же, как на Западе, из порядка феодального». (Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910; Тарановский Ф. В. Феодализм в России. Критический очерк.— Варшавские университетские известия, 1902, кн. IV; Кареев Н. И. Поместье — государство и сословная монархия средних веков. Очерк развития социального строя и политических учреждений в Западной Европе. СПб., 1906; Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907.)

Известная идеализация сословно-представительных учреждений вызывала уже в то время стремление противопоставить сословно-представительные учреждения Запада сословной монархии России. Данный взгляд получил наиболее полное выражение в трудах Б. Н. Чичерина, В. О. Ключевского, а также С. Ф. Платонова. Исходя из концепции формирования сословного строя в России, закрепощения и раскрепощения сословий государством, противопоставления их в этом отношении западноевропейским, Ключевский (следуя за Чичериным) пришел к выводу о слабости сословно-представительных учреждений в России, а также их существенной специфике в сравнении с однотипными представительными учреждениями Западной Европы. (Ключевский В. О. Состав представительства на Земских соборах древней Руси.— Соч., М., 1959, т. VIII, с. 71.)

В современной западной историографии сравнительное историческое изучение сословно-представительных учреждений эпохи абсолютизма является одной из центральных тем. Об этом свидетельствует тот факт, что работа исследователей координируется на международном уровне, охватывая историю сословно-представительных учреждений всех стран Европы эпохи абсолютизма, а литература по этой теме непрерывно растет. Согласно большинству западных авторов, в изучении данного вопроса характерно противопоставление Западной и Восточной Европы и, в частности, России, где сословно-представительная система (Земские соборы) не получила развития. Проводится также сопоставление Земских соборов с рядом восточных учреждений типа курултая. См.: Ständische Vertretungen in Europe im 17 und 18 Jahrhundert. Göttingen, 1969; Myers A. R. Parliaments and Estates in Europe to 1789. London, 1975; Torke H.-J. Autokratie und Begriffsklärung und Periodisierung.— In.: Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen. Stuttgart, 1986.

Дискуссия о социальной природе и характере деятельности Земских соборов продолжается и в советской историографии, где также имеют место полярные точки зрения. (Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1978.)

¹² Функции и структура государственной администрации России XVII в. в дореволюционной историографии рассматривалась в связи с историей государственных учреждений. Здесь отметим фундаментальную работу Б. Н. Чичерина о местном управлении России в XVII в. и ряд исследований по истории отдельных приказов, значительное число которых появилось в конце XIX — начале XX вв. Содержащие значительный фактический материал о статусе и функциях учреждений, они сообщали некоторые данные о составе приказной администрации, их штатах и оплате труда. Среди них выделяются также работы Н. Н. Оглоблина, Н. П. Лихачева и, особенно, С. Б. Веселовского о приказном строе Московского государства. (Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII в. М., 1856; Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888; Заозерский А. И. Царь Алексей Михайлович в своей вотчине. Пг., 1917; Веселовский С. Б. Приказный строй управления Московского государства.— В кн.: Русская история в очерках и статьях. Киев, 1912, т. 3.).

Богатый фактический материал о личном составе администрации XVII в. обобщен в работах: Богдаевский С. К. Приказные судьи XVII в. М.—Л., 1946; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. Изучению приказного строя Русского государства XVII в. посвящена работа Н. В. Устюгова, в которой прослеживается его изменение в сравнении с предшествующим периодом и выявлены предпосылки перестройки государственного аппарата в петровское время. (Устюгов Н. В. Эволюция приказного строя Русского государства XVII в.— В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.) М., 1964.) Система центральных и местных государственных учреждений XVII в. освещается в кн.: Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. В последние годы внимание исследователей привлек новый аспект проблемы: исследование состава государственных учреждений — бюрократии, вопросов ее возникновения, развития и становления в качестве самостоятельного социального слоя. Особый интерес представляет новейшая монография Н. Ф. Демидовой, в которой исследуется процесс бюрократизации государственного аппарата в период перехода от сословно-представительной монархии к абсолютизму, на широкой источниковой базе анализируется внутренняя структура управления государством, процесс превращения приказных людей в многочисленный социальный слой. (Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.)

Данная тема стала предметом изучения и в новейшей западной историографии. Предметом обсуждения в ней стал, в частности, вопрос о применимости к русскому чиновничеству этого периода понятия «бюрократия», разработанного современной социологией на

более позднем материале. Возник ряд вопросов о степени социальной дифференциации русского чиновничества, его институционализации (распределении по учреждениям), социальной мобильности и источниках рекрутирования, правового обеспечения, функционирования и корпоративной психологии. Для последующего периода петровских преобразований выявлена связь изменений этих параметров с утверждением и развитием абсолютизма. См.: Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. (Формирование бюрократии). М., 1974; Медушевский А. Н. Развитие аппарата управления России в первой четверти XVIII в.— История СССР, 1983, № 6. Из западных работ отметим следующие: Clarkson J. Some notes on bureaucracy and autocracy in Russia. 1500—1800.—In.: Entstehung und Wandel der modernen Gesellschaft. Berlin, 1970; Russian Officialdom. Chapel—Hill, 1980; Raeff M. Comprendre l'ancien régime russe. Etat et société en Russie impériale. Paris, 1982.

¹³ Речь идет о религиозных противоречиях между русской православной церковью и униатской церковью на Украине. Униатская (греко-католическая) церковь, созданная Брестской унией 1596 г., подчинялась папе римскому, признавала догматы католической церкви при сохранении православных обрядов.

¹⁴ В современной западной историографии представлены три основных подхода к истории крестьянства: сравнительно-исторический, структурно-аналитический и конкретно-исторический. Сравнительно-исторический подход отражен в работе Р. Мунье о крестьянских восстаниях XVII в. во Франции, России и Китае, а также в работе Дж. Блама «Конец старого порядка в аграрной Европе», цель которой автор видит в том, чтобы показать «переход от старого порядка к современному обществу, от сословного общества к классовому обществу». В коллективном труде «История крестьян» сравнительно-историческое освещение проблемы дается по таким направлениям как «деревня и семья», «знать и земля», «переход от крепостничества к свободе» в странах Западной Европы и России за период существования в них форм феодальной зависимости. Предметом изучения стали также проблемы сравнительно-исторического исследования «аграрного протеста», причем в переломные периоды развития европейских государств. В ряде работ американского историка Ш. Тилли и других авторов дается социологическая интерпретация такого исторического явления как «насильственные действия» в развитии общественных структур. По существу, сделана попытка типологического изучения социальных конфликтов, народных движений в истории. В центре внимания автора находятся проблемы социального поведения и социальной психологии масс в период острых социальных конфликтов.

Структурно-аналитический подход представлен исследованиями по изучению первичных форм, истоков современных социальных движений и конфликтов. Видное место в них занимают попытки определить уровень общественного сознания народных низов в сравнительно-историческом освещении. Одним из первых в западной историографии эту проблему поставил английский историк Э. Хобсбаум,

который проанализировал различные формы стихийного протеста народных низов города и деревни, пытаясь раскрыть истоки их организации и формирования их социальных представлений. В зарубежной историографии отмечалось, что намеченное направление стимулировало дальнейшее изучение переходных социальных слоев в структуре массовых народных движений, а также специфики их социальных воззрений. В ряде работ сделана попытка применения методов социологии, этнологии, социальной психологии и количественного анализа к изучению социальных и классовых конфликтов, социально-экономического положения крестьянства, социальной мобильности различных слоев феодального общества. Подробнее см.: Буганов В. И., Медушевский А. Н. Американские историки о социальной психологии крестьянства России периода феодализма.— История СССР, 1986, № 5. Hobsbawm E. Primitive Rebels. London, 1959; Smelser N.-J. Theory of Collective Behavior. London, 1962; Tilly Ch. The changing Place of collective Violence.— In.: Essays in Theory and History. An approach to the Social Sciences. Cambridge, Mass., 1970; Thompson E. P. Patrician Society, Plebeian Culture.— In.: Journal of Social History, 1974, vol. 7; Blum J. The End of the Old Order in rural Europe. Princeton, 1978; Histoire des Paysans. Paris, 1982.

¹⁵ Новая проблематика изучения крестьянских и городских восстаний связана с разработкой вопросов идеологии и социальной психологии их участников. См.: Литвак Б. Г. О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в.— История и психология. М., 1971; Буганов В. И. Об идеологии участников крестьянских войн в России.— Вопросы истории, 1974, № 1; Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма, М., 1977.

Проблемы крестьянского сознания и социальной психологии становятся предметом изучения и в западной историографии в связи с анализом начальных форм идейного протеста народных низов. Одна группа историков (А. Собыль, Дж. Рюде и др.), отмечая стихийный характер и неорганизованность крестьянских выступлений, правомерно считает возможным говорить о наличии в них определенного элемента сознательности, развития идейных представлений. Другие авторы подчеркивают психологическую сторону крестьянских выступлений, причем большое внимание в связи с этим придается явлению «наивного монархизма». Так, в трудах Дж. Блама и П. Аврича монархизм крестьянства понимается как идеализация царя в отличие от бояр и чиновников, против которых оно непосредственно выступало. В этой перспективе интерпретируется история крестьянских войн XVII—XVIII вв., а также крестьянские выступления последующего времени. Отметим, однако, что явление наивного монархизма составляет характерный компонент воззрений не только русского крестьянства, но и крестьянского сознания вообще и хорошо прослеживается на материале других стран. (Рюде Дж. Народные низы в истории. 1730—1848. М., 1984; Blum J. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to Nineteenth Century. Princeton, 1961;

Avrich P. Russian Rebels 1600—1800. N.—Y., 1972; Кеер J. Emancipation by the Axe? Peasant revolts in russian thought and literature.— Cahiers du monde russe et soviétique. 1982, vol. 23, № 1.

¹⁶ Дискуссия о генезисе капитализма в России в советской историографии выявила три различных точки зрения по этому вопросу, нашедшие выражение, в частности, в различной датировке этого процесса. Одна группа историков — сторонники ранней датировки генезиса капитализма в России, считали возможным отнести его начало к XVI в. Д. П. Маковский, собрав большой материал о росте товарного производства в деревне, стремился обосновать наличие новых капиталистических явлений в экономике страны. Это положение развивал также Н. Е. Носов, используя данные о крестьянских торгово-промышленных капиталах на русском Севере. (Маковский Д. П. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI в. Смоленск, 1963; Носов Н. Е. Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины Л., 1968, вып. 1. Большинство историков не согласилось, однако, с такой постановкой вопроса).

Другая концепция относит начало процесса генезиса капитализма к XVII в. и связывает его с определенными сдвигами в развитии социально-экономических отношений, соотносимых в советской историографии с понятием «нового периода русской истории». Эта точка зрения была выдвинута Н. М. Дружининым, получила конкретизацию в работе Н. В. Устюгова, «Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в.», а в последующее время и ряда других исследователей. Согласно данной концепции расширение в этот период товарно-денежных отношений в связи с ростом внутреннего рынка и втягиванием страны в мировую торговлю, развитие имущественной и социальной дифференциации в городе и деревне, развитие предпринимательства и мануфактуры свидетельствуют о формировании буржуазных отношений в это время. Историки отмечали, однако, что процессы эти развивались в рамках феодальной формации, проходили в специфических условиях поступательного движения феодализма: роста феодального землевладения, расширения и углубления феодальной эксплуатации, распространения ее на новые территории и категории населения, законодательного оформления крепостного права. Рост социальных противоречий проявился в усилении классовой борьбы, характерными чертами которой в XVII в. стали широкие народные движения, связь антифеодальных выступлений в центре с движениями на местах, волнений крестьян с городскими восстаниями, участие в движениях, наряду с крестьянами и холопами, казаков, стрельцов, рабочих людей, а также нерусского населения. (Дружинин Н. М. Генезис капитализма в России.— X Международный конгресс историков в Риме. Доклады. М., 1956; Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. М., 1980).

Третья точка зрения состоит в отнесении начала процесса генезиса капитализма к более поздней эпохе и связывает его с разложе-

нием феодальной формации. Она исходит из того, что отдельные признаки развития товарно-денежных, рыночных отношений, сельского хозяйства, увеличения числа мануфактур и объемов капиталов в условиях господства и поступательного движения феодализма не могут сами по себе считаться доказательством генезиса буржуазных отношений. Они становятся доказательными лишь в том случае, если приобретают устойчивую тенденцию перерастания в новый уклад, а затем и формацию. Исходя из этого, временем начала генезиса капитализма признается вторая половина, конец XVIII в. или даже начало XIX в. Применительно к рассматриваемой эпохе — XVII в. — данная точка зрения говорит лишь о развитии феодальных отношений. (Я ц у н с к и й В. К. Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв. М., 1973; К о в а л ь ч е н к о И. Д., М и л о в Л. В. Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX века. М., 1974.)

Таким образом, социально-экономическое развитие России в XVII в. оказывается в центре основных дискуссий и конкретных исследований историков, безотносительно к занимаемой ими позиции. В историографии прошли дискуссии по таким ключевым проблемам как социально-экономическая природа расслоения крестьянства, мануфактуры, характер труда на них (крепостной или вольнонаемный), первоначальное накопление, степень развития рыночных отношений в XVII в. В связи с этим предметом обсуждения стали также вопросы помещичьего, крестьянского и монастырского хозяйства, общины, феодальной ренты, торговли. Решение этих вопросов находится в тесной связи с изучением проблем социальной основы народных движений — крестьянских войн и городских восстаний, а также процесса развития и утверждения абсолютизма.

Особый интерес эти проблемы приобретают при рассмотрении их в сравнительно-исторической перспективе стран Западной Европы. XVII в. представляет собой переломную эпоху как в истории стран Европы, так и России. В историографии дискутируются вопросы специфики развития феодализма, капитализма в странах Восточной Европы, в частности в связи с концепцией «кризиса XVII в.», выдвинутой в западной историографии. См.: И с л а м о в Т. М., Ф р е й д з о н В. И. Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе. — Новая и новейшая история, 1986, № 1.

¹⁷ В западной историографии этому фактору истории страны придается важное, если не решающее значение при объяснении специфики эволюции социального строя, формирования крепостного права и государственности в России XVII в. См.: H a r r i s o n J. A. The Founding of the Russian Empire in Asia and America. Miami, 1971; H e l l i e R. Enserfment and Military Changes in Muscovy. Chicago, 1971; S m i t h R. E. The Enserfment of the Russian Peasantry. Cambridge, 1968; i d e m. Peasant Farming in Muscovy. Cambridge, 1977.

¹⁸ Новым направлением в исследованиях по аграрной истории является применение количественных методов с обработкой данных массовых источников на ЭВМ. Анализ писцовых книг XVII в.

проводится с целью выяснить, какова была экономическая эффективность двух основных форм феодальной земельной собственности (поместья и вотчины), какой из них соответствовал более оптимальный тип хозяйствования, дающий большие возможности для развития производительных сил. Такое исследование позволяет получить ответ, какое из двух типов хозяйств — поместье или вотчина — быстрее выходит из хозяйственного кризиса, вызванного Смутой. (Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Системно-структурный подход к изучению аграрного развития России первой половины XVII в. и проблемы типологии феодального хозяйства (многомерный анализ писцовых книг).— В кн.: Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985. См. также: Феодализм в России. М., 1987.)

¹⁹ Среди новых исследований по истории международных отношений и внешней политики России XVII в. см.: Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений. М., 1980; Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978; Санин Г. А. Сношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в., М., 1987.

- Абцеदारский Л. С. 197
 Абрамов Я. В. 73
 Аввакум, протопоп 213, 214
 Аврех А. Я. 13, 34, 35, 40, 42, 45, 52, 236
 Аврич П. (Avrich P.) 78, 89, 91, 244, 245
 Аделунг Ф. (Adelung F.) 216, 217, 225
 Адриан, патриарх 206
 Адрианова С. А. 205
 Адрианова-Перетц В. П. 214, 215
 Азарьин Симон 205
 Аксаков К. С. 51, 162
 Александр 205
 Александренко В. Н. 196
 Александров В. А. 107, 109, 111, 156
 Алексеев М. П. 222
 Алексей Михайлович, царь 14, 15, 65, 66, 70, 172, 192, 204, 215, 221—223, 242
 Алеппский Павел (см. Павел Алеппский)
 Алеф Г. (Alef G.) 46, 239
 Аллен В. Э. Д. (Allen W. E. D.) 152, 188
 Алпатов М. А. 62, 159, 221
 Амбургер Е. (Amburger E.) 157, 158
 Амфилохий, архимандрит 199
 Андерсон М. С. (Anderson M. S.) 159
 Андерсон П. А. (Anderson P.) 238
 Андерсен С. О. (Andersen S. O.) 217
 Андреев А. И. 227
 Андреев В. В. 73, 74
 Анкудинова Л. Е. 74
 Анпилогов Г. Н. 226
 Антонович В. 90, 202
 Апанович О. М. 152
 Аполлова Н. Г. 108
 Арзыматов А. А. 113, 148
 Аристов Н. Я. 73
 Артамонов В. А. 5
 Арциховский А. В. 62
 Аттман А. (Attman A.) 102, 113, 115
 Баггер Х. (Bagger H.) 5, 7, 23, 26, 132, 229
 Базилевич К. В. 36, 37, 52, 80, 83, 84, 94, 109, 125, 226
 Баканов П. О. 96
 Бакланов Н. Б. 133
 Бакланова Н. А. 109, 133, 210
 Бакулин В. С. 107
 Вантыш-Каменский Н. Н. 23, 187, 189, 190, 194
 Баранович А. И. 150
 Барановский Б. (Baranowski B.) 152
 Барбур В. (Barbour V.) 112
 Барг М. А. 30
 Барон С. (Baron S.) 27, 99, 100, 108, 109
 Барсков Я. Л. 213
 Барсуков А. П. 61, 215
 Барсуков Н. П. 205
 Бартл П. (Bartl P.) 152
 Бахрушин С. В. 60, 84, 104, 108, 109, 112, 134, 138—140, 142, 143
 Бевзо О. А. 202
 Безобразов А. И. 209
 Бек А. 195
 Белов М. И. 108, 112, 154
 Белокуров С. А. 51, 61, 62, 152, 174, 180, 188, 189
 Белоцерковский Г. М. 133
 Белявский М. Т. 42, 43
 Беляев И. Д. 118
 Бёрх Т. (Birch T.) 196

- Бескровный Л. Г. 105, 109, 113
 Бестужев-Рюмин К. Н. 196
 Биллингтон Дж. Х. (Billington J. H.)
 71, 77, 160, 163
 Бирон А. К. 113
 Блам Дж. (Blum J.) 243, 244
 Блудов Д. Н. 181
 Богословский М. М. 60, 104
 Богоявленский С. К. 61, 242
 Бодянский О. 201
 Болотников И. И. 12, 16, 78, 81, 83,
 84, 88, 139, 166, 218, 226
 Боплан Г. Левассер де (Beau-
 plan G. le Vasseur de) 221, 224,
 225
 Бочкарев В. Н. 95
 Бранд А. 194
 Брикнер А. (Brückner A.) 158
 Броч У. (О.) (Broch O.) 192, 193
 Буганов В. И. 23, 84, 85, 178, 180,
 219, 226, 240, 244, 245
 Будило И. 212
 Булавин К. А. 16, 78
 Булгаков М. Б. 107, 247
 Булыгин И. А. 129
 Буссов К. (Bussow C.) 218, 219
 Бушев П. П. 157
 Бычкова М. Е. 183
 Бэдли Дж. Ф. (Baddeley J. F.)
 156, 193

 Важинский В. М. 111
 Вайпштейн О. Л. 147, 148
 Валк С. Н. 169, 195
 Вальдемар Кристиан, принц 155,
 207
 Введенский А. А. 109, 133, 210
 Вебер Макс 103
 Великий А. Г. (Welykyj A. G.) 207,
 208
 Величко С. 202
 Вельке М. (Welke M.) 159
 Вернадский Г. 228
 Веселовский С. Б. 61, 63, 175, 178,
 240, 242
 Веселовский Н. И. 188
 Видера Б. (Widera B.) 132
 Викторов А. Е. 187
 Вилков О. Н. 104, 107
 Виноградов В. В. 169
 Виноградов П. Г. 233
 Витсен Н. (Witsen N.) 220, 222
 Виттрам Р. (Wittram R.) 234, 235
 Виттфогель К. Х. (Wittfogel K. H.)
 45
 Владимирский-Буданов М. Ф. 47,
 50, 51, 62, 63, 232
 Владислав IV 149, 212
 Водарский Я. Е. 28, 48, 105, 133,
 182
 Возгрин В. Е. 112, 132, 230
 Вознесенский С. В. 174, 175
 Войцек З. (Wójcik Z.) 145—147,
 150, 151, 225
 Волков Л. В. 82
 Волков М. Я. 108, 109, 197, 237
 Воровский В. В. 39
 Вулих Е. З. 109
 Вяткин М. П. 188

 Габсбурги 153
 Гадзяцкий С. С. 149
 Галактионов И. В. 151
 Галилей 231
 Гальперин Г. Б. 55
 Гальцов В. И. 187
 Гарскова И. М. 247
 Гебдон Джон (Иван) 192
 Гегель 231
 Генрих VII 238
 Герке К. (Goehrke C.) 110, 126—
 131
 Гершенкрон А. (Gerschenkron A.)
 39, 40, 43, 97, 237
 Гибсон Дж. Р. (Gibson J. R.) 110,
 139
 Гизо Ф. П. Г. (Guizot F. P. G.)
 233
 Гитерман В. (Giterman V.) 103
 Глинка Г. В. 138
 Говард Ч. (Howard Ch.) 223, 224
 Годаншевский В. (Godziszewsky W.)
 149
 Годунов Борис, царь 64, 188, 195,
 210
 Годунов П. И. 15
 Голикова Н. Б. 61
 Голицын Н. Н. 181
 Голицыны, князь 173
 Голобуцкий В. А. 78, 150
 Голубцов В. В. 183
 Голубцов А. П. 155, 158, 207
 Гольдберг А. Л. 158, 216
 Гордон П. (Gordon P.) 212
 Горн Хильдебрандт фон (Horn
 H. v.) 222
 Горская Н. А. 119, 122
 Горчаков М. И. 61
 Готье Ю. В. 29, 44, 131

- Грабянка Г. И. 201, 202
 Градовский А. Д. 60, 232
 Греков Б. Д. 129
 Грёнебаум Ф. (Grönebaum F.) 146, 153
 Грибоедов Ф. 199, 200
 Гросул Я. С. 190
 Гудзенко П. П. 134, 191
 Гудзий Н. К. 70, 213
 Гулдон Ц. (Guldon Z.) 114
 Гурлянд И. Я. 61, 192
 Гутнова Е. В. 238
 Гюльденстиерне А. (Gyldenstjerne A.) 218, 220
 Гюнтер О. Е. (Günter O. E.) 134, 138, 151
- Дайн Э. Ч. (Duin E. C.) 158
 Данилова Л. В. 124, 125
 Данкерт И. (Danckaert J.) 217
 Дежнев С. 141
 Декарт Р. (Descartes R.) 231
 Деллаграда 183
 Демидова Н. Ф. 62, 242
 Дзира Я. И. 201
 Дмитриева Р. П. 170, 199, 214, 217
 Дмитрий Самозванец (см. Лже-дмитрий I)
 Долгоруков П. 183
 Донской Дмитрий 15
 Дорошенко В. В. 113
 Дорошенко Д. А. (Doroshenko D. A.) 202
 Дружинин Н. М. 38, 95, 120, 132, 245
 Дядиченко В. А. 60, 150
- Елагин С. И. 157
 Елеазар Анзерский 205
 Елизавета I, англ. королева 195
 Епифанов П. П. 171
 Ерошкин Н. П. 47, 52, 59, 242
- Жолкевский С. (Zółkiewski S.) 211, 212
 Жордания Г. 111, 153
- Забелин И. Е. 163, 181
 Загоровский В. П. 122, 123
 Задера А. Г. 106
 Зайончковский П. А. 57, 170, 171, 205
 Залевский С. (Zalewski S.) 114
 Замысловский Е. Е. 148, 149, 154
 Зани Э. (Zani E.) 221
- Заозерская Е. И. 109, 132, 133
 Заозерский А. И. 61, 109, 133, 210, 242
 Зеньковский С. 67, 69, 70
 Зигмунт III 163
 Зимин А. А. 38, 60, 236
 Златкин И. Я. 193
 Зызыкин М. В. 67, 70, 71
- Иван III, царь 15
 Иван IV (Грозный), царь 15, 49, 64, 163
 Иванов П. И. 182
 Ивина Л. И. 157
 Игнатенко А. П. 197
 Идес И. 194
 Изабелла, королева Кастилии 238
 Изюмов А. 182
 Икономов В. Ф. 25
 Индова Е. И. 45, 59
 Иоаким, архимандрит 205
 Ирина Михайловна, царица 207
 Исламов И. М. 238, 240
- Кавелин К. Д. 9, 32, 232
 Казакевич А. Н. 170
 Казанин М. И. 194
 Калмыковы, предприниматели 109, 133, 210
 Каль В. (Kahle W.) 158
 Кандель Б. Л. 171
 Кареев Н. И. 233, 241
 Карлон М. (Carlou M.) 148, 149
 Каптерев Н. Ф. 66—70, 72, 75, 76, 152
 Карпачев А. М. 107
 Кастрен М. А. (Castren M. A.) 204
 Катырев-Ростовский И. М. 215
 Кауфманн-Рошар Ж. (Kaufmann-Rochard J.) 98, 104, 108, 109
 Кафенгауз Б. Б. 38
 Кашин В. Н. 210
 Кэп Г. (Cahen G.) 113, 155
 Келленбенц Х. (Kellenbenz H.) 112, 113, 158
 Кемп П. М. (Kemp P. M.) 156
 Кентржинский Б. (Kentschynskyj B.) 144, 145, 148, 150
 Кернер Р. (Kerner R.) 143
 Кип Дж. (Keep J.) 40, 53, 55, 245
 Кирхнер В. (Kirchner W.) 112
 Клеймола А. (Kleimola A.) 239
 Кленк К. ван (Klenck C. van) 221, 223
 Клибанов А. И. 244

- Клозе Д. (Klose D.) 155
Клокман Ю. Р. 103
Клуэтинг Х. (Klueting H.) 195
Ключевский В. О. 7, 10, 14, 26, 40, 41, 47, 48, 53, 55, 56, 58, 130, 159, 162, 164, 165, 214, 232, 233, 241
Коваленко Г. М. 157, 219
Ковальченко И. Д. 178, 246
Козловский П. Г. 123
Колесников П. А. 122
Коллинз С. (Collins S.) 220—222
Колосова Е. В. 213
Колычева Е. И. 47
Конибир Ф. К. (Conybeare F. C.) 68—70, 75
Коновалов С. 195, 196
Копанев А. И. 175, 211, 226
Коперник 231
Копылов А. Н. 107
Копысский З. Ю. 111, 170
Кордт В. А. 111, 154, 195, 216
Корецкий В. И. 47, 125, 211
Коркунов Н. М. 232
Королева Р. Г. 197
Костомаров Н. И. 18, 45, 79, 82, 90, 100, 102, 162—165, 226
Котков С. И. 178, 197, 209
Котошихин Г. К. (Cotossichin G.) 215
Козйт Б. 223
Крамми Р. (Crummey R. O.) 48, 50, 237, 239, 240
Крачковский И. (Kratschkowski I. J.) 224
Крижанич Ю. (Križanić J.) 158, 221, 222
Крипьякевич И. П. 60
Крисп О. (Crisp O.) 98, 101
Кристенсен С. О. (Christensen S. Aa.) 5, 7—10, 13—16, 18, 19, 23, 154, 229, 232, 233
Кристенсен А. Е. (Christensen A. E.) 113, 115
Кристина, королева 187
Кросс Э. (Cross A.) 220
Курмачева М. Д. 56, 116
Кубала Л. (Kubala L.) 150
Куканова Н. Г. 111
Кулиш П. А. 134, 150
Кулишер И. М. 102
Кумыков Т. Х. 189
Курсков Ю. В. 111
Куриц Б. Г. 111—113
Кушев Е. Н. 189
- Кяйвяряйнен И. И. 157
- Ладоха Г. 82
Лазаревский А. М. 78, 90, 91
Ланцев Г. В. (Lantzeff G. V.) 60, 62, 65, 136, 139, 141—143, 227
Лаппо-Данилевский А. С. 62
Ларан М. (Laran M.) 228
Латкин В. Н. 54, 55, 232, 240
Лебедев Г. П. 170
Левицкий О. И. 201
Левшин В. В. 178
Лезюр М. (Lesure M.) 192
Ленин В. И. 7, 135
Леонид, архимандрит 206
Лжедмитрий I 163, 164, 188, 190, 212, 219, 220
Лжедмитрий II 219
Лизола Ф. фон (Lisola F. v.) 191
Лимонов Ю. А. 160
Литвак Б. Г. 244
Лихачев Д. С. 195
Лихачев Н. П. 133, 182, 242
Лобанов-Ростовский А. Б. 183
Ловягин А. М. 217, 223
Логиннова А. И. 169
Лойт А. (Loit A.) 110, 112
Ломель Ж. де (Lhomel G. de) 192
Лохер Т. Дж. Г. (Locher Th. J. G.) 159
Люблинская А. Д. (Lublinska A. D.) 30
Любомиров П. Г. 132
Любименко И. И. (Lubimenko I. I.) 111, 152, 195
Людовик XI 238
Люмбр А. де (Lumbres A. de) 192
Ляич В. (Leitsch W.) 100, 108, 145, 146, 152, 153
Ляскоронский В. Г. 225
Лященко П. И. 118, 132
- Мавродни В. В. 81—84, 87
Мазур А. Г. (Mazour A. G.) 164, 165
Майерберг А. (см. Мейерберр)
Макарий, митрополит 205
Макарий, патриарх Антиохийский 224
Макаров И. С. 107
Маковский Д. П. 245
Максимилиан, император 238
Маллиновский А. Ф. 112, 156
Малышев В. И. 213
Мальцев А. Н. 150

- Манго А. (Mango A.) 188
 Маньков А. Г. 106, 129, 175, 226
 Маржерет Ж. (Margeret J.) 218, 219
 Мартенс Ф. (Martens F.) 172
 Маскевич С. 212
 Маскевич Б. К. 212
 Масса И. (Massa J.) 218, 219
 Матвеев А. А. 213
 Маттисен Х. (Mattisen H.) 158
 Медведев С. А. 213
 Медлин В. К. (Medlin W.) 45, 72
 Медушевский А. Н. 240, 243, 244
 Межев В. И. 174
 Мейерберг А. де (Mayerberg A. de) 220, 221, 228
 Мерзон А. Ц. 18, 62, 104, 107
 Миклухо-Маклай Н. Н. 108
 Микулин 196
 Миллер Г. Ф. 140, 186
 Милов Л. В. 246, 247
 Милоков П. Н. 15, 28, 32, 33, 40, 46, 58, 65, 103, 130, 166, 167, 232
 Мильтон Дж. 160
 Мирзоев В. Г. 140, 227
 Митяев К. Г. 104, 107
 Михаил Федорович, царь 188
 Могила П. 72
 Модзалевский В. Л. 178
 Мордовина С. П. 181
 Морозов Б. И. 94, 133, 181, 209
 Мунье Р. (Mousnier R.) 29, 83, 87, 89, 234, 235, 243
 Муромцев С. А. 232
 Мъж Г. (Miège G.) 221, 224
 Мякотин В. А. 91, 124

 Наседка Иван 205
 Насонов А. Н. 203
 Неволин К. А. 57, 58, 60
 Нерхуд Х. (Nerhood H.) 216
 Нечкина М. В. 25, 57, 80, 81, 86, 118, 120, 121, 132, 135, 136, 236,
 Нёрретрандерс Б. 229
 Никитин Н. И. 122, 123
 Никитников, промышленник 9
 Никольский А. А. 70, 73
 Никон, патриарх 15, 66—68, 70—73, 75, 76, 173, 174, 199, 204, 222
 Новиков Н. И. 183, 199
 Новомбергский Н. 184
 Новосельский А. А. 63, 123, 129, 151, 152, 201, 209
 Новосельцев А. П. 156, 157
 Ноде В. (Naudé W.) 114

 Нойбауэр Х. (Neubauer H.) 29, 31, 45, 53, 70
 Нольде Б. 108
 Нольте Х. Х. (Nolte H.-H.) 74, 76
 Нордваль Й. Е. (Nordwall J. E.) 148, 149
 Норман Д. (Norrman D.) 148
 Нюроп К. (Nyrop C.) 155

 Оболенский М. А. 196
 О'Брайен Ч. Б. (O'Brien C. B.) 85, 150
 Овчинников Р. Б. 182
 Оглоблин Н. Н. 61, 62, 185, 186, 194, 227, 242
 Оглоблин О. А. (Ohloblin O. A.) 132, 133
 Олеарий А. 158, 216, 217, 220, 228
 Ольделанд Х. 222, 223
 Оман Э. (Haumant E.) 151
 Оссолинский Е. (Ossoliński J.) 212

 Павел Алеппский 221, 224
 Павленко Н. И. 31, 38, 44, 46, 48, 85, 122, 123, 131, 175, 236
 Павлова-Сильванская М. П. 38, 44, 236
 Павлов-Сильванский Н. П. 33, 36, 37, 233, 240, 241
 Павловский И. Ф. 224
 Павулан В. В. (Pāvulāne V.) 113, 114
 Паерле Х. Г. (Peyerle H. G.) 218, 219
 Пазухины 209
 Паисий Лигаридес, митрополит 66, 204
 Пайчадзе Г. Г. 188
 Палицын А. 200, 215
 Палмер В. (Palmer W.) 173, 174, 204, 224
 Палмквист Э. (Palmquist E.) 228
 Панеях В. М. 183
 Панкратова А. М. 41, 103, 132
 Панченко А. М. 211
 Пасек Я. (Pasek J.) 212
 Паскаль П. (Pascal P.) 68, 69, 73, 75—77
 Пачикелли Дж. Б. (Pacichelli G. B.) 221
 Пашуто В. Т. 37, 125
 Петр I 5, 7, 10, 17, 25, 26, 65, 72, 84, 132, 177, 232
 Петрей Петр 217—219
 Петрикеев Д. И. 94, 133

- Пийримяэ Х. А. 110, 112, 113
 Пирлинг П. (Pierling P.) 151
 Пичета В. И. 27, 49, 162, 164, 165
 Платонов С. Ф. 25, 32, 48, 49, 52, 53, 158, 164—167, 198, 214, 215, 241
 Покровский М. Н. 22, 41, 82, 94, 135, 175, 227
 Полевиков М. А. 189
 Половцов А. А. 192
 Полонская-Василенко Н. (Polońska-Vasylenko N.) 151
 Померенинг К. 187
 Пономарев Б. Н. 69
 Попов А. Н. 79
 Попов Н. А. 173, 198
 Поршнева Б. Ф. 6, 8, 30, 81, 89, 112, 144, 145, 147, 148, 155, 156
 Преображенский А. А. 21, 44, 86, 96, 105, 109, 133, 136, 140, 141, 237, 245
 Преображенский В. Д. 153
 Пресняков А. Е. 47, 49, 50, 52, 59, 64, 65
 Прибрам А. Ф. (Pribram A. F.) 150, 191
 Привалова Н. И. 107
 Прицак О. (Pritzak O.) 201
 Прозоровский И. С. 15
 Прошштейн А. П. 106
 Пугачев Е. И. 78, 81, 82
 Пухта Г. Ф. (Puchta) 231
 Пуффендорф С. (Puffendorf S.) 202
 Пуцилло М. П. 194

 Рабинович Г. С. 133
 Радищев А. Н. 12, 80
 Разин С. Т. 12, 16, 78, 81, 82, 119, 203, 226
 Рамбо А. (Rambaud A.) 191
 Ранке Л. фон (Ranke L. von) 24, 231
 Расмуссен К. (Rasmussen K.) 154, 157, 193, 229
 Раух Г. фон (Rauch G. von) 159
 Рахматулин М. А. 42, 43
 Робинсон А. Н. 213
 Роде А. 222
 Рождественский Н. В. 188
 Рожков Н. А. 22, 44, 52, 166, 167
 Романовский В. С. 175
 Ромодановский Г. Г. 15
 Росенфельдт Н. Е. (Rosenfeldt N. E.) 26, 43, 229
 Рубан В. 201

 Рубинштейн Н. Л. 46, 79, 95, 107, 165
 Руммель В. В. 183
 Рухманова Э. Д. 112
 Рюде Дж. 244
 Рюриковичи 162
 Рязановский Ф. А. 60

 Савари Ж. (Savary J.) 221, 225
 Савва С. 46
 Савиньи Ф. К. (Savigny F. Ch.) 231
 Сайковский А. (Sajkowski A.) 213
 Салтыков-Щедрин М. Е. 216
 Санин Г. А. 247
 Санага Ян 212
 Сахаров А. М. 29, 33, 41, 47, 50, 53, 55, 64, 74, 87
 Сахаров А. Н. 46, 118—122
 Сахаров И. П. 213
 Светешников Н. 109
 Себес Дж. (Sebes J.) 155, 156
 Сельнес К. (Selnes K.) 154
 Сербина К. Н. 104, 107, 112, 133, 185
 Сергеевич В. И. 47, 54, 232, 240
 Сёренски Х. К. 229
 Сильвестр (см. Медведев С. А.)
 Скляр И. М. 119
 Скокпол Т. (Skocpol T.) 238
 Сладковский М. И. 112
 Сменковский М. Н. 226
 Смирнов И. И. 79, 81, 84, 86—88, 91, 166, 167, 195
 Смирнов Н. А. 74, 146, 151, 152
 Смирнов П. П. 53, 61, 76, 103, 105
 Смирнова Т. И. 129
 Смит Р. Е. Ф. (Smith R. E. F.) 227, 246
 Собесский В. (Sobieski W.) 149
 Собоуль А. 244
 Соловьев С. М. 7, 26, 46, 82, 161, 162, 232, 233
 Соловьев О. Ф. 156
 Соловьев А. В. (Soloviev A. V.) 66
 Соссэ Ж. (Saussay J.) 228
 Софроненко К. А. 61
 Сперацкий А. Н. 61
 Сперацкий М. М. 171
 Спинка М. (Spinka M.) 71, 75
 Спиридонакис Б. 192
 Спиноза Б. (Spinoza) 231
 Станиславский А. Л. 182, 240
 Сташевский Е. Д. 49, 129, 184, 185

- Степанов И. В. 80, 226
 Стефан Вонифатьевич 86
 Стецюк К. И. 17, 18, 78, 90, 124
 Стнеф К. 229
 Сторожев В. Н. 49, 182
 Стоскова Н. Н. 133
 Стрейс И. (Struys J. J.) 220, 223
 Стрешнев С. 204
 Струмилин С. Г. 133
 Субботин Н. И. 174, 204
 Сулешев Ю. Я. 15
 Суровцын И. Ф. 205
- Тарановский Ф. В. 241
 Тверская Д. И. 104, 108
 Тейнер А. (Theiner A.) 191
 Тилли Ш. (Tilly Ch.) 243, 244
 Тимашевы, предприниматели 109
 Тимофеев И. 215, 225, 226
 Титов А. 222
 Тихвинский С. Л. 194
 Тихомиров М. Н. 53, 61, 170, 171, 198, 226
 Тихонов Ю. А. 18, 62, 95—97, 104, 105, 107, 118—120, 125, 126, 245
 Ткачев П. Н. 9, 33
 Толстой Ю. В. 196
 Токарев С. А. 60
 Торияма С. (Toriyama S.) 37, 48, 55
 Торке Х.-Й. (Torke H.-J.) 13, 25, 37, 39, 40, 42, 46, 52, 54, 56, 84, 85, 87, 88, 241
 Трапезников В. 111
 Троицкий С. М. 237, 243
 Ту Ж.-О. де (Thou J.-A. de) 218, 219
 Туган-Барановский М. И. 97, 132
 Тургенев А. И. 190
- Уилсон Ф. (Wilson F.) 220
 Улащик Н. Н. 170, 173, 174
 Устрялов Н. Г. 218, 219
 Устюгов Н. В. 51, 57, 63, 65, 103, 107, 122, 133, 193, 242, 245
- Фальборг Б. (Fahlborg B.) 148, 149
 Федор Алексеевич, царь 149, 223
 Фердинанд, король 238
 Фетиев Ф. М. 109
 Фехнер А. В. (Fechner A. W.) 113, 158
 Фехнер М. В. 113
 Филарет, патриарх 199, 206
- Филпс Дж. (Phipps G.) 196
 Фирсов И. Н. 170, 188
 Фирсов Н. Н. 22, 82, 84, 166
 Фишер Р. (Fischer R. H.) 114, 138, 139, 141—143, 227
 Фишер Р. (Fišer R.) 40
 Флоря Б. Н. 149, 247
 Фляйшхакер Х. (Fleischhacker H.) 70
 Форбек-Леттов М. (Vorbeck-Lettow M.) 212
 Форстен Г. В. 148, 149, 153, 154, 197
 Форштройтер К. (Forstreuter K.) 153
 Фрадкина З. Л. 171
 Фрейдзон В. И. 246
 Фулброк М. (Fulbrook M.) 238
 Фурман Дж. Т. (Fuhrmann J. T.) 99
 Фюстель де Куланж 233
- Хабаров Е. П. 141
 Харт С. (Hart S.) 114
 Хартунг Ф. 234
 Хеденстрём А. фон (Hedenström A. von) 153
 Хекшер Э. Ф. (Heckscher E.) 43, 115
 Хелли Р. (Hellie R.) 13, 47, 227, 246
 Хинтон Р. (Hinton R. W. K.) 111
 Хиршберг А. (Hirschberg A.) 149
 Хмельницкий Б. 16, 17, 137, 201
 Хобсбаум Э. (Hobsbawm E.) 8, 30, 238, 243, 244
 Хорошкевич А. Л. 247
 Хоув С. Э. (Howe S. E.) 220
 Хрущевский М. С. 90
 Хубач В. (Hubatsch W.) 234
 Хуржий И. О. 170
- Цветаев Д. 155, 158
 Цернак К. (Zernack K.) 112, 148, 149
 Цинцадзе И. З. 188, 189
- Чаев Н. С. 65
 Чаплинский В. (Czapliński W.) 149, 150, 155
 Чернов А. В. 26, 57, 61, 62
 Черепнин Л. В. 37, 53, 56, 78, 82, 84, 95, 125, 187, 215, 236, 242
 Чернявский М. (Cherniavsky M.) 45, 67, 69, 73, 77, 88

- Чистов К. В. 74, 88
Чистякова Е. В. 30, 83, 107
Чичерин Б. Н. 9, 32, 52, 60, 232, 233,
241, 242
Чулков М. Д. 9
- Шайнох К. (Szajnoch K.) 150
Шакловитый Ф. 173, 174
Шапиро А. Л. 236
Шаскольский И. П. 11, 113, 148,
149
Швецова Е. А. 226
Шевалье П. 6
Шевченко Ф. П. 150
Шерстобоев В. Н. 60, 61
Шмидт С. О. 187, 238
Шорин В., купец 9, 99
Шпаковский А. Я. 113
Штеппа К. Ф. (Shteppe K. F.) 37,
54, 136
Штёкль Г. (Stökl G.) 13, 56, 159
Шуйский В. 64, 188, 200
Шумаков С. А. 61, 209
Шунков В. И. 27, 103, 107, 110,
134, 136, 138, 139
- Щапов А. П. 54, 73, 164
- Щебеньков В. Г. 155
Щербачев Ю. Н. 192, 220
- Эванс Н. (Evans N.) 195, 196
Экхольм Л. 112
Энгельс Ф. 20
Энгельстофт Л. (Engelstoft L.)
220
Эпштейн Ф. (Epstein F. T.) 58, 60, 65
Эрдманнсдёрфер Б. (Erdmannsdör-
fer B.) 153
Эспер Т. (Esper Th.) 40
- Юберсбергер Х. (Übersberger H.)
153
Юшков С. В. 35, 37, 38, 46, 54, 55
- Ядринцев Н. М. 141, 142
Яковлев А. И. 61, 129, 179, 181,
184
Яковлев Л. И. 169
Яковлева П. Т. 113, 155
Якубов К. 187
Янель З. К. 124, 125
Ярослав Мудрый, князь 15
Яцунский В. К. 95, 120, 246

ОГЛАВЛЕНИЕ

О труде С. О. Кристенсена по историографии истории России XVII столетия	5
Глава I. Постановка ключевых проблем	24
Глава II. Государство и его институты	32
Глава III. Городские восстания и крестьянские войны	78
Глава IV. Экономическая история	92
Глава V. Внешняя политика и международные связи	134
Глава VI. Смута	161
Глава VII. Опубликованные источники	168
Послесловие (Коротко об авторе)	229
Комментарии	231
Именной указатель	248

Свен Оге Кристенсен

ИСТОРИЯ РОССИИ XVII В.

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ И ИСТОЧНИКОВ

Редактор В. Д. Гапанович. Художник В. Те. Художественный редактор И. М. Чернышева. Технический редактор Л. Ф. Шкилевич. Корректор Г. А. Локшина.

ИБ № 16378 Сдано в набор 25.04.88. Подписано в печать 17.11.88.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура "Литературная".
Печать офсетная. Условн. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 13,86. Уч.-изд.
л. 14,91. Тираж 50000 экз. Заказ № 492. Цена 1 р. Изд. № 43280.
Ордена Трудового Красного знамени издательство "Прогресс" Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 119847, ГСП, Москва, Г-21, Zubовский бульвар, 17.
Отпечатано с готовых диапозитивов на Можайском полиграфкомбинате Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Можайск, 143200, ул. Мира, 93.